

ЭКОНОМИКА и УПРАВЛЕНИЕ: научно-практический журнал

Выходит с 1994 года

Б А Р О У

*Экономическая политика:
стратегия и тактика*

Вопросы теории

Политический аспект

Социальная сфера

Статистика - 2015

1/2016

Редакционный совет

Н.З. Арабаджийски, декан факультета базового образования Нового Болгарского университета, д-р по экономике, профессор

М.А. Аюпов, вице-президент Академии наук Республики Башкортостан, д-р полит. наук, профессор

В.И. Буренко, профессор кафедры философии, культурологии и политологии Московского гуманитарного университета, д-р полит. наук, профессор

Ф.Б. Бурханова, главный научный сотрудник Башкирского филиала Института социологии Российской академии наук (РАН), д-р социол. наук, профессор

Р.М. Валиахметов, директор Башкирского филиала Института социологии РАН, канд. социол. наук, доцент

В.М. Валиев, директор НИИ экономических реформ Министерства экономического развития Азербайджана, д-р экон. наук, профессор

Д.А. Гайнанов, директор Института социально-экономических исследований Уфимского научного центра РАН, д-р экон. наук, профессор

Р.Р. Галлямов, главный научный сотрудник Института социально-экономических исследований Уфимского научного центра РАН, д-р социол. наук, профессор

А.М. Ганиев, руководитель Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Башкортостан

М.Н. Грачев, профессор кафедры теоретической и прикладной политологии факультета истории, политологии и права Российского государственного гуманитарного университета, д-р полит. наук, профессор

О.И. Зазнаев, заведующий кафедрой политологии Казанского федерального университета, д-р юрид. наук, профессор

Л.Е. Ильичева, директор программ Центра государственно-частного партнерства Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), д-р полит. наук, профессор

Ю.Г. Коргунюк, руководитель политологического отдела центра «ИНДЕМ» (г. Москва), д-р полит. наук, профессор

А.В. Кынев, доцент департамента политических наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», канд. полит. наук, доцент

С.Н. Лаврентьев, ректор Башкирской академии государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан (БАГСУ) (председатель Совета), канд. ист. наук, доцент

Р.Ф. Латыпов, профессор кафедры политологии, социологии и философии БАГСУ, д-р полит. наук, профессор

Р.Х. Марданов, Премьер-министр Правительства Республики Башкортостан, канд. экон. наук, доцент

В.В. Маркин, руководитель Центра региональной социологии и конфликтологии Института социологии РАН, д-р социол. наук, профессор

А.Х. Махмутов, действительный член Академии наук Республики Башкортостан, научный консультант редакции журнала, д-р экон. наук, профессор

А.В. Павроз, доцент кафедры политического управления факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета, д-р полит. наук, доцент

П.В. Панов, ведущий научный сотрудник Пермского научного центра Уральского Отделения РАН, д-р полит. наук, профессор

О.Б. Подвинцев, директор Пермского филиала Института философии и права Уральского Отделения РАН по исследованию политических институтов и процессов, д-р полит. наук, профессор

А.А. Пороховский, заведующий кафедрой политической экономики экономического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, д-р экон. наук, профессор

А.В. Скиперских, профессор кафедры гуманитарных дисциплин Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в Перми, д-р полит. наук, профессор

А.А. Солиев, ректор Финансово-экономического института Таджикистана, канд. экон. наук, доцент

Л.Н. Тимофеева, профессор кафедры политологии и политического управления РАНХиГС, д-р полит. наук, профессор

К.Б. Толкачев, председатель Государственного Собрания – Курултая Республики Башкортостан, д-р юрид. наук, профессор

В.И. Грубников, вице-президент Российского совета по международным делам, член дирекции Института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-19310, выданное Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.

Журнал распространяется по подписке на территории Российской Федерации. Подписные индексы в каталоге "Почта России" (Межрегиональное агентство подписки): 11487 – годовая подписка, 24410 – подписка на полугодие.

**Экономика
и управление:**
научно-практический журнал

№ 1 (129)

Выходит с 1994 г. 6 раз в год

СОДЕРЖАНИЕ

Вопросы теории

- Г. БАГРАТЯН. Мегаэкономика как новая область исследования экономической науки 4
Д. ЖУКОВ. Приложение теории самоорганизованной критичности
к исследованию социополитических процессов 9

Экономическая политика: стратегия и тактика

- Р. БИКМЕТОВ. Стратегия социально-экономического развития градообразующих
предприятий в условиях санкций 17
Е. ГИЛЯЗЕТДИНОВА, Р. САБИРОВ. Интеграция бизнес-структур как фактор
социально-экономического развития Российской Федерации 22

Менеджмент и маркетинг

- Р. АГЗАМОВ. Контекст как актив стратегического маркетинга 29
П. АВДЕЕВ. Современный подход к пониманию адаптивного управления 33

Социальная сфера

- Р. ГАЛИН. Анализ воспроизводства населения в муниципальных
образованиях Башкортостана 38
А. АЛЛАЯРОВА, М. БАКИЕВА, С. КАДЫРОВ. Основные факторы здоровья населения
Республики Башкортостан 44

Политические процессы

Восточный вектор внешней политики России на современном этапе (интервью с В. ТРУБНИКОВЫМ)	50
Ю. ДОРОЖКИН, М. САБИТОВ. Политические факторы протестной активности в период электорального цикла 2011–2012 гг. в России	53

Правовой аспект

В. РУСАКОВ. Институт уполномоченного органа в сфере государственно-частного партнерства: мировой опыт и российские реалии	65
Т. ЗИНУРОВ. Юридические факты в финансовом праве	73

Статистика

Социально-экономическое положение Республики Башкортостан в 2015 году Н. РАФИКОВА. О Международной научно-практической конференции «Статистика в экономических и гуманитарных науках»	76
Аннотации и ключевые слова	85

Редакционная коллегия

С.Н. Шкель (главный редактор), И.В. Дегтярева, Ю.Н. Дорожкин, В.В. Еникеев (заместитель главного редактора), Л.А. Исмагилова, Д.Б. Миннигулова, Б.М. Миркин, Д.Р. Пескова, Г.М. Россинская, Р.Р. Салахутдинова, Н.З. Солодилова, И.В. Фролова

Публикуемые материалы отражают точку зрения авторов, которая может не совпадать с мнением редколлегии журнала.

Редакция не вступает в переписку с читателями и не возвращает рукописи.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

CONTENTS

Theory Issues

- G. BAGRATYAN. Mega-economics as a New Branch of Economic Research 4
D. ZHUKOV. Applying Theory of Self-organized Criticality to Study
Socio-Political Processes 9

Economic Policy: Strategy and Tactics

- R. BIKMETOV. Strategy of Social-economic Development of City-forming
Enterprises Struck by Sanctions 17
E.GILYAZETDINOVA, R. SABIROV. Integration of Business Structures as a Factor
of Social and Economic Development of the Russian Federation 22

Management and Marketing

- R. AGZAMOV. Context as Value of Strategic Marketing 29
P. AVDEEV. The Modern Approach to the Understanding of Adaptive Management 33

Social Sphere

- R. GALIN. Analyzing of Population Reproduction in the Municipal
Entities of Bashkortostan 38
A. ALLAYAROVA, M. BAKIEVA, S. KADYROV. Main Factors of Population
Health of the Republic of Bashkortostan 44

Political Processes

- Eastern Vector of Russia's Foreign Policy at the Present Stage
(interview with V.I. Trubnikov) 50
Yu. DOROZHKIN, M. SABITOV. Political Factors of Protest Activity during
a Period of Election Cycle in 2011–2012 in Russia 53

Legal Aspect

- V. RUSAKOV. Institute of Authorized Body in Sphere of Public-Private Partnership:
International Experience and Russian Reality 65
T. ZINUROV. Legal Facts in Financial Law 73

Statistics

- Social-economic Conditions of the Republic Bashkortostan in 2015 76
N. RAFIKOVA. International Research and Practice Conference «Statistics
in Economic and Humanitarian Sciences» 83
Abstracts and Key Words 85

Мегаэкономика как новая область исследования экономической науки

Г. БАГРАТЯН

Тенденции развития мировой экономики свидетельствуют о том, что между регионами идет ожесточенное экономическое соперничество. Продукты последних десятилетий мирового развития и глобализма (например, ВТО) начинают отступать на второй план. Создаются региональные торговые и экономические союзы (ЕАЭС, ШОС, НАФТА, происходит расширение ЕС), которые вносят элементы деглобализации в мировую экономику. Экономическое соперничество стран сопровождается усиливающимся соперничеством регионов.

Речь идет о перманентной дестабилизации мировой экономики. И это несмотря на то, что объем вливаний в мировую экономику составил около 5 трлн дол. сразу же после событий 2008–2009 гг. Очевидно, даже массовое принятие кейнсианских антикризисных мер (наряду с доминирующей неоконсервативной экономической политикой) не дали желаемого результата. Задачу, связанную с обеспечением стабильного экономического роста, решать не удается. Традиционные экономические знания, базирующиеся на двух основных дисциплинах – современной микроэкономике и макроэкономике, – не дают ни четкого объяснения кризиса, ни, тем более, эффективного набора антикризисных мер.

Мы предполагаем, что кризис 2008–2009 гг. совпал с периодом формирования мегаэкономики: развитие экономической глобализации впервые привело к ситуации, когда сложились общемировые условия равновесия спроса и предложения не только на товары и услуги, но и на ресурсы. Результатом этого стало формирование общемировых (мегаэкономических) кривых спроса и предложения на ресурсы.

Мировая финансовая система является частью этой новой экономики (мегаэкономики) и основным инструментом перераспределения ресурсов между странами и регионами. Ситуация в экономической науке напоминает ситуацию, сложившуюся в 30-е годы прошлого столетия, когда вдруг стало ясно, что экономики как таковой нет, а есть макроэкономика и микроэкономика. Если не удастся решить проблему равновесия, то возникает дисбаланс. В этой связи предметом мегаэкономики является характер этого дисбаланса и разработка мер по достижению равновесия. Раньше не было потребности в развитии мегаэкономики, так как не было глобальной экономики, единого рынка товаров, услуг и ресурсов. Теперь появилась необходимость в такой равновесии, и задача экономической науки – предложить меры по его достижению [1, 8].

Предмет мегаэкономики. Мегаэкономика не соперничает с микроэкономикой и макроэкономикой, а дополняет их. Как в свое время после выхода книги Дж. М. Кейнса (1936) вся экономика была разделена на 2 части – микроэкономике и макроэкономике, так и сегодня, по нашему мнению, возникла необходимость наличия третьей базовой экономической науки – мегаэкономики.

Предмет экономической науки различные исследователи определяют по-разному. Для А. Смита, например, экономика – это процесс создания стоимости [6], для К. Маркса – наука об экономических законах и категориях [4], для А. Маршала – доктрина о жизнедеятельности людей [5], для современных авторов – дисциплина о принятии в обществе решений относи-

Багратян Грант Араратович, д-р экон. наук, профессор Российско-Армянского университета (Ереван, Армения). E-mail: inecbus@gmail.com

Статья опубликована в рамках реализации научного проекта «Мегаэкономика», финансируемого Программой развития Российско-Армянского университета на 2014–2016 гг.

тельно производства и потребления благ в условиях ограниченности ресурсов. В частности, на ограниченности ресурсов акцентируют свое внимание К. Макконел и С. Брю, предлагая свое определение экономики [7]. Безусловно, все они были правы. Мировая экономика развивается, и задачи, стоящие перед экономической наукой, изменяются. Следовательно, одни и те же понятия в экономической науке в зависимости от исторического периода развития меняют свое содержание.

Как экономическая дисциплина мегаэкономика отличается от микроэкономики и макроэкономики. Так, предметом мегаэкономики являются вопросы повышения эффективности и специфика равновесия мировой экономики в условиях глобального характера движения ресурсов. Основными вопросами микроэкономики являются следующие: «Что и сколько производить?» и «Что и кем потребляется?» [10, 4–7, 41–45]. Макроэкономика занимается решением вопросов, связанных с безработицей и инфляцией, определением соотношения потребления и сбережений, дефицитом бюджета, выявлением денежной массы, определением роста производственных мощностей и т.п. [10, 14–17].

Мегаэкономика занимается исследованием проблем экономического равновесия в мире, в частности, следующих:

– пути достижения экономического роста, если дефицит минеральных ресурсов увеличивается, а трудовых ресурсов становится все больше;

– способы решения проблем развития в том случае, если наднациональные требования окружающей среды к качеству и количеству инноваций чрезмерно высоки;

– влияние производства одной страны на уровень производства в другой стране;

– влияние глобальной финансовой системы на развитие мировой экономики и ее диверсификацию по регионам;

– поиск ответа на вопрос: если долг – инструмент заимствования у будущих поколений, где его разумные пределы?

Следует заметить, что идея установления экономического равновесия путем обеспечения подвижности ресурсов принадлежит американскому экономисту Дж. Б. Кларку [9]. Однако он эту проблему рассматривал с точки зрения теории совершенной конкуренции и экономического равновесия в рамках национальных рынков.

Становление мегаэкономики как науки, преследующей своей целью установление равновесия на мировом рынке ресурсов, делает ее принципиально отличной от современных макроэкономических представлений, в частности, от неоклассической, консервативной и кейнсианской школ экономической науки. Неоклассическая школа базируется на идее о стимулировании предложения, кейнсианская (некейнсианская) школа – спроса, представители консервативной (неоконсервативной) школы также рассматривают сторону предложения. В этой связи следует отметить, что мегаэкономика, преследующая цели равновесия, не может ориентироваться на спрос или предложение. Не случайно монетаризм постепенно утрачивает свою репутацию наиболее либеральной системы макроэкономического управления. При доминировании монетаристских (денежно-кредитных) инструментов в экономической политике со временем сформировалась бы более жесткая и менее эффективная система управления. Кризис 2008–2009 гг. продемонстрировал неэффективность проведения такой макроэкономической политики.

В то же время кейнсианская экономика, ставящая во главу угла управление спросом, также не обладает эффективными инструментами бескризисного роста. Долговой кризис современного мира, стран еврозоны и Греции наглядно убедили в несостоятельности кейнсианства в наши дни. Очевидно также, что неоклассические теории макроэкономического управления, теории рациональных ожиданий и эффективных рынков, по сути, не могут предложить необходимых лекарств для поднятия экономики.

Новая институциональная экономика Д. Норта показала, что на протяжении столетий (до начала XIX в.) долгосрочные темпы экономического роста были незначительны. По мнению исследователя, на каждый период роста доходов приходился более длительный период их спада. Бедные страны остаются таковыми в силу того, что они испытывают более частые периоды сокращения реальных доходов, и при этом абсолютная величина их падения существенно превышает этот показатель по сравнению с аналогичными показателями богатых стран. В этих условиях о равновесии в мировой экономике не могло быть и речи. С конца XX века и до сих пор Китай демонстрирует завидные темпы экономического роста (на протяжении 30 лет). Приблизительно столько же длится последний экономический «рывок» Бразилии. За последние 15 лет высокие темпы роста были характерны для экономики Индии. Тайвань, Южная Корея, Япония, Сингапур за 20–30 лет сделали скачок в экономическом развитии и преодолели тысячелетнее экономическое отставание от Запада. Тем самым одна из влиятельных теорий современной экономики, за которую еще вчера давали Нобелевскую премию, не срабатывает.

Итак, мегаэкономика рассматривает все мировое хозяйство как единое целое. Ее основная цель – это ответ на вопрос: куда и в какие страны направлять ресурсы, чтобы развитие мировой экономики в целом было эффективным?

Мегаэкономическое равновесие. Мегаэкономика меняет характер равновесия в макроэкономике и микроэкономике. Если предельный продукт одного из факторов производства, например, труда, постоянно повышается, предельный продукт фиксированного фактора – земли и капитала – медленно снижается и предельный продукт третьего фактора – сырья – быстро уменьшается, предельный продукт следующего фактора – инноваций – не постоянен (то растет, то падает), то рост мирового ВВП не в состоянии в длительной перспективе устанавливать равновесие между факто-

рами. Более того, следует признать не лишены смысла утверждения о том, что скоро, уже с 2017 г., возможны тенденции сокращения мирового ВВП [1, 62; 9, 17–18]. По крайней мере, как нам кажется, развитие теории неравномерного вклада факторов производства в мировой рост показывает, что спад мирового ВВП, частично или периодически, временами может стать единственной возможностью обеспечения экономического равновесия в случаях, когда не приняты адекватные меры экономической политики по обеспечению мобильности факторов (ресурсов) экономики. С этой точки зрения развитие мировой экономики сталкивается с серьезными проблемами, так как, с одной стороны, предпринимаются меры по недопущению экономической изоляции и формирования автаркии в рамках одной страны (система ВТО), но, с другой стороны, создание региональных экономических (и политических) союзов (Евросоюз, СНГ, ЕАЭС, ШОС, НАФТА и др.) создает континентальные препятствия на пути перемещения ресурсов и усугубляют кризис мировой экономической системы.

Безусловно, описанный нами сценарий развития мировой экономики не единственный. Возможно, развитие экономики и установление равновесия будут осуществляться иначе. Например, сейчас много говорится и о «новой экономике», под которой понимают либо ту часть экономики, которая включает высокотехнологичные отрасли, либо такую макроэкономическую среду, которая сформировалась под влиянием новых технологий и качественно отличается от старой экономики.

О каких качественных отличиях идет речь?

1. Информация – это уникальный товар, в процессе продажи которого не перестаешь быть его собственником.

2. Информация существует независимо от пространства.

3. Продажа знаний – это односторонний процесс. Знание невозможно забрать назад.

4. Себестоимость наукоемких благ придается на первые экземпляры. Последние получают очень дешевыми.

Монополии, действующие в новой экономике, также своеобразны. Например, за счет монополии в телекоммуникации срабатывает эффект масштаба, к тому же пользователи блага выигрывают (дешевле звонить в рамках одного оператора). Используя продукцию новой экономики, мы часто встречаемся с такими явлениями, как эффект масштаба и сетевые внешние эффекты, когда по мере увеличения числа потребителей полезность возрастает [8, 408–412].

Исследование поведения мегаэкономических кривых спроса и предложения и их сравнение с макроэкономическими кривыми спроса и предложения позволяют нам сделать некоторые выводы, представленные ниже.

1. Весьма своеобразным в мегаэкономике является характер совокупного (глобального) спроса. Как известно, кривая AD имеет ряд отличий от микроэкономической кривой D:

- AD – это более сложное понятие, описываемое известной суммой $C + I + G + NX$;
- отрицательный наклон кривой рыночного спроса связан с эффектами дохода и замещения.

В случае AD этот отрицательный наклон объясняется тремя макроэкономическими эффектами: процентной ставки, реального богатства и импортных закупок.

При этом могут иметь место следующие эффекты:

- эффект процентной ставки – при росте цен процентная ставка растет, что сокращает совокупный спрос;

- эффект «реального богатства» – при росте цен богатство обесценивается, что приводит к сокращению совокупного спроса;

- эффект импортных закупок – при росте цен отечественные товары становятся дороже, а импортные дешевле, что опять-таки сокращает спрос на отечественные товары.

В мегаэкономике эти эффекты не срабатывают. Так, эффект импортных закупок нужно исключить, так как на уровне мегаэкономики положительные и отрицательные значения импортных закупок нивелируют друг друга. Ведь импорт в страну B из страны A стимулирует

совокупный спрос в стране A. В мегаэкономике любая мера по стимулированию импорта одновременно является мерой стимулирования экспорта.

Мегаэкономическая кривая спроса начиная с определенного уровня цен и объемов выпуска напоминает кривую предложения: по мере роста цен спрос увеличивается. Это некий мегапрототип товара Р. Гиффена. Таким примером являются сетевые продукты: удовлетворение спроса здесь чаще всего порождает еще больший спрос, и цены растут. В рамках мегаэкономики мы можем заметить, что рост цен на сырье в большинстве случаев сопровождается ростом спроса на этот фактор производства. При этом чаще всего эффект замещения от изменения цены перевешивается действием эффекта дохода в результате бурного роста населения. Такая тенденция может еще и усилиться, когда «излишки» рабочей силы мигрируют в более развитые страны и резко увеличат спрос на потребительские товары.

Мегаэкономическая кривая предложения существенно отличается от макроэкономической. В эпоху мегаэкономики уже нельзя утверждать о наличии горизонтального участка кривой совокупного предложения, когда цены хотя бы одного из факторов производства (сырья) постоянно растут. Основное отличие проявляется на вертикальном участке. В макроэкономике на этом участке величина выпуска (уровень производства ВВП или НД) не меняется вне зависимости от уровня цен. В мегаэкономике величина выпуска может уменьшаться (в случаях, когда рост населения и инновационная волна не в состоянии компенсировать растущую редкость сырьевых ресурсов), увеличиваться (когда рост предельных продуктов труда и инноваций более чем компенсируют дефицит ресурсов) и, наконец, стремительно расти, когда имеет место бурный демографический рост при экспансии инновационного цикла. К тому же в современных условиях тезис о наличии горизонтального участка, когда цены хотя бы одного из факторов производства – сырья, постоянно повышаются, звучит не очень убедительно.

Современные технологии создают товары и услуги, потребление которых не зависит от мегаэкономической среды. В качестве яркого примера следует отметить сетевые товары и услуги. Другим примером мегаэкономического товара и обмена является нефть. Подорожание нефти чаще всего обеспечивает выгоду не продавцам, а покупателям. Например, в докризисный период (2000–2007 гг.) продавцы нефти вынуждены были существенную часть нефтедолларов «стерилизовать», в том числе покупать ценные бумаги стран – покупателей нефти (например, США).

Мегаэкономика и теория общего равновесия Леона Вальраса. В соответствии с законом всеобщего равновесия Л. Вальраса если первые $n-1$ рынков находятся в равновесии, то последний рынок тоже находится в равновесии. Причина – совокупный спрос на товары должен быть равен совокупному предложению. Но в случае различных скоростей роста ресурсов и факторов невозможно функционирование постоянных коэффициентов Вальраса. Это также свидетельствует о неизбежной цикличности макроэкономической политики. Парето-эффективность в производстве означает, что нельзя увеличить выпуск одного блага без того, чтобы в результате не сократился выпуск какого-либо другого блага. Эффективность по Парето в мегаэкономике не может и далее рассматриваться как условие постоянного равновесия: всегда возможно увеличение производства одного товара без сокращения выпуска другого. Это указывает на существование следующей аксиомы: в условиях интенсивной мобильности ресурсов (человеческих, сырьевых, инновационных) существует множество точек равновесия.

Таким образом, мегаэкономика – совершенно новая область экономической науки, которая рассматривает суть отдельных принципов и категорий экономики в условиях глобализации ресурсов и образования общемировых условий равновесия.

Литература

1. Багратян Г., Кравченко И. Введение в мегаэкономику: теория, методология, практика. К.: УБД НБУ, 2012. 158 с.
2. Голанский М.М. Взлет и падение глобальной экономики: (Что ждет отставшие страны). М.: Учен. зап. РАН, Ин-т Африки. Вып. 6, 1999. 131 с.
3. Макконнелл К.Р., Брю С.Л. Экономикс: принципы, проблемы и политика / Пер. с англ. 11-го изд. 2-е изд. Т. 1–2. М.: Республика 1992.
4. Маркс К., Энгельс Ф. Капитал. Критика политической экономии. Т. XXIII. Изд. 2-е. М.: Госполитиздат, 1959. 784 с.
5. Маршал А. Принципы политической экономии. М.: Изд-во Прогресс, 1983. 416 с.
6. Смит А. Исследование о причинах и природе богатства народов. Т. I. М.–Л.: Соцэкгиз, 1935. 371 с.
7. Фишер С., Дорнбуш Р., Шмалензи Р. Экономика / Пер. с англ. со 2-го изд. М.: Дело, 1997. 864 с.
8. Экономическая теория: учебник / И.К.Станковская, И.А.Стрелец. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Эксмо, 2010. 205 с.
9. Clark J.B. The Problem of Monopoly. N.Y.: The Columbia University Press, 1904. 187 p.
10. Lipsey R.G., Steiner P.O., Purvis D.D., Courant P.N. Macroeconomics. 9th edition. N.Y.: 1990. 526 p.

Приложение теории самоорганизованной критичности к исследованию социополитических процессов

Д. ЖУКОВ

Теория самоорганизованной критичности (СОК) довольно активно используется в естественных науках для изучения широкого круга явлений. Имеет место проникновение идей СОК и в социогуманитарные дисциплины. Задача этой статьи состоит в том, чтобы рассмотреть эвристические возможности применения теории СОК в исследовании социополитических процессов. Нас интересует, какое именно знание мы можем извлечь из использования подходов и инструментария СОК и как именно.

Анализ существующих подходов. Пер Бак совместно с рядом исследователей [15; 16] разработал понятие «самоорганизованная критичность» для обозначения некоторого универсального состояния различных систем. Если система пребывает в состоянии критичности, то любой (даже кратковременный и несильный) импульс (внешний или внутренний) не гасится, а вызывает причинно-следственные цепочки, охватывающие всю систему. Таким образом, локальные причины обуславливают глобальные последствия. Соразмерность причин и следствий нарушается. Состояние критичности возможно для систем, обладающих определенными свойствами: многокомпонентность, наличие многочисленных петель обратных причинно-следственных связей, чувствительность к незначительным внешним воздействиям и др.

П. Бак показал, что такие системы склонны к так называемым «лавинам» – самопроизвольному разбалансированию и срыву основных параметров в бесконечность без хорошо заметных, видимых, причин. На самом деле причины, конечно, есть всегда. С теорией СОК мы связываем макроуровневую динамику систем с многочисленными микроуровневыми событиями. Именно самоорганизация микроуровневых процессов и вызывает «лавины», которые на первый взгляд представляются спонтанными.

Любая система порождает множество сигналов или, другими словами, процессов/ шумов. Сигналом, который издает система, может быть запись изменения ее свойств во времени (например, колебания уровня реки) или событийный ряд, который она генерирует (например, число сделок по месяцам на бирже в течение нескольких лет).

Внутри системы, функционирующей в режиме СОК, совокупность микроуровневых событий и их последствий создает колебания разных масштабов – розовый шум ($1/f$ -шум, фликкер-шум), который является атрибутом СОК. Такое название возникло из-за того, что спектральная плотность – распределение мощности по частотам – такого сигнала аналогична параметрам розового видимого света.

Состояние критичности, как правило, вызывает скоротечный кризис (скачкообразную трансформацию) системы. Розовый шум в этой связи можно назвать предвестником катастрофы. Однако известно множество реальных систем, которые генерируют розовый шум чрезвычайно долго. Такие системы (благодаря некоторым механизмам поддержания гомеостаза) способны пребывать в норме в состоянии, близком к срыву в критическое «пике».

Системы, пребывающие в состоянии СОК, обнаруживаются благодаря розовому шуму (см. рис. 1). Теория СОК разработана под значительным воздействием идей фрактальной геометрии [14; 25]. Розовый шум – это своего рода фрактальная волна. Для него свойственна масштабная инвариантность (самоподобие) – совмещение в одном процессе событий всех масштабов: незначительных всплесков, средних волн, грандиозных цунами. Исследователи отмечают, что розовый шум широко распространен в природе и обществе и является своего рода «голосом вселенной».

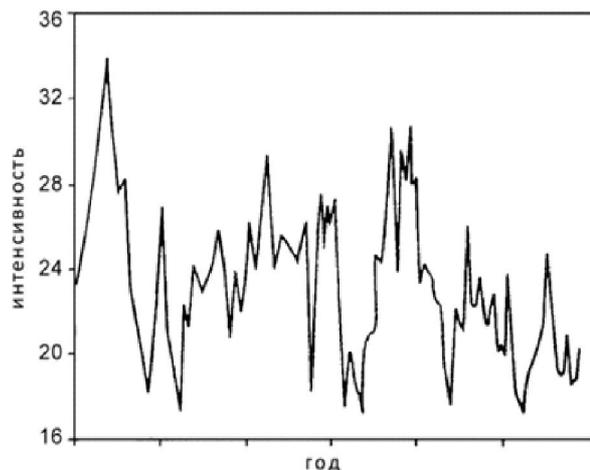

Рис. 1. Пример $1/f$ -шума – излучение квазара за 80 лет [2, 68]

Для того чтобы показать, как абстрактные конструкторы «самоорганизованная критичность» и «розовый шум» воплощаются в реальных системах (будь то физических, биологических, социальных и прочих), П. Бак использует понятие «прерывистого равновесия»: «Системы с прерывистым равновесием сочетают в себе черты замороженных, упорядоченных систем и хаотических, неупорядоченных систем. Эти системы могут помнить о своем прошлом благодаря длительным периодам застоя, позволяющим сохранять то, чему они научились на протяжении своей истории, имитируя поведение замороженных систем; вместе с тем они могут эволюционировать благодаря внезапным вспышкам активности. <...> Нерегулярным масштабным вспышкам нет места в равновесных системах, но они повсеместно встречаются в истории, биологии и экономике. <...> Сложное состояние существует на границе между предсказуемым периодическим поведением и непредсказуемым хаосом» [2, 74–75].

Розовый шум является процессом, который подчинен некоторому статистическому степенному закону. Степенные законы обнаруживают обратно пропорциональную зависимость между свойствами объектов. Известный пример такого рода – закон Гутенберга-Рихтера, в соответствии с которым сила землетрясений обратно пропорциональна их частоте: сильных землетрясений происходит мало, средней силы – среднее количество, а слабых – много. Для розового шума верно следующее утверждение: чем выше частота

сигнала (то есть чем больше число колебаний за единицу времени), тем меньше их амплитуда, и наоборот. Степенные законы проявляются во многих явлениях и носят фундаментальный характер, являясь своего рода альтернативой нормальному распределению Гаусса.

В теоретико-методологических и обзорных работах [21; 23; 24; 26; 28; 32], включая труды П. Бака и его коллег, можно обнаружить многократные утверждения, что социальные процессы могут быть поняты и интерпретированы в духе теории СОК. Д. Тьюкот [31; 32], Г.Г. Малинецкий [12], М. Бьюкенен [21], Г. Бранк [18; 19; 20] показали, что самоорганизованная критичность является весьма распространенным феноменом не только в физической, но и в социальной реальности. Л.И. Бородкин больше десяти лет назад отметил потенциально высокую эвристическую продуктивность приложений теории СОК к исследованию социополитических процессов [3]. Однако как в России, так и за рубежом, несмотря на огромные успехи теории СОК в естественных дисциплинах, данная теория редко используется для анализа конкретных социальных феноменов. Исключением является только сфера экономики, в рамках которой теория СОК становится весьма популярной как инструмент анализа ценовой динамики. Вместе с тем парадигма теории хаоса, в русле которой осуществляется развитие идей СОК, в целом близка концепциям российских исследователей [1; 4; 5; 6; 13; 34].

К числу ранних попыток доказать наличие СОК в социальной реальности (а именно – в

истории войн) относится работа Д. Робертса и Д. Тьюкота [29]. Л.-Е. Цедерман [22] предпринял исследование с аналогичными задачами. В работе М. Биггса [17] степенные законы обнаруживаются в «классовых конфликтах» в Чикаго и в стачках в Париже в конце XIX в. В 2014 г. С. Пиколи, М. дель Кастилло-Массот, Х. Рибейро, Е. Ленци, Р. Мендес опубликовали работу, в которой обнаружили степенной закон в распределении «событий с применением силы» в Ираке, Афганистане и Северной Ирландии [27].

В России приложением теории СОК в социогуманитарных дисциплинах (за исключением экономики) занимается довольно небольшое число исследователей – в частности, сотрудники Центра фрактального моделирования [9]. Инструменты и подходы СОК были применены нами для анализа и интерпретации ряда исторических процессов. В наших статьях детально представлены процедуры спек-

трального анализа и идентификации розового шума [7], а также дан обзор литературы по приложениям СОК в социогуманитарном исследовательском пространстве [10].

Идентификация розового шума. Идентификация некоторого процесса/сигнала как розового шума является необходимым условием для обращения к объяснительным схемам теории СОК с целью интерпретации устройства и динамики системы, которая генерирует данный сигнал.

Для идентификации необходимо провести спектральный анализ с помощью быстрого преобразования Фурье. В результате исходный сигнал разлагается на множество простых гармоник. Частота и мощность каждой гармоники, пропорциональная квадрату амплитуды, отражаются на спектрограмме в виде точки, а весь сложный сигнал – в виде множества точек соответственно (см. рис. 2(A)).

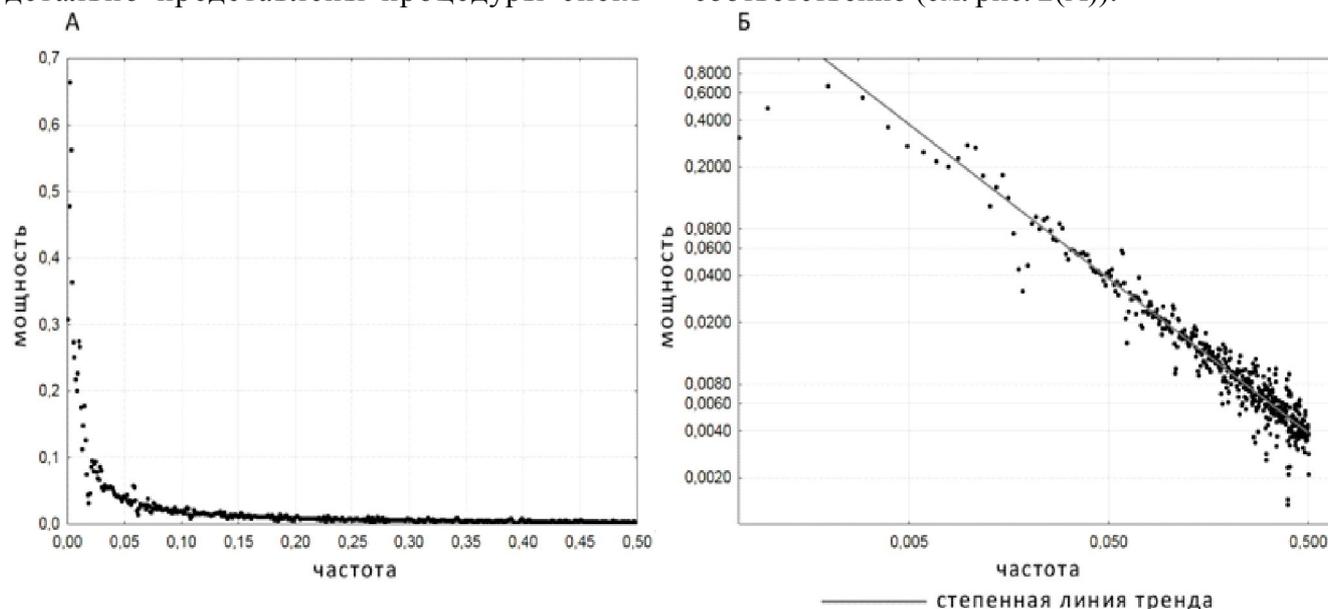

Рис. 2. Спектрограмма одного образца искусственного розового шума в линейных координатах (А) и в двойных логарифмических координатах (Б)

Если совокупность точек на спектрограмме хорошо аппроксимируется степенной линией тренда, то статистическая зависимость между мощностью и частотой изучаемого сигнала имеет следующий вид:

$$S = v / f^\alpha, \quad (1)$$

где f – частота; S – мощность; v – коэффициент, выражающий соотношение единиц S и f ; α – показатель степени.

Обратная пропорциональность выражается гиперболой (рис. 2(A)), однако в логарифмических координатах, которые обычно используются для построения спектрограмм, гипербола выглядит как прямая линия (рис. 2(Б)).

В соответствии с формулой (1) также можно описать белый и коричневый шумы, которые типологически граничат с розовым (рис. 3).

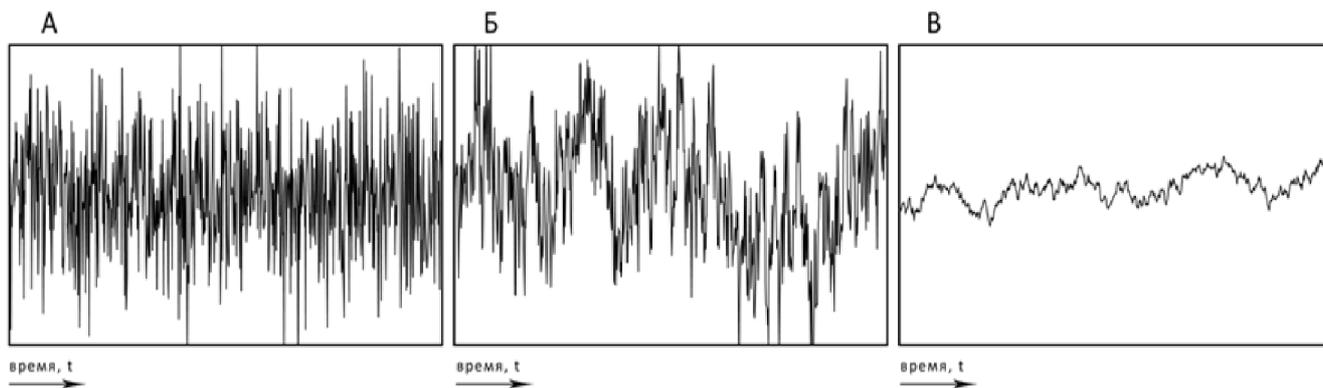

Рис. 3. Образцы белого (А), розового (Б) и коричневого (В) шумов

Ключевой величиной для идентификации цвета шума является показатель степени α . Если $\alpha = 0$, то сигнал является белым шумом: линия тренда на спектрограмме будет горизонтальной. В белом шуме гармоники разной частоты имеют равные шансы быть одинаково мощными, подобно тому, как белый свет имеет сложный спектральный состав и совмещает в себе разные цвета.

При $\alpha = 2$ такой шум считается коричневым (броуновским). Наклон прямой в этом случае будет несколько ближе, чем у розового шума, к вертикали. По аналогии с цветом видимого спектра коричневый шум должен был бы называться красным – и именно такое название используется в англоязычной литературе. Зачастую также используется наименование «броуновский», так как броуновское «блуждание» частицы генерирует именно красный шум. Но в русскоязычном исследовательском пространстве утвердилось обозначение «коричневый», которое изначально возникло, очевидно, в результате ошибочного перевода слова «Brownian» как «коричневый».

Идеальный розовый шум имеет $\alpha = 1$. Однако в природе идеальных процессов не бывает. П. Бак указывал, что «степень α [для розового шума] может принимать значения от 0 до 2» [2, 69]. На границах этого диапазона розовый шум постепенно переходит в белый или коричневый.

Цвета связаны с соответствующими качественными свойствами процессов. Белый шум (рис. 3(А)) – это абсолютный хаос, где каждое

событие или состояние ни от чего не зависит. Коричневый шум (рис. 3(В)) – это процесс с короткой и сильной памятью: каждое последующее событие или состояние зависит от непосредственно предшествующего. Розовый шум (рис. 3(Б)) занимает промежуточное положение. Он, подобно белому, наполнен случайными событиями: каждая последующая точка данных не зависит от предыдущей. Но в целом розовый шум обладает некоторой закономерностью, имеет долговременную память, связывающую всю совокупность событий. Это нечто среднее между абсолютным хаосом и идеальной упорядоченностью.

В соавторстве с коллегами нами была выдвинута гипотеза о том, что изменение цвета исследуемого сигнала может быть индикатором качественной трансформации социальной системы, которая генерирует исследуемый сигнал [8]. В самом простом случае для обнаружения такой трансформации достаточно сравнить величины α двух разных по времени (и приблизительно одинаковых по длительности) периодов одного того же процесса. Однако такой прием (условно назовем его метод 1) не позволяет точно локализовать во времени обнаруженную трансформацию.

Дело в том, что спектральный анализ невозможно проделать с небольшим количеством данных. Кроме того, в силу фундаментальных причин при уменьшении числа исходных данных, то есть при сокращении длительности изучаемых рядов, точность измерения величины α падает. В результате

экспериментов с тестовыми образцами искусственного розового шума разной длины мы пришли к выводу, что определить величину α с погрешностью до 20 % можно при наличии 75 и более точек данных [11]. Это количество мы приняли как стандартное минимальное требование к исходным данным для наших исследований.

75 точек данных могут представлять 75 лет или 75 месяцев или иной период в зависимости от избранного единичного отрезка времени, на котором осуществлялись замеры. Чтобы наблюдать переход систем из одного состояния в другое с разрешением более 75 точек, мы с коллегами предложили метод, который предусматривает вычисление индекса метаморфизации m , косвенно свидетельствующего об изменении цвета шума с разрешением до 10 точек данных [8].

Применение теории СОК для изучения социально-политических процессов. После обнаружения розового шума возникает вопрос: как выстраивать качественные интерпретации исследуемой системы, какие собственно политологические или социологические выводы можно сделать из установления размера величины α в диапазоне от 0 до 2? Рассмотрим далее опыт применения данных методик в социальных науках.

В ряде работ можно встретить сугубо позитивистский подход: идентификация розового шума подталкивает исследователей к уподоблению изучаемой социальной системы другим, более изученным – как правило, физическим – системам, которые также генерируют розовый шум. Конечно, такой прием позиционируется лишь как способ эвристического поиска и подбора научных метафор. В качестве примера можно привести статью С. Пиколи и коллег [27]. Они установили, что распределение «насильственных событий» в Северной Ирландии в 1969–2001 гг., в Ираке в 2003–2005 гг. и в Афганистане в 2008–2010 годах подчиняются степенному закону, сходному с закономерностью, свойственной землетрясениям. Исследователи сделали следующий вывод: «Возникновение землетрясений связано со [скоротечной]

релаксацией накопленного напряжения при достижении порогового значения, как это показано в теории самоорганизованной критичности. Аналогично насильственные события в человеческих конфликтах могут быть связаны с пороговым механизмом. В этом случае описание человеческих конфликтов в терминах СОК кажется правдоподобным. Наши данные согласуются с этой возможностью, обеспечивая количественную поддержку аналогиям между паттернами человеческих конфликтов и природными явлениями, для которых свойственна самоорганизованная критичность» [27, 3].

Более распространенный прием связан с уподоблением социальных систем некоторым искусственным сообществам – агентно-ориентированным моделям (АОМ), которые также генерируют розовый шум [31; 33]. АОМ как модельная парадигма возникла до появления теории СОК и является весьма влиятельной – если не самой влиятельной на Западе – технологией имитационного моделирования. Оказалось, что эффекты, описываемые теорией СОК, обнаруживаются в агентно-ориентированных моделях. Среди таких эффектов можно отметить следующие: типпинг (опрокидывание) – взрывообразная трансформация сообщества, спонтанная активность; способность агентов (юнитов сообщества) к самоорганизации в неупорядоченной совокупности малых групп; возбуждение, поддержание и самоусиление процессов, ведущих к типпингу, через петли обратных связей; необходимость внешнего – хотя и несильного – начального импульса или импульсов для запуска процессов системной дестабилизации; слабость трансформационных процессов в начальной фазе в противовес их силе и скоротечности перед типпингом и пр.

В качестве примера такого подхода можно привести одну из первых работ, трактующих социополитические процессы в духе СОК. В конце 1990-х годов Д. Робертс и Д. Тьюкот проанализировали статистику войн с XVI по XX в. и сделали вывод: «Можно качественно интерпретировать крушение порядка в мире, уподобив этот процесс возникновению огня в модели “лесного пожара”. В этой модели [в результате

первоначальной «искры», которая может быть отождествлена с некоторым событием-инициатором – как, например, вторжение в другую страну или убийство политика] иногда возникает пожар, а иногда – нет. Иногда возникает сильный пожар, а иногда – слабый. Но статистика частоты-силы пожаров подчиняется степенному закону. С точки зрения мирового порядка есть небольшие конфликты, которые могут или не могут перерасти в крупные войны. Стабилизирующие и дестабилизирующие влияния, очевидно, весьма сложны. Полученные нами результаты свидетельствуют, что мировой порядок ведет себя как самоорганизованная критическая система, независимая от усилий, предпринимаемых для контроля и стабилизации взаимодействий между людьми и странами» [29, 357].

Имитационное моделирование в духе теории СОК. Имитационные модели – функционирующие в виртуальном пространстве копии реальных систем – служат для проведения виртуальных экспериментов. Моделирование позволяет выработать гипотезы и рассматривать альтернативные сценарии развития при различных управляющих воздействиях.

В качестве мощных исследовательских инструментов в социополитической предметной области несколько десятилетий назад утвердилось агентно-ориентированное моделирование, когнитивное картирование и системно-динамическое моделирование. Практически одновременно с появлением теории СОК начали проводиться попытки создания моделей, специально имитирующих основные положения и частные эффекты этой теории. По существу, все такие модели должны быть генераторами розового шума.

Первая подобная модель была создана самим П. Баком в соавторстве с К. Снеппеном [30]. Изначально она предназначалась для имитации общих закономерностей глобального процесса эволюции, но оказалась пригодной и для моделирования ряда других долгосрочных процессов.

П. Бак предлагает следующее описание этой модели: «Мы решили разместить [биологические] виды по кругу. Каждый вид взаимо-

действует с двумя своими ближайшими соседями... В начале вычислительного эксперимента мы связывали с каждым видом случайное число от 0 до 1, [которое является значением приспособленности]... Затем вид с наименьшей приспособленностью заменялся другим видом [со случайным значением приспособленности]... Приспособленность соседей [“выбывшего” вида] просто заменялась новым случайным числом между нулем и единицей. В конечном итоге, наша модель оказалась проще, чем любая модель, придуманная кем-либо для чего-либо: случайные числа выстроены по кругу, на каждом шаге наименьшее число и два его соседа заменяются новыми случайными числами. И это все! Такая процедура повторяется снова и снова... Эта простая схема ведет к гораздо более разнообразному поведению, чем мы можем вообразить. Сложность ее поведения резко контрастирует с простотой ее устройства» [2, 182–184]. Если записать, как изменялась приспособленность видов, то получим розовый шум, включающий как небольшие колебания, так и эволюционные катастрофы и прорывы огромных масштабов. Это и есть прерывистая стабильность.

Для имитации более конкретных и локальных систем коллектив Центра фрактального моделирования разработал генератор розового шума на основе модели Бака–Снеппена. Структура, которая генерирует сигнал в нашей модели, была существенно модифицирована по сравнению с моделью эволюции.

Наша модель представляет собой граф (совокупность связанных факторов), внутри которого по некоторым правилам распространяются импульсы, сформированные в результате изменения величин определенных факторов (то есть в результате «событий»). Пользователь имеет возможность задавать время, «место» (положение в системе связей), величину «события», число «событий», количество тактов (виртуальное время наблюдения процесса). Эти «события» и дают начало импульсам, которые формируют искомый процесс – факторы начинают изменять свои величины в режиме розового шума.

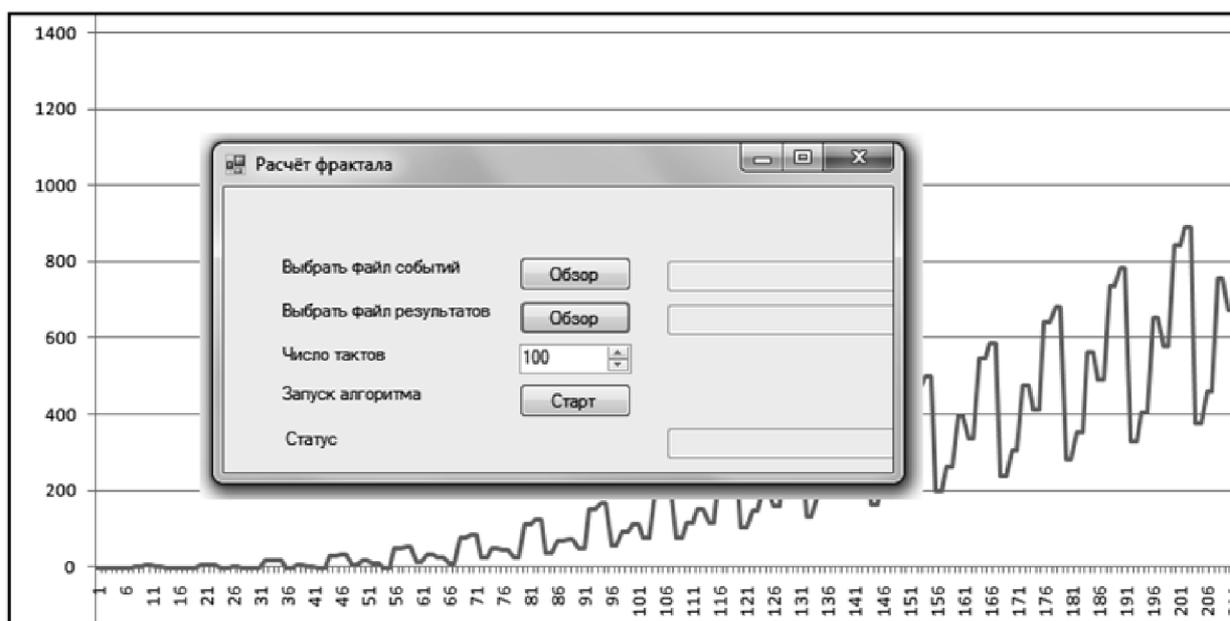

Рис. 4. Диалоговое окно и пример результатов работы программы UV

Разработчиками программного обеспечения (рабочее название UV) (рис. 4) для данной модели являются Ю.И. Мовчко и Е.И. Мовчко. Величина сигнала α на рисунке 4 равна 1,2. В правой части графика видно начало «лавины» – параметры процесса устремляются в бесконечность, что для реальных систем означает катастрофическое разрушение или скачкообразный переход в новое качественно состояние. UV-процесс создается без участия генератора случайных чисел и задается незначительным количеством несильных внешних импульсов, которые вводятся в качестве исходных данных для виртуального эксперимента.

Такой подход к построению модели позволяет в перспективе добиться ее принципиальной интерпретируемости, поскольку

открывает возможность устанавливать соответствие исходных и результирующих модельных данных с состояниями и событиями реальных систем.

Таким образом, использование подходов и инструментария теории самоорганизованной критичности обладает большим эвристическим потенциалом. Теория СОК содержит методы, которые позволяют отследить трансформацию социальных систем и сделать весьма обоснованные заключения относительно их внутреннего устройства, свойств и общей динамики. Приложения СОК к социополитическим процессам интересны еще и потому, что описывают «неожиданные» нелинейные эффекты, спонтанную активность систем, механизмы возникновения катастроф.

Литература

1. Алексеев В.В., Бородкин Л.И., Коротаев А.В., Малинецкий Г.Г., Подлазов А.В., Малков С.Ю., Турчин П.В. Международная конференция «Математическое моделирование исторических процессов» // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. 2007. № 6. С. 37–47.
2. Бак П. Как работает природа: теория самоорганизованной критичности. М.: УРСС, 2013. 276 с.
3. Бородкин Л.И. Методология анализа неустойчивых состояний в политико-исторических

процессах // Международные процессы. 2005. Т. 3. № 7. С. 4–16.

4. Бородкин Л.И., Владимиров В.Н., Гарскова И.М. Институционализация исторической информатики: к 20-летию АИК // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». 2012. № 39. С. 3–7.

5. Головашина О.В., Жуков Д.С. Нелинейные эффекты динамики социально-политических институтов // Ineternum. 2012. № 2. С. 49–59.

6. Гринин Л.Е., Коротаев А.В., Марков А.В. Макроэволюция в живой природе и обществе. М.: УРСС, 2008. 248 с.

7. Жуков Д.С., Канищев В.В., Лямин С.К. Возможности использования теории самоорганизованной критичности в изучении демографических процессов в российском позднем аграрном обществе // Историческая информатика. 2014. №1. С. 70–91.
8. Жуков Д.С., Канищев В.В., Лямин С.К., Мизис Ю.А. Опыт изучения истории российского хлебного рынка средствами теории самоорганизованной критичности // Историческая информатика. 2015. № 4.
9. Жуков Д.С., Канищев В.В., Лямин С.К., Мовчко Ю.И. Центр фрактального моделирования: развитие инструментария для исследования социальных феноменов // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2014. № 3. С. 13–26.
10. Жуков Д.С., Лямин С.К. Подходы и инструментарий теории самоорганизованной критичности в социополитических исследованиях // Pro nunc. Современные политические процессы. 2014. № 1. С. 84–109.
11. Жуков Д.С., Лямин С.К. Проблемы идентификации розового шума в исторических данных // Fractal Simulation. 2015. № 1. С. 17–23.
12. Малинецкий Г.Г. Чудо самоорганизованной критичности // Бак П. Как работает природа: теория самоорганизованной критичности. М.: УРСС, 2013. С. 13–56.
13. Сморгун Л.В. Сложность в политике: некоторые методологические направления исследований // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6: Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. 2012. № 4. С. 90–101.
14. Шибков А.А., Желтов М.А., Михлик Д.В., Золотов А.Е. Физика и геометрия фракталов. Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2011. 135 с.
15. Bak P. How Nature Works: The Science of Self-Organized Criticality. New York: Copernicus, 1996. 212 p.
16. Bak P., Tang C., Wiesenfeld K. Self-organized Criticality // Physical Review A. 1988. Vol. 38. № 1. P. 364–374.
17. Biggs M. Strikes as Forest Fires: Chicago and Paris in the Late Nineteenth Century // American Journal of Sociology. 2005. Vol. 110. № 6. P. 1684–1714.
18. Brunk G.G. Self-Organized Criticality: A New Theory of Political Behaviour and Some of Its Implications // British Journal of Political Science. 2001. Vol. 31. № 2. P. 427–445.
19. Brunk G.G. Why Are So Many Important Events Unpredictable? Self-Organized Criticality as the «Engine of History» // Japanese Journal of Political Science. 2002. Vol. 3. № 1. P. 25–44.
20. Brunk G.G. Why Do Societies Collapse? A Theory Based on Self-Organized Criticality // Journal of Theoretical Politics. 2002. Vol. 14. № 2. P. 195–230.
21. Buchanan M. Ubiquity. The Science of History... or Why the World is Simpler than We Think. London: Weidenfeld & Nicolson, 2000. 288 p.
22. Cederman L.-E. Modeling the Size of Wars: From Billiard Balls to Sandpiles // American Political Science Review. 2003. № 1. P. 135–150.
23. Guastello S.J. Chaos, Catastrophe, and Human Affairs: Applications of Nonlinear Dynamics to Work, Organizations, and Social Evolution. Abingdon: Psychology Press, 2013. 456 p.
24. Kron T., Grund T. Society as a Self-Organized Critical System // Cybernetics & Human Knowing. 2009. Vol. 16. № 1–2. P. 65–82.
25. Mandelbrot B.B. The Fractal Geometry of Nature. New York: W.H. Freeman and Company, 1982. 468 p.
26. Mathews M.K., White M.C., Long R.G. Why Study the Complexity Sciences in the Social Sciences? // Human Relations. 1999. Vol. 52. № 4. P. 439–462.
27. Picoli S., Castillo-Mussot M. del, Ribeiro H. V., Lenzi E. K., Mendes R. S. Universal bursty behaviour in human violent conflicts // Scientific Reports. 2014. Vol. 4. P. 1–3.
28. Pinto C.M.A., Mendes Lopes A., Machado J.A.T. A Review of Power Laws in Real Life Phenomena // Communications in Nonlinear Science and Numerical Simulation. 2012. Vol. 17. № 9. P. 3558–3578.
29. Roberts D.C., Turcotte D.L. Fractality and Self-Organized Criticality of Wars // Fractals. 1998. Vol. 6. № 4. P. 351–358.
30. Sneppen K., Bak P., Flyvbjerg H., Jensen M.H. Evolution as a self-organized critical phenomenon // Proceedings of the National Academy of Sciences. 1995. Vol. 92. № 11. P. 5209–5213.
31. Turcotte D.L. Self-organized criticality // Reports on Progress in Physics. 1999. Vol. 62. № 10. P. 1377.
32. Turcotte D.L., Rundle J.B. Self-organized Complexity in the Physical, Biological, and Social Sciences // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2002. Vol. 99. № 1. P. 2463–2465.
33. Weisbuch G., Solomon S., Stauffer D. Social Percolators and Self Organized Criticality // Economics with Heterogeneous Interacting Agents Lecture Notes in Economics and Mathematical Systems / Ed. by A. Kirman, J.-B. Zimmermann. Berlin: Springer Berlin Heidelberg, 2001. P. 43–55.
34. Zhukov D., Kanischev V., Lyamin S. Fractal Modeling of Historical Demographic Processes // Historical Social Research. 2013. Vol. 38. № 2. P. 271–287.

Стратегия социально-экономического развития градообразующих предприятий в условиях санкций

Р. БИКМЕТОВ

В середине марта 2014 г. страны «большой семерки» ввели первый пакет санкций, направленных на ограничение российской экономики. Экономика нашей страны и отечественный менеджмент оказались в новых, непривычных для себя условиях нарастающего санкционного давления. Социально-экономические санкции – мощный рычаг давления крупных постиндустриальных западных стран на различные государства с целью поддержки сложившихся на Западе социально-экономических практик. В новейшей истории санкции как инструмент давления на различные страны применялись достаточно часто: в 1950-х гг. было отмечено 15 случаев введения санкций, в 1960-х гг. – 20 случаев, в 1970-х гг. – 37, в 1980-х гг. – 23 и более 50 случаев в 1990-х гг. В период с 1970 по 1998 гг. санкции в отношении различных стран применялись 117 раз [2].

На данный момент в отношении нашей страны странами Запада введен целый комплекс различных санкций: в финансовом секторе экономики, в реальном секторе экономики – санкции в военно-промышленном комплексе, горнодобывающей отрасли и топливно-энергетическом комплексе. Совокупность этих санкций существенно ограничивает деятельность организаций, в том числе градообразующих, функционирующих в соответствующих сферах экономики или косвенно связанных с ними. В этой связи формируется проблема эффективного развития градообразующего предприятия и возникает необходимость решения целого комплекса социально-экономических вопросов, касающихся не только трудового коллектива, но и жителей города, агломерации, субрегиона. Данная проблема изучена слабо, так как влияние санкций в основном рассматривается на макро-

уровне [1]. Влияние санкций на деятельность предприятий до сих пор изучено слабо. В то же время очень важно выработать понимание основ долгосрочного устойчивого развития предприятия в условиях санкций.

Эффективное социально-экономическое развитие градообразующих предприятий является залогом нормального существования и развития более 300 городов в России [3]. Мощное санкционное давление, с которым столкнулась наша страна, затрагивает все аспекты деятельности градообразующих организаций. Возникают трудности, связанные с кредитованием, начинается отток перспективных зарубежных специалистов, расширяются проблемы инвестиционного характера. В целом все эти последствия санкционного давления серьезно влияют и на социальные процессы внутри трудового коллектива. Появляется неуверенность в завтрашнем дне и, как следствие – повышенная текучесть кадров и конфликтность коллектива. Все эти процессы могут разрушительно подействовать на эффективность работы организации и привести к дестабилизации ее работы. Так, в ходе опроса «Индекс деловой среды РСПП» в ноябре 2014 г. респондентам были заданы вопросы, связанные с последствиями введений санкций для российского бизнеса. В данном опросе приняли участие 55 компаний. Методика опроса предполагала возможность выбора респондентами нескольких вариантов ответа, в связи с чем сумма ответов могла превышать 100 %. 70,4 % опрошенных указали в качестве основного вида экономической деятельности сферу промышленности. Доля компаний, функционирующих в энергетическом секторе, составила 11 %, в строительном секторе – 9,3 %, в сфере транспорта и связи – 7,4 %.

Большая часть респондентов (83,3 %) работает в сфере крупного бизнеса, доля представителей средних предприятий составила 7,5 %, а субъектов малого предпринимательства – 9,2 %. 48,1 % компаний, принявших участие в опросе, считают, что экономические санкции оказывают влияние на деятельность предприятий, 38,9 % отрицают влияние санкций на их компании, а 13 % затруднились с ответом на данный вопрос [6].

Можно допустить, что само санкционное давление будет продолжаться достаточно длительное время [5]. В этих сложных условиях многое зависит от набора управленческих решений, принимаемых менеджментом организации. Пакет решений должен стимулировать организацию к развитию в сложных социально-экономических условиях, в условиях нарастающего давления на экономику. При этом приоритет должен быть отдан не только экономическим показателям, но и социальным параметрам. К примеру, сокращение затрат посредством массовых увольнений и перевода части персонала на сокращенный рабочий день может вызвать нежелательные последствия в виде саботажа и бойкотов. Нужно учитывать тот факт, что стабильность градообразующих предприятий вплетена в общественную жизнь самого города, поэтому бездумное сокращение издержек, не учитывающих социальные аспекты, может привести к коллапсу. В этой связи можно еще отметить нарастание возможных проблем с доступностью кредитования, что может привести к финансовым проблемам в организациях. Нарастающие проблемы в сфере кредитования оказывают воздействие на деятельность без малого половины организаций-участниц опроса (48,9 %), и только 17 % компаний отметили, что сложности кредитования оказывают на них незначительное воздействие [3]. Об уменьшении инвестиций как последствии введения санкций заявили 35,4 % организаций, на деятельность 27,1 % компаний уменьшение инвестиций в связи с санкциями оказывает незначительное влияние [6].

В заданных условиях менеджменту градообразующему предприятию не обойтись без специальной стратегии социально-экономи-

ческого развития организации в условиях санкций. Управление производственно-хозяйственной деятельностью в организации должно осуществляться без сбоев, учитывать влияние «внешних шоков». При этом менеджмент градообразующего предприятия должен быть социально ответственен. Здесь нужно отметить, что стратегический план социально-экономического развития в условиях санкций организации обязательно необходимо увязать со стратегией развития образованного им города. Создание стратегии развития градообразующего предприятия должно находиться в увязке с аналогичной стратегией образованного его деятельностью монопромышленного города. [4, 76]. В современных условиях задача поиска фундамента устойчивого стратегического и результативного существования и развития градообразующего предприятия в условиях санкций становится важнейшей для нашей страны. В моногородах сегодня живут 15 млн человек, или 11 % населения России. На градообразующих предприятиях занято 1,3 млн человек. При этом в моногородах производится пятая часть общего объема промышленной продукции страны, примерно на 7,1 трлн рублей в год [3].

По результатам опроса «Индекс деловой среды РСПП», для большинства организаций (78,3 %) стратегия компании в условиях действия санкций заключается в оптимизации затрат предприятия без снижения выпуска продукции (объема деятельности/производства); 26,1 % респондентов планируют расширить производство, а 20 % участников опроса готовы переориентировать предприятие на выпуск иной продукции. Об интенсификации – увеличении выпуска продукции без расширения производства как составной части стратегии компании в условиях действия санкций – заявили 17,4 % респондентов, 13 % компаний собираются снижать объем производства или оказания услуг. 19,6 % компаний, по результатам опроса, будут сокращать списочную численность работников в период действия санкций, 17,4 % опрошенных организаций собираются оптимизировать кадровую политику, а 15,2 % собираются снизить размер «социального пакета». В 10,9 %

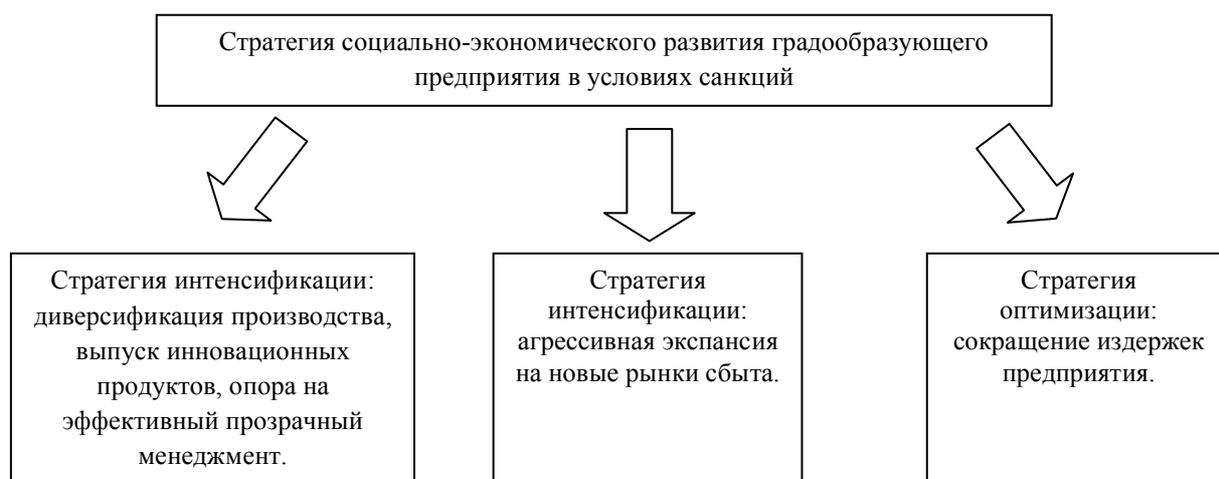
опрошенных организаций действует план антисанкционных мер [6]. Таким образом, опрос показал, что подавляющее большинство предприятий одинаково реагируют на трудности, связанные с санкционным давлением. План мер по противодействию влиянию санкций существует только у каждого десятого предприятия. Это подтверждает необходимость срочной разработки специальной стратегии для каждого предприятия, направленной на долгосрочное устойчивое развитие в условиях санкций.

Больше половины участников опроса (55 %) указали в качестве наиболее востребованного вида поддержки со стороны государства снижение фискальной нагрузки, приостановку налоговых инициатив, связанных с введением налога с продаж, изменением порядка начисления социальных выплат в Пенсионный фонд, и другие. Половина компаний заинтересованы в такой мере поддержки, как распространение льготы по налогу на имущество на увеличение стоимости при модернизации, реконструкции, объектов, введенных в эксплуатацию до 2013 г. 42,5 % компаний считают, что поддержка должна осуществляться в виде установления на законодательном уровне льгот и преференций при реализации российскими предприятиями масштабных инвестиционных проектов [6].

Предоставление государственных гарантий по инвестиционным проектам востребовано

в качестве меры государственной поддержки в условиях санкций третью компаний (32,5 %). Мы видим, что предприятиями в условиях санкций востребована господдержка, однако не всегда есть возможность для ее предоставления. К примеру, как следует из расчетов экономистов, к концу 2016 г. у страны могут закончиться резервы, накопленные за предыдущие годы высоких цен на нефть [7]. При этом под резервами подразумеваются резервный фонд и часть Фонда национального благосостояния, не инвестированная в инфраструктурные проекты. В существующий проект государственного бюджета были заложены цены на нефть в 50 дол. за баррель. Однако из-за их стремительного падения бюджет может недополучить порядка 3 трлн рублей [7]. В этой ситуации можно рассчитывать только на долгосрочное эффективное устойчивое развитие градообразующих предприятий, фундамент которой заложен соответствующей специальной стратегией, учитывающей влияние санкций и исходящей из возможностей предприятия.

С нашей точки зрения, стратегия градообразующего предприятия должна включать три ключевых направления, что даст возможность для диверсификации защиты от возможных санкционных шоков. Эти три направления визуально представлены на рисунке.

Направления стратегии социально-экономического развития градообразующего предприятия в условиях санкций

Первое направление – так называемая стратегия интенсификации: диверсификация производства, выпуск инновационных продуктов, опора на эффективный прозрачный менеджмент. Целевая функция управленческой модели будет заключаться в создании конкурентоспособной организации, способной работать не только на отечественных, но и на глобальных рынках. Характерной особенностью новой управленческой модели должна стать ориентация на инновационную продукцию. Многие российские предприятия, выпускающие неконкурентоспособную продукцию низкого качества еще с советских времен, будут вынуждены начать выпускать инновационную продукцию, которая имеет действительно высокий спрос – дешевую и качественную электронику, 3D-принтеры различных типов, электромобили, программные продукты.

Второе направление – стратегия экстенсификации, предполагающая агрессивную экспансию на новые рынки сбыта. Это достаточно мощное противодействие санкциям. Менеджменту градообразующего предприятия необходимо налаживать устойчивые хозяйственные связи со странами Латинской Америки, Африки, Азии, Океании, возрождать утраченные связи с бывшими партнерами – Монголией, КНДР, Вьетнамом, странами СНГ. Нужно создавать торговые представительства, усиливать бизнес-контакты, развивать новые направления сотрудничества.

Третье направление – стратегия оптимизации (на языке менеджеров – «резать кости»): сокращение издержек предприятия, но при этом нельзя забывать о социальной ответственности руководства предприятия перед коллективом организации, населением города, региона. Необходимо использовать данные управленческого учета, которые позволят принимать обоснованные управленческие решения. Сокращенным работникам нужно выплатить сразу несколько окладов, как это делается в западных организациях, для «безболезненного» проживания периода поиска подходящей работы.

Сокращать издержки предприятия нужно главным образом путем повышения эффективности менеджмента. Менеджерами предприятия должны быть настоящие профессионалы, обязательно имеющие базовую управленческую специальность. Зарплата управленческого персонала должна зависеть от их ключевых показателей эффективности (KPI).

Таким образом, стратегия социально-экономического развития градообразующих предприятий в условиях санкций будет состоять из трех основных направлений, которые должны реализовываться в комплексе. Безусловно, реализация данной стратегии невозможна без привлечения высококвалифицированных кадров, которые будут нацелены на устойчивое развитие градообразующего предприятия в условиях санкций и глобальную конкуренцию. Представляется, что здесь лучше не опираться на пример «Автоваза», который обратился за помощью к менеджерам-экспатам (в 2014 г. компанию возглавил американский менеджер шведского происхождения Бу Андерссон). Возможно, более экономически целесообразное, «патриотичное» решение лежит на поверхности – нужно воспользоваться технологией поиска талантливых управленцев, описанной еще в знаменитой настольной книге любого менеджера Ли Якокки [9]. Имеется в виду внедрение системы агентов-селекционеров, так называемых «охотников за головами», занимающихся поиском талантов в отечественных вузах. Обязательно нужно обратить внимание не только на столичные, но и на региональные вузы, занимающиеся подготовкой менеджеров различного профиля, а также использовать возможности интернет-пространства. Вполне возможно, что при соответствующей доводке можно будет создать корпус высококвалифицированных управленцев с хорошими знаниями, умениями, навыками, которые будут ориентированы на результат.

При этом нужно учитывать тот факт, что санкции, которые были применены в отношении нашей страны, состоят из нескольких раундов.

Санкции с каждым раундом затрагивают все больший круг компаний, все больше сфер деятельности. Причем санкции носят как прямой (гласный), так и косвенный характер. Как заявил первый вице-премьер РФ Игорь Шувалов, российская экономика может пострадать не столько от юридически оформленных, сколько от негласных санкций со стороны зарубежных партнеров. Он указывает, что «те, кто связан с экономикой, должны понимать, что худший сценарий – это не только тот, который связан с формальными санкциями, а с тем, как будут вести себя крупные инвесторы в результате фактических действий, которые юридически не оформлены. “Скрытые” санкции могут выражаться в фактических действиях властей ЕС и США» [8].

Можно сделать вывод, что санкции, введенные в отношении российских компаний и секторов экономики, достаточно жесткие и будут усиливаться в самых различных направлениях. Исходя из этого заданная стратегия социально-экономического развития градообразующих предприятий в условиях санкций должна быть многовекторной и должна содержать в себе реакцию на различные сценарии развития событий. Разработку такой стратегии невозможно осуществить без учета соответствующих рисков. Анализ возможных рисков в результате введения все новых санкций необходимо проводить с помощью качественных и количественных оценок.

Таким образом, для градообразующих предприятий важно выработать стратегию долгосрочного устойчивого социально-экономического развития, базу которой будут составлять несколько возможных сценариев, учитывающих многовекторность санкций. Такая стратегия станет основой благополучия трудового коллектива предприятия, а также населения города, агломерации, субрегиона.

Литература

1. Барковский А.Н., Алабян С.С., Морозенкова О.В. Последствия западных санкций и ответных санкций РФ // Российский внешне-экономический вестник. 2015. Т. 2015. № 9. С. 3–7.
2. Братерский М.В. Торгово-экономические санкции: эффективность, цена, проблемы использования [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: hse.ru/data/2010/03/12/1229672206/санкции.doc
3. Зыкова Т. Город на миллиард [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://www.rg.ru/2015/02/05/mono.html>
4. Ирнazarов Р.И., Бикметов Р.Ш. Населенный пункт в структуре социальной организации горнодобывающего предприятия // Вестник Башкирского университета. 2007. Т. 12. № 1. С. 74–76.
5. Кудрин А. Санкции – это надолго [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://www.tks.ru/news/nearby/2015/01/12/0009>
6. Результаты опроса «Последствия введения санкций для российского бизнеса» [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://www.rspp.ru/library/view/104?s>
7. Силуанов опасается, что резервы России будут «проедены» уже в этом году [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://riafan.ru/496273-siluanov-opasaetsya-chto-rezervy-rossii-budut-proedeny-uzhe-v-etom-godu>
8. Шувалов предупредил об опасности «скрытых» санкций против России [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://www.interfax.ru/russia/367312>
9. Якокка Л. Карьера менеджера. М.: Попурри, 2014. 544 с.

Интеграция бизнес-структур как фактор социально-экономического развития Российской Федерации

Е. ГИЛЯЗЕТДИНОВА, Р. САБИРОВ

Развитие современных государств обусловлено рядом универсальных процессов, характерных для мировой экономики. Это интенсификация глобальной конкуренции, технологические изменения, возрастание роли человеческого капитала, исчерпание потенциала экспортно-сырьевой модели экономического развития. В современных условиях социально-экономическое положение страны во многом зависит от уровня развития предпринимательства, так как именно этот экономический ресурс обеспечивает создание рабочих мест, снижение социальной напряженности, увеличение налоговых поступлений в бюджеты всех уровней и т.д.

Социально-экономическое развитие предполагает не столько количественные, сколько качественные изменения. Применительно к сфере предпринимательства, это означает совершенствование организационной структуры

бизнеса, что влияет на увеличение темпов экономического роста, повышение инновационной активности предприятий, улучшение качества товаров, услуг и пр. Следует отметить, что понятие «экономическое развитие» гораздо шире понятия «экономический рост». Экономическое развитие представляет собой сложный многоуровневый процесс, охватывающий экономический рост, структурные трансформации в экономике, совершенствование условий жизни общества.

Анализ основных показателей социально-экономического развития. Для определения уровня социально-экономического развития страны необходимо проанализировать ряд показателей, включающих индексы физического объема валового внутреннего продукта (ВВП), индекс промышленного производства, внешнеторговый оборот, отток/ввоз капитала из России.

Динамика изменения основных показателей социально-экономического развития Российской Федерации за 2009–2014 гг. [4]

Показатель / Год	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Индекс физического объема ВВП (в процентах к предыдущему году)	92,2	104,5	104,3	103,4	101,3	100,6
Индекс промышленного производства Российской Федерации (в % к предыдущему году)	89,3	107,3	105,0	103,4	100,4	101,7
Отток/ввоз капитала, млрд дол.	-57,5	-30,8	-81,4	-53,9	-61	-154,1
Внешнеторговый оборот (по методологии платежного баланса, в процентах к предыдущему году)	63,7	132,7	130,6	103,5	100,2	93,2
Экспорт (в процентах к предыдущему году)	63,7	132,1	131,3	102,3	99,2	95,1
Импорт (в процентах к предыдущему году)	63,7	133,6	129,7	105,4	101,7	90,2
Уровень безработицы населения (в среднем за год, в процентах)	8,3	7,3	6,5	5,5	5,5	5,2

Гилязетдинова Елена Рубиновна, аспирант кафедры менеджмента и маркетинга Башкирского государственного университета (БашГУ). E-mail: gilyazetdinova.e@mail.ru

Сабиров Ришат Ильясович, аспирант кафедры менеджмента и маркетинга БашГУ. E-mail: sim51@mail.ru

Согласно данным таблицы можно сделать вывод, что с 2010 г. наметилась тенденция к снижению темпов экономического роста. В качестве одной из мер, принимаемых для ускорения темпов экономического роста, выделяют развитие среднего и малого предпринимательства [6, 18]

С 2010 г. наблюдается динамика снижения индекса промышленного производства (ИПП), который отражает изменения ВВП за счет фундаментальных отраслей экономики (добыча полезных ископаемых, обрабатывающие производства, производство и распределение электроэнергии и пр.). Снижение объемов производства отрицательно сказывается на инвестиционном климате в стране, а также на уровне безработицы.

В последние годы отток капитала значительно превзошел его ввоз. Эти негативные тенденции свидетельствуют о том, что предприниматели не считают прибыльным и эффективным вкладывать активы в российскую экономику. Данное явление связано с недостаточной инвестиционной привлекательностью российской экономики, несовершенством нормативно-законодательной базы, «процветанием» теневого сектора экономики и т.д.

Международная торговля как одна из наиболее развитых форм международных отношений является средством, при помощи которого страны развивают свою специализацию, повышают производительность своих ресурсов, увеличивая общий объем производства. Значительное снижение внешне-торгового оборота, в первую очередь, связано с политическими факторами, оказывающими непосредственное влияние на экономические взаимоотношения между странами, в частности, на конъюнктуру рынка энергоносителей.

Заметное снижение уровня безработицы связано не столько с созданием новых рабочих мест, сколько с тем, что в последнее время люди предпочитают работать в «теневом» секторе экономики, несмотря на отсутствие каких-либо социальных гарантий со стороны работодателей, а также получать относительно высокую заработную плату, не «обремененную» налоговыми вычетами.

Таким образом, анализ показателей социально-экономического развития РФ показывает,

что российской экономике необходимо ускорить темпы экономического роста, повысить инвестиционную привлекательность страны, увеличить объемы промышленного производства и т.д. Концентрация на имеющихся возможностях и ресурсах страны, использование в полной мере производственных мощностей, трудового потенциала, искоренение теневого бизнеса, создание благоприятных условий для развития предпринимательства будут способствовать социально-экономическому развитию России.

Роль малого и среднего предпринимательства в социально-экономическом развитии России. Малое и среднее предпринимательство в социально-экономическом развитии страны служит «генератором» структурных изменений в экономике и своеобразным «катализатором» экономического роста.

Развитию малого и среднего предпринимательства как неотъемлемого элемента российской социально-экономической системы уделяется большое внимание, так как малое предпринимательство является основой формирования среднего класса, обеспечения занятости и самозанятости населения, поддержания социальной стабильности в обществе. В связи с этим государством предпринимается ряд мер по созданию и совершенствованию системы стимулирования и развития предпринимательской деятельности. В соответствии с Федеральным законом от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в РФ» наиболее приоритетными направлениями являются следующие [8]: обеспечение благоприятных условий для развития субъектов малого и среднего предпринимательства; повышение конкурентоспособности малого и среднего бизнеса; повышение доли налоговых поступлений от субъектов малого и среднего предпринимательства в бюджеты всех уровней Российской Федерации.

Основными критериями разграничения предпринимательских фирм выступают численность работников, годовой оборот капитала фирмы и стоимость бизнеса фирмы [5, 203]. Согласно ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в РФ», к субъектам малого предпринимательства относятся хозяйствующие субъекты, средняя численность

работников которых за предшествующий календарный год не превышает сто человек. К объективным преимуществам малого предпринимательства относятся простота организации деловой деятельности, оперативность и гибкость принятия предпринимательских решений, безграничность фантазии и маневренность в выборе предмета и вида деятельности [5, 206]. Малые и средние предприятия быстрее реагируют и адаптируются к изменениям во внешней. Кроме того, они обладают высоким потенциалом быстрого насыщения рынка товарами и не требуют больших размеров первоначального капитала для своего производственного или коммерческого старта.

За последние годы (2011–2014 гг.) доля оборота малых предприятий, включая микропредприятия, в общем обороте организаций РФ заметно уменьшилась. Так, в 2011 г. она составляла 0,23 %, а в 2014 г. этот показатель сократился до 0,21 % [4]. Доля оборота средних предприятий остается стабильной на уровне 0,04 % [4].

Значительная доля оборота малых предприятий в общем обороте организаций РФ по сравнению с долей средних предприятий говорит о наличии существенного потенциала для дальнейшего развития данного сектора.

Хозяйственная интеграция бизнес-структур в России. Мировая практика показывает, что наиболее оправданным с экономической точки зрения направлением развития малого и среднего предпринимательства является его интеграционное взаимодействие с крупными бизнес-структурами посредством формирования и развития региональных отраслевых кластеров. Известный американский экономист М. Портер определяет кластер как «группу географически локализованных взаимосвязанных компаний, связанных с ними организаций, действующих в определенных сферах, характеризующихся общностью деятельности и взаимодополняющих друг друга. Неотъемлемые составляющие кластера – бизнес, государство и наука» [1].

Данная проблематика является актуальной и для российской экономики. Необходимость внедрения кластерного подхода обусловлена стратегией перехода отечественной экономики на инновационный путь развития. Деятельность

по реализации кластерного подхода представляет собой комплекс мер, осуществляемых государственными и общественными институтами с целью интеграции предприятий всех размеров и форм собственности в кластеры и налаживанию взаимовыгодных связей между ними.

Осуществление кластерной политики способствует формированию благоприятной бизнес-среды за счет взаимовыгодного взаимодействия участников кластера, расположенных в локализованной территориальной зоне. Также синергетический эффект достигается за счет доступа к инновациям, специализированным услугам и высококвалифицированным кадрам. В результате наблюдается снижение транзакционных издержек, обеспечивающих формирование предпосылок для реализации совместных кооперационных планов, позволяющих получить дополнительные преимущества перед конкурентами.

Кластер имеет характерную особенность, заключающуюся в том, что каждый участник, решая свои конкретные задачи, оказывает положительное влияние на работу партнера, повышая тем самым и его эффективность. Взаимосвязь и интересы потенциальных участников кластера представлены на рисунке 1.

Правительство РФ придает большое значение кластерной политике, наряду с созданием Инвестиционного фонда РФ, Банка развития и внешнеэкономической деятельности, Российской венчурной компании, особых экономических зон и другими инициативами, которые являются инструментами диверсификации российской экономики. Идея кластеризации нашла отражение и в Концепции стратегии долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 г.

В IV квартале 2015 г. Общественный совет Минпромторга одобрил представленный «Деловой Россией» проект создания региональных промышленных кластеров малого и среднего бизнеса на базе производственных площадок госкомпаний. На текущий момент госкомпании выделяют 18-процентную квоту для закупок у субъектов малого и среднего предпринимательства (10 % по прямым договорам). Пока средняя доля таких закупок госкомпаний у субъектов малого и среднего предпринимательства не превышает 2 %.

Рис. 1. Взаимосвязь и интересы потенциальных участников кластера

По данным Минпромторга, всего в России функционируют 59 промышленных и 26 пилотных инновационных территориальных кластеров, а также 120 региональных центров кластерного развития [2]. Типовая модель кластера представлена на рисунке 2.

Ядром кластера являются узкоспециализированные производители конечной продукции, географически близкие друг к другу. Поддерживающие фирмы – это организации, осуществляющие поставку сырья и энергоресурсов, торговые компании, провайдеры услуг, технические службы. Инфраструктура кластера базируется на сетевых связях с центром профессионального обучения и научно-исследовательскими и прикладными институтами, а также центрами поддержки предпринимательства, с финансовым сектором.

Какие преимущества предоставляет кластерный подход на региональном уровне? Во-первых, инновационные кластеры региона имеют в основе своей отработанную, четко

выверенную систему распространения новых технологий, опыта, продукции, базирующейся на общей научной базе. Во-вторых, предприятия кластера имеют возможность осуществлять внутреннюю специализацию и унификацию, что позволяет свести к минимуму затраты на внедрение инновационных технологий. В-третьих, инновационно-промышленные кластеры приобретают гибкость посредством вхождения в их состав малых предприятий. В-четвертых, региональные промышленные кластеры выступают площадкой для развития малого и среднего предпринимательства благодаря узкой специализации ее участников, доступу к финансовым ресурсам, а также вследствие налаживания более тесных контактов между представителями науки и бизнеса.

Но прежде чем приступить к реализации кластерной политики, необходимо выявить промышленный потенциал исследуемой территории, а также выделить перспективные направления для формирования и развития кластеров.

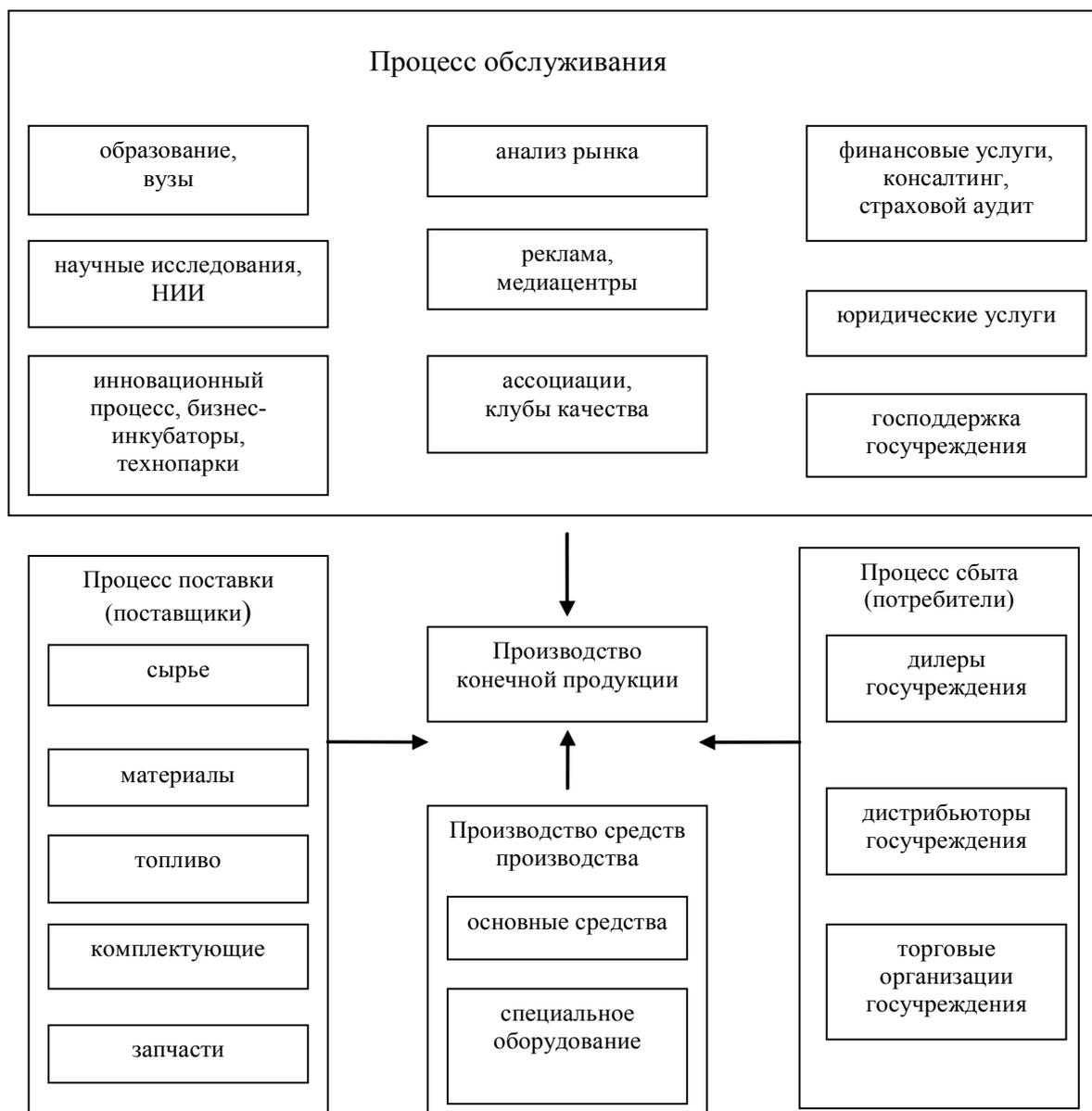

Рис. 2. Типовая модель кластера

С этой целью применяют методику оценки потенциала кластеризации с использованием коэффициентов локализации, представляющих собой сравнение региональных отраслевых показателей со средними показателями по стране:

$$K = U_{d1} / U_{dстр}, \quad (1)$$

где U_{d1} – параметр развития отрасли в структуре производства региона; $U_{dстр}$ – среднее значение параметра развития той же отрасли по стране.

Основными параметрами, характеризующими развитие отрасли, являются следующие: стоимость основных фондов, объем инвестиций

в основной капитал, доля отрасли в объеме промышленного производства, среднемесячная зарплата и пр. На базе расчета частных коэффициентов локализации определяется интегральный показатель, который характеризует уровень потенциала кластеризации конкретного региона по формуле:

$$K_{инт} = (K_1 + K_2 + K_3 + \dots + K_n) / n. \quad (2)$$

Если значение интегрального показателя потенциала кластеризации выше 1, то считается, что в данной отрасли в перспективе возможно создание промышленных кластеров [7]. В этой связи речь идет о тесной кооперации научных, образовательных учреждений с развитыми

бизнес-структурами данного региона. Промышленные передовые предприятия выступают базой для развития субъектов малого и среднего предпринимательства, именно они задают вектор развития региона.

Рассмотрим более подробно структуру кластера, представленную на рисунке 3.

Неотъемлемыми участниками кластера, как отмечалось выше, являются образовательные, научные учреждения и бизнес-структуры. Предприятия объединены между собой в технологическую цепочку посредством кооперированных связей. В большинстве случаев реализация этих связей осуществляется в рамках вертикально интегрированных компаний с зависимыми участниками, либо участниками кооперации выступают юридически независимые участники, действующие на основании долгосрочных договоров, основанных на вертикальных ограничениях. Координационный центр аккумулирует и распределяет полученную информацию, косвенно регулирует ассортимент и объем выпускаемой продукции, придает научным учреждениям прикладной характер деятельности, отвечающий запросам предприятий. Образовательные учреждения под руководством координационного центра обеспечивают подготовку профильных специа-

листов в объеме, необходимом для эффективного функционирования бизнес-структур.

Основной целью развития промышленных кластеров является усиление конкурентных позиций выпускаемой продукции на внутреннем и внешнем рынках. Для этого необходима реализация следующих мер:

- модернизация производственных мощностей;
- увеличение экспортного потенциала и развитие импортозамещающих производств за счет более глубокой переработки сырья и использования наукоемких и ресурсосберегающих, а также экологически чистых технологий;
- осуществление диверсификации выпускаемой продукции;
- усиление кооперационных связей малых и средних предприятий с крупными производителями на территории кластера;
- развитие социальной и инженерной инфраструктуры.

Одним из путей внедрения кластерной политики является создание концепции развития бизнеса на самих предприятиях, основу которых должны составлять модернизация действующих и создание абсолютно новых производств, разработка и внедрение наукоемких технологий, привлечение инвестиций.

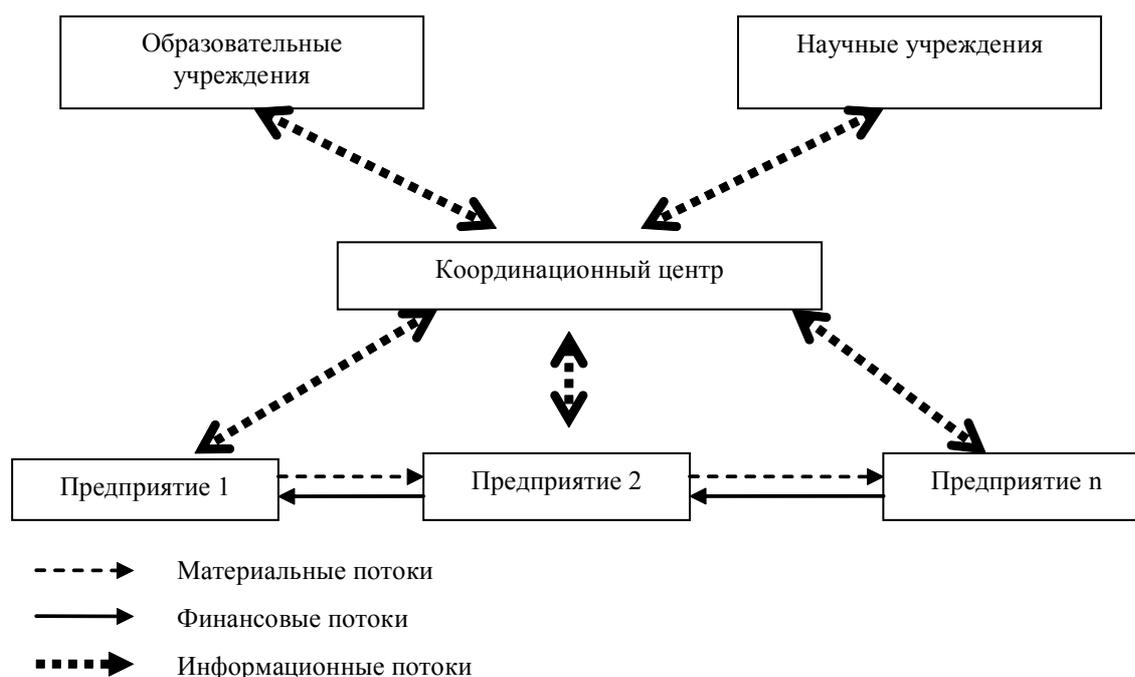

Рис. 3. Модель структуры кластера

Привлечение как отечественных, так и зарубежных инвестиционных ресурсов связано с повышением инвестиционной и инновационной привлекательности бизнеса. Это достигается за счет снижения рисков и обеспечения защиты прав инвесторов и расширения доли малых и средних предприятий в рамках НИОКР.

Достижению поставленных целей будут способствовать:

– формирование централизованных фондов для проведения НИОКР за счет совместного отчисления части прибыли, получаемой промышленными компаниями;

– «налоговые каникулы» для предприятий, создающих эффективные производства на новых мощностях;

– установление налоговых льгот для предприятий, внедряющих изобретения, патенты, начинающих выпуск импортозамещающей продукции;

– разработка и принятие Федерального закона «О промышленном развитии», регулирующего основы взаимодействия государства и бизнеса при реализации инновационной политики [3].

Все мероприятия, направленные на развитие кластера, можно разделить на две группы. Первая – производственная, ориентированная на развитие производств и формирование развитой производственной инфраструктуры. Вторая – социальная, ориентированная на обеспечение комфортных условий для жизнедеятельности и развития работников предприятий кластера и членов их семей, проживающих на территории кластера.

Следует отметить, что в настоящее время кластерная политика в России практически не реализуется. Данный факт объясняется тем, что до сих пор нет четкого понимания практической эффективности промышленных кластеров. Вместе с тем создание кластеров открывает значительные перспективы, предоставляя возможность выпускать конкурентоспособную продукцию. Главной задачей кластеризации является создание благоприятного бизнес-климата. Это будет способствовать развитию и повышению эффективности функционирования субъектов малого и среднего предпринимательства, что, в свою очередь, обеспечит

увеличение занятости населения и объемов промышленного производства, рост совокупного платежеспособного спроса, который, в конечном счете, приведет к увеличению валового регионального продукта. Функционирование кластеров является ярким примером частно-государственного партнерства. Только при условии проявления инициативы и активного участия бизнес-структур «снизу» и государства «сверху» является возможным получение синергетического эффекта.

Литература

1. Коновалова А.Е., Толмачева О.И. Формирование региональных отраслевых кластеров как важнейший этап создания инновационной экономики // Успехи современного естествознания: материалы научно-практ. конф. Пенза: Академия естествознания, 2012. С. 70–73.

2. Николаева Д. Малый бизнес пристроит в кластеры [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2857894>

3. Об утверждении программы «Развития нефтехимического территориального кластера Республики Башкортостан» на 2014–2016 годы: Постановление Правительства Республики Башкортостан от 9 декабря 2014 года № 564.

4. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://www.gks.ru>

5. Рубин Ю.Б. Курс профессионального предпринимательства. М.: Московская финансово-промышленная академия, 2011. 944 с.

6. Сменковский В.Н. К проблеме ускорения экономического роста в России // Деньги и кредит. 2012. № 1. С. 13–19.

7. Трофимова О.М. Методические рекомендации по выявлению и анализу кластеров в экономике старопромышленного региона // Вопросы управления. 2011. № 15. С. 108–114.

8. Федеральный закон от 24.07.2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в РФ» [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://base.garant.ru/12154854/>

Контекст как актив стратегического маркетинга

Р. АГЗАМОВ

Эффективность работы любого предприятия во многом зависит от того, насколько концепция маркетинга способствует созданию новых возможностей для развития организации. Однако вопросы, связанные с комплексным восприятием и оценкой маркетинговых практик отечественных предприятий, определением их соответствия задачам стратегического управления, остаются малоисследованными. Во взаимоотношениях стратегического управления и маркетинга по-прежнему имеется расхождение в плане понимания роли маркетинга в теории и его использования на практике. Более того, несмотря на «относительно большое количество работ, посвященных изучению маркетинговых практик в мире, не существует единого понимания данного термина ни среди исследователей в области маркетинга, ни среди представителей компаний» [8]. Маркетинговые практики трактуются по-разному и по разным основаниям: либо как набор маркетинговых инструментов, либо как способ организации маркетинговой деятельности, либо как способность предприятия адаптироваться к факторам макросреды.

Однако эта традиционная схема, в которой рассматриваются основные аспекты стратегической ситуации – конкуренты, тенденции рынка, потребители в качестве объективных фактов, известных и понятных всем участникам совместной деятельности, не учитывает того, что каждый из них имеет свое субъективное восприятие рыночной ситуации. Для потребителей селективное восприятие является потенциальной «силой», поскольку они находятся за пределами бизнеса и в качестве независимого внешнего субъекта могут выбирать, оценивать и платить (или не платить) за продукт. Однако для предприятий такое селективное восприятие является «слабостью», поскольку в процессе

достижения общего согласия в плане разработки и принятия к реализации конкретного маркетингового инструмента может быть отброшено многое из того, что впоследствии может оказаться существенным. Селективное восприятие может внести разные смыслы и значения в понимание рыночной ситуации, делая невозможным достижение общего согласия ни по одному из решений возникшей проблемы. Это позволяет сделать вывод о важной роли контекстов в более глубоком понимании сущности маркетинговых практик. Постановка вопроса о роли контекста в повседневных маркетинговых практиках имеет высокую актуальность, которая существенно возрастает на фоне происходящих кризисных явлений как в мировой экономике, так и в рамках экономических систем на национальном уровне.

Исходные позиции взаимосвязи контекста и стратегического маркетинга. Слово «контекст» на современном этапе настолько широко растиражировано в публикациях, что первоисточник данного понятия уже невозможно установить. Однако при всех различиях в определении этого понятия общим моментом является акцент на смысловой ситуации, в зависимости от которой значения слов могут принимать самые разные смыслы, зачастую им совсем не свойственные. В энциклопедическом словаре содержится указание на латинское слово «contextus», обозначающее сцепление, соединение, связь. Они определяют связи целостного фрагмента письменного текста или устной речи с общим смыслом речи. В исследованиях системы управления понятие «контекст» рассматривается как совокупность стимулов, которые существуют в окружающей среде, что позволяет рассматривать его с точки зрения ситуативных возможностей или ограничений,

Агзамов Рафик Закариевич, д-р социол. наук, доцент кафедры экономики труда, предпринимательства и маркетинга Башкирской академии государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан. E-mail: agzami@bk.ru

которые влияют на поведение людей» [1]. Способность влияния на людей обнаруживает у этого феномена и различия как в содержательном плане, так и в методологическом. Контексты, с которыми сталкиваются индивиды и группы людей, называются содержательными, поэтому в данной статье мы акцентируем свое внимание на содержательных контекстах. Они позволяют объяснить многообразие возможностей процессов и практик (и не только маркетинговых).

Под методологическим контекстом понимается контекст, который связан с подробной информацией о научном исследовании. Для демонстрации методологического контекста рассмотрим исходные позиции понятия «стратегический маркетинг». В научный и общественный дискурс термин «стратегический маркетинг» введен благодаря бельгийскому ученому Ж.Ж. Ламбену, который объясняет, что с «маркетинговой точки зрения покупателю не нужен продукт как таковой, ему необходимо решение проблемы, которое может обеспечить тот или иной товар или услуга» [4]. Поэтому маркетинговый контекст фокусирует внимание не на товаре, а на понятии «выгода». Решение проблемы потребитель познает через свое восприятие с точки зрения удовлетворения субъективных целей и ожидания пользы. Таким образом, когда речь идет о создании новых товаров, в маркетинговом контексте это означает создание новых смыслов, новых потребностей у потенциальных потребителей и создание восприятия этих товаров со стороны покупателей. Эти рассуждения являются еще одним подтверждением важности контекста в маркетинговых действиях.

Подчеркивая стратегически важную роль маркетинга на предприятии, Ж.Ж. Ламбен отмечает, что «идеи новых товаров или инноваций могут исходить от двух совершенно разных источников: от рынка и от фирмы» [4]. Первым источником инноваций, более характерным для рынков высокотехнологической продукции и товаров промышленного назначения, является последовательное прохождение пути создания нового товара (создание восприятия) от научного знания к реальному продукту. Этот процесс осуществляется на уровне макродеятельности

предприятия, которая опирается преимущественно на линейную модель создания восприятий, играющую ведущую роль в нашей стране. Здесь имеет место методологический контекст, связанный с процессом прохождения этого пути, который содержит множество содержательных контекстов с точки зрения фундаментальных и прикладных исследований, проектно-конструкторских работ, организации производства, реализации и диффузии новшеств. Методологический контекст подразумевает еще один содержательный контекст, который важен в смысле «развития инновационной деятельности на основе применения механизма формирования коммерческой тайны» [6].

Если идея нового товара возникает в результате рыночных исследований, которые могут выявить некие неудовлетворенные потребности на рынке, тогда источник исходит от рынка и требует от предприятия поиска способов удовлетворения обнаруженной потребности. Примеры из области исследований стратегического маркетинга показывают, что в подавляющем большинстве основное внимание в них уделено экономическому контексту. Экономический контекст подразумевает получение прибыли. Безусловно, прибыль имеет важное, иногда и решающее значение для функционирования любого предприятия. Однако следует напомнить, что экономический контекст не может рассматриваться в качестве стратегической цели предприятия. Стратегической целью любого бизнеса является создание потребителя, способного выбирать и готового заплатить за продукт. Поэтому стратегический маркетинг должен акцентировать свое внимание на социальном контексте для распознавания возможностей по созданию потенциальных и реальных потребителей на рынке.

На уровне микродеятельности повседневные усилия предприятия должны концентрироваться на процессах адаптации товара к новым требованиям рынка в контексте усовершенствования его основных аспектов пользы: функциональной сущности пользы, фактической пользы и дополнительной пользы товара. Здесь проявляется деловой содержательный контекст, стратегическое значение которого заключается в

«верификации существования потенциально прибыльного рыночного сегмента, в оценке его размера и факторов успеха новинки» [4]. В развитых странах этот процесс осуществляется именно на микроуровне деятельности, где в дополнение к линейной модели используется модель множественных источников инноваций, в соответствии с которой они могут возникать в любом звене цепочки создания ценности. Каждый из упомянутых выше содержательных контекстов можно рассматривать более детально, однако такой анализ значительно превышает формат настоящей статьи. Нам остается лишь выразить уверенность в том, что прогресс в данной области – это важный шаг в направлении улучшения понимания стратегической роли контекстов в маркетинговых практиках.

Вовлеченность контекстов в стратегическую согласованность макро- и микродеятельности. В многочисленной теоретической литературе о стратегическом маркетинге как социальном и экономическом феномене существует множество точек зрения относительно тех приоритетов развития предприятия, которые можно признать ключевыми с точки зрения успешной маркетинговой стратегии. Чаще всего авторы относят к этому способность предприятия конкурировать в сложившихся рыночных условиях и конкурентном окружении. Можно согласиться с этим, однако, на наш взгляд, успех предприятия не в меньшей степени зависит от способности менеджмента расширить содержание маркетинговой стратегии для того, чтобы предприятие не просто могло адаптироваться к внешней среде и текущим рыночным условиям (макроуровень), но могло в определенной мере создавать или менять эту среду. Необходимо акцентировать свое внимание на конкретных процессах и практиках, составляющих повседневную деятельность организаций, имеющих безусловное отношение к стратегическим результатам (микроуровень). Ведь стратегическая модель маркетинга является результатом взаимодействия предприятия и сложившейся ситуации на рынке. Она не является результатом взаимодействия ни полностью на «макроуровне», ни полностью на «микроуровне», а всегда – совокупности

указанных уровневых взаимодействий, поскольку они взаимозависимы.

С познавательной точки зрения эта взаимозависимость указывает на потребность более глубокого осмысления и большего разнообразия стратегических подходов для работы над конкретной ситуацией. Современный рынок сегодня – это «система многомерных экономических взаимозависимостей и взаимодействий, отражающаяся на сложных сочетаниях механизмов конкуренции, кооперации и партнерства на макро- и микроуровнях, переплетение нарождающегося глобального рынка и сохраняющихся национальных и локальных рынков» [5]. В условиях сложного переплетения интересов такого многообразия рынков маркетинговые стратегии, как правило, формируются на основаниях изменяющейся ситуации на макроуровне. Принято считать, что такой целевой подход, ориентирующий деятельность субъектов на адаптацию к условиям рынка на макроуровне более значимо и более способствует созданию ярких инновационных находок и решений, которые связаны с разработкой товаров мирового уровня.

Действительно, исследования стратегии в рамках такого традиционного подхода позволили создать различные концепции и разработать множество эффективных моделей, которые важны как для практики, так и для теории. Не стоит забывать, однако, что «большая часть этих исследований ограничивалась анализом на макроуровне и оказалась в тупике глубоких абстракций, расплывчатых категорий и безжизненных концепций. Большой акцент на микроподход к стратегии и стратегированию может продвинуть вперед решение существующих вопросов и обозначить новые» [2]. Напомним, что появление подавляющего большинства всем известных моделей (например, GE/McKinsey, Shell/DPM, ADL/LC и др.) было непосредственно связано с особенностями динамики экономической среды в условиях имевшего место в 1970-х годах энергетического кризиса. Мировой рынок испытывал избыток предложения сырьевых ресурсов, цены на которые неуклонно падали. Традиционные методы финансового прогнозирования оказывались бесполезными,

когда речь шла о выборе долгосрочной инвестиционной стратегии в таких условиях.

Российская экономика находится только на стадии формирования в полной мере развитых рыночных отношений, хотя рынок давно уже является российской реальностью не только в теории, но и на практике. При этом современная кризисная ситуация российской экономики во многом совпадает с условиями упомянутого нами энергетического кризиса прошлого столетия. Разница только в том, что сегодня российской экономике приходится функционировать в жестких условиях начавшегося обмена санкционными ограничениями и плавной девальвации рубля. Появилась болезненная и слабо поддающаяся статистическому учету проблема импортозамещения, что означает для потребителя рост цен, снижение качества и уменьшение ассортимента.

Замедление рынков, бесспорно, порождает немало проблем, но вместе с тем открывает и немалые возможности перед деятельностью на микроуровне. В действительности ценность в значительной степени создается именно в рамках деятельности на микроуровне, включающей в себя субъектные взаимодействия индивидов, и «в этом своем качестве индивиды ориентированы на улучшение навыков взаимодействия между людьми, норм и правил такого взаимодействия, которое обеспечивает целенаправленный, упорядоченный и согласованный характер их совместной деятельности» [7].

Таким образом, основное содержание механизма создания ценности находится в процессах согласованных действий, оптимизирующих противоречивые позиции, создающих узлы связей и отношений путем равноправной и многосторонней коммуникации между людьми. Повседневная деятельность на микроуровне приобретает стратегическую важность не только для различных подразделений, но и для всего предприятия в целом. В данном случае институциональный и социальный контексты помогают объяснить механизм возникновения производительной силы, благодаря которому деятельность на микроуровне приобретает стратегическое значение. Новые инновационные

идеи чаще всего возникают именно в недрах рутинного ежедневного рабочего процесса, и реже – бывают централизованно спланированными и управляемыми.

Работает ли этот механизм везде и всюду, без исключения, или только в особых условиях? О том, что реализация такого механизма возможна, убеждает огромная исследовательская работа, проводившаяся большой группой ученых во главе с Дж. Коллинзом в течение пяти лет, в результате которой был получен парадоксальный ответ [3]. В процессе создания новаций не играет главной роли ни капитал, ни менеджмент с разработкой своих стратегий, миссий, политик, ни особая роль организационных структур стратегического управления. Решающую роль играет сознательно построенная целостность деятельности производственного коллектива, на основе добровольно разделяемой всеми системы ценностей. В рамках рутинной, повседневной и в стратегическом плане незаметной деятельности на микроуровне решались все вопросы: формальные и неформальные, рутинные и инновационные. Все они решались на основе самоорганизации коллектива с позиций общих ценностей, всякий раз перестраиваясь по мере поступления проблем.

Выводы и практические рекомендации. Мы исходим из того, что центральной задачей в создании новых смыслов и значений маркетинговых практик является вклад в сохранение и развитие предприятия как социально-экономической системы. Следовательно, для эффективной работы предприятия в условиях рынка необходимо смещение акцента маркетинговых стратегий в пользу расширения смыслов и значений контекстов. Необходимо также формирование единого механизма взаимодействия людей в рамках предприятия для создания ценностей на микроуровне. Внутренняя маркетинговая стратегия должна стремиться к распространению общего стратегического видения внутри организации, к сведению его до осмысленных ориентиров, понятных каждому работнику. В этом плане контексты способствуют не только расширению способов работы с ситуацией, но и становятся активом, направляя

энергию, мотивацию и взгляды людей в определенное русло – координированное использование доступных ресурсов и активов. Координированное взаимодействие на микроуровне, ориентированное на рынок, становится предпочтительным источником формирования ценности, создаваемой незаметными на первый взгляд ресурсами и возможностями. Взаимодействия на микроуровне и межфирменная координация становятся ведущим звеном механизма получения макроэффектов на микроуровне. В контексте эволюции форм связи производства и потребления это очень важно, поскольку фокусирует внимание предприятия на предпочтениях конечного потребителя. В этом контексте и рождается новая стратегия маркетинга – ориентация на рынок.

Литература

1. Вельтер Ф. Контекстуализация предпринимательства – концептуальные задачи и пути их решения // Российский журнал менеджмента. Т. 11. № 2. 2013. С. 85–106.
2. Джонсон Дж., Мелин Л., Виттингтон Р. Микростратегия и стратегирование: к деятель-

ностной теории стратегического управления // Российский журнал менеджмента. Т. 9. № 4. 2011. С. 63–82.

3. Коллинз Дж. От хорошего к великому: почему одни компании совершают прорыв, а другие нет. М.: Манн, Иванов, Фербер, 2010. 320 с.

4. Ламбен Ж.Ж. Менеджмент, ориентированный на рынок. СПб.: Питер, 2004. 800 с.

5. Мировая экономика и международный бизнес / под ред. В.В. Полякова, Р.К. Щенина. М.: КНОРУС, 2013. 398 с.

6. Пескова Д.Р. Доступно не для всех. Коммерческая тайна в инновационной экономике // Креативная экономика. 2010. № 5. С. 103–109.

7. Петрова Л.Р. Коммуникация как элемент системы общественных отношений: информационно-коммуникационный подход. Европейский журнал социальных наук. М.: МИИ, 2013. С. 251–261.

8. Третьяк О.А., Ребязина В.А., Ветрова Т.В. Современные маркетинговые практики в России: результаты эмпирического исследования // Российский журнал менеджмента. Т. 13. № 1. 2015. С. 3–26.

Современный подход к пониманию адаптивного управления

П. АВДЕЕВ

На современном этапе стабильное функционирование предприятия не может быть обеспечено без учета резких изменений внешней среды. Это актуализирует проблемы, связанные с поиском методов повышения устойчивости предприятия в нестабильной ситуации. Не менее важными становятся меры, способствующие гибкости и адаптивности предприятия в постоянно изменяющихся условиях. Особенно значимым в России становится использование адаптивного подхода, что связано, прежде всего, с сущест-

вующей политической и экономической ситуацией. В таком положении у многих предприятий и организаций появляется необходимость в переориентации своей деятельности и адаптации с учетом трансформации внешней среды.

Таким образом, на современном этапе особую актуальность приобретает использование адаптивного управления. Последнее является подсистемой стратегического управления, направленного на обеспечение эффек-

тивности предприятия как в текущем периоде, так и в долгосрочной перспективе посредством своевременного изменения в ответ на вызовы со стороны внешней среды. Другими словами, адаптивность – это показатель степени эффективности решений менеджмента предприятия, направленный на выработку адекватного ответа на изменения внешней среды. Данная работа посвящена содержательному раскрытию понятия «адаптивность» и критическому анализу основных подходов к стратегии адаптивного управления.

Понятие «адаптация» часто определяется как способность системы получать информацию из внешней среды и в соответствии с этим изменять свое поведение и структуру, приближая их к оптимальным. Системы являются адаптивными, если при изменениях в среде, обуславливающих снижение их эффективности, они реагируют, изменяя свое состояние или состояние окружающей среды таким образом, чтобы их эффективность повышалась [3].

В общей теории систем адаптация трактуется как способность системы обнаружить целенаправленное приспособляющееся поведение в сложившихся условиях, а также сам процесс такого приспособления.

Термин «адаптация» часто понимается как:

- способность приспособляться к изменениям функционирования;
- процесс приспособления системы;
- метод, основанный на обработке поступающей информации для достижения некоторого критерия оптимизации [3].

Наиболее оптимальным представляется понимание адаптации промышленного предприятия как процесса приспособления параметров социально-экономической системы к изменениям внешней среды.

Виды адаптации. Существует ряд классификаций видов адаптации. В основу этих классификаций могут быть положены различные критерии. Так, в зависимости от системы, в которой происходит адаптация, различаются следующие виды адаптации:

1. *Духовная адаптация* – предполагает встраивание культуры организации в систему исконных ценностей народа.

2. *Природная адаптация* – подразумевает перенаправление способов функционирования организации на сохранение и воспроизводство природных ресурсов.

3. *Социальная адаптация* – предполагает интеграцию организации в социум.

4. *Экономическая адаптация* – осуществляется за счет встраивания организации в систему рыночных отношений.

По критерию субъектно-объектной организации адаптивного воздействия различают следующие виды адаптации: активная, когда организация стремится воздействовать на среду, чтобы изменить ее; пассивная, когда организация сама изменяется под воздействием среды. Пассивную адаптацию стоит понимать как подстройку параметров системы к требованиям внешней среды. В то же время активная адаптация предполагает реализацию такой модели поведения системы, которая приведет к изменениям во внешней среде.

По воздействию на организационную систему адаптация может быть регрессивной (предполагает пассивную адаптацию к среде с отрицательным содержанием) и прогрессивной (подразумевает благоприятное воздействие на организацию).

В соответствии с наличием опыта проведения адаптации выделяется первичная адаптация, которая осуществляется компаниями, не имеющими опыт работы на рынке, и вторичная, подразумевающая адаптацию компаний, имеющих такой опыт.

К указанным классификациям следует добавить разделение адаптации по такому признаку, как ее масштаб. Так, адаптация может быть глобальной (в этом случае изменения будут затрагивать систему в целом) и частной (изменения затрагивают лишь отдельные элементы системы). В этой связи можно выделить виды адаптации по отдельным процессам, реализуемым на предприятии, структурным элементам,

структурным связям и т.д., то есть в соответствии с объектами адаптивного воздействия.

К общепринятым классификациям следует добавить и разделение видов адаптации по источнику изменений. Принято считать, что адаптироваться можно в основном к внешней среде. И, действительно, первоочередным фактором изменений на предприятии будет являться именно внешняя среда. Однако внутренние изменения, к которым приведет адаптация к внешним факторам, также потребуют адаптации. В качестве примера можно привести закупку новейшего оборудования, которое, в свою очередь, будет требовать определенные навыки от персонала, что приведет к необходимости его обучения. С другой стороны, процесс адаптации и отбора может происходить в самой внутренней среде, когда мы отбираем наиболее эффективные методы работы, оптимизируем бизнес-процессы и т.д. Однако критерием оптимизации здесь также будет служить реакция внешней среды.

Понятия адаптивности и гибкости. Адаптивность предприятия большинством авторов характеризуется такими свойствами, как устойчивость и гибкость. Устойчивость при этом понимается как способность системы сохранять эффективность деятельности в условиях внешних воздействий и внутренних возмущений. Под гибкостью понимают способность предприятия переходить в результате воздействия факторов среды из одного работоспособного состояния в другое с минимальными затратами ресурсов [4, 336].

Интересно и мнение авторов, которые разделяют понятия «адаптивность» и «гибкость». Например, С.Н. Глаголев считает, что эти понятия не могут расцениваться как равнозначные [1, 56]. По его мнению, адаптивность предполагает переориентацию системы в ответ на уже произошедшие изменения в среде, а гибкость обеспечивается при условии предвидения таких изменений. С этой точки зрения разделение понятий «адаптивность» и «гибкость» обусловлено хронологическим разделением по отношению к изменениям внешней среды. С этим нельзя согласиться. По нашему мнению, и адаптив-

ность, и гибкость – это лишь описания свойств или характеристик системы, которые оценивают ее способность реагировать на внешнее воздействие и изменения среды. Гибкость определяет, насколько легко система может изменяться под влиянием изменений внешней среды, при этом сохраняя жизнеспособность. Гибкость в данном случае противопоставляется ригидности, то есть невозможности (сложности) изменения параметров и структуры системы в ответ на влияние внешней среды.

Адаптивность, в свою очередь, следует понимать в более широком смысле, поскольку данное понятие включает в себя не только степень легкости, с которой система поддается изменениям, но и степень устойчивости системы, то есть ее способность продолжать эффективное функционирование вне зависимости от внешних воздействий.

Таким образом, мы будем рассматривать адаптивность как способность организации путем сочетания гибкости и устойчивости осуществлять процесс адаптации к внешней среде. Причем адаптация может быть как непосредственной, так и запланированной. Такой подход отличается от стратегического сменой акцента с постановки целей и действий в отношении их достижения на постоянный мониторинг и прогнозирование среды и действий в отношении ее изменений.

С другой стороны, адаптивность, по мнению ряда авторов, может служить критерием и инструментом оценки эффективности адаптивного управления и адаптивного развития. В частности, некоторые авторы считают, что адаптивность представляет собой оценку способности предприятия как социально-экономической системы адаптироваться к изменениям внешней среды и результат процесса адаптивного развития [2].

Адаптация, развитие и конкурентоспособность. Для комплексного изучения понятия адаптивного управления следует рассмотреть и соотношение содержания понятий «адаптация» и «развитие». Так, некоторые авторы вводят категорию «адаптивное развитие», под

которой понимается динамический процесс решения проблем взаимодействия социально-экономической системы с внешней средой на основе развития новых способностей адекватной реакции на изменения последней с целью соответствия изменчивости спроса и различным рыночным возможностям [2]. Данное определение опять же сводится к повышению адаптивности предприятия, но уже в долгосрочной перспективе.

Рассмотрим также соотношение понятий «адаптивность» и «конкурентоспособность». Ряд авторов рассматривают конкурентоспособность как фактор адаптивности, другие, наоборот, полагают, что это адаптивность – фактор конкурентоспособности.

По нашему мнению, более правильной является рассмотрение адаптивности как основного фактора конкурентоспособности. С другой стороны, именно повышение конкурентоспособности является критерием эффективной адаптации.

Таким образом, к предприятию с высокой адаптивностью можно отнести такое, которое способно приспосабливаться к изменяющимся условиям внешней и внутренней среды, обеспечивая высокую эффективность деятельности. Приспособление к внешним условиям обеспечивается за счет мониторинга параметров среды, последующего прогнозирования ее поведения и выработки наиболее адекватного прогнозируемому состоянию либо непосредственному состоянию среды управленческого решения, с одной стороны, и за счет превентивного обеспечения устойчивости функционирования – с другой. Следовательно, адаптивность обеспечивается следующими способностями предприятия:

1. сохранением максимальной устойчивости по отношению к внешним воздействиям;
2. максимально гибким реагированием на воздействия внешней среды;
3. оказанием влияния на внешнюю среду с целью повышения конкурентоспособности.

Следует отметить, что первый и второй пункты не противоречат друг другу, а скорее

взаимодополняют друг друга. Рассмотрев содержание понятий адаптации и адаптивности, необходимо раскрыть понятие «адаптивное управление».

Адаптивное управление. В социальных науках существует большое число подходов к пониманию адаптивного управления. О.Г. Тихомирова определяет адаптивное управление как форму и методы управления, предполагающие способность системы изменять параметры и структуру регулятора и управляющей подсистемы в зависимости от изменения внутренних параметров объекта управления или внешней среды, а также от изменений стратегических целей [5].

По мнению Н.В. Зяблицкой, адаптивное управление – это управление социально-экономической системой, нацеленное на достижение системой нормативного уровня адаптивности при минимальных затратах [6].

Здесь же следует рассмотреть и подход к управлению адаптивным развитием. Под управлением адаптивным развитием предлагается понимать стратегически ориентированные действия и решения менеджеров предприятия по обеспечению целенаправленного изменения параметров, свойств и структуры социально-экономической системы и ее подсистем в ответ на происходящие изменения внешней среды [4].

Приведенные определения позволяют сделать вывод, что большинство ученых рассматривает адаптивное управление довольно широко, не конкретизируя сущность данного понятия применительно к деятельности предприятия. С нашей точки зрения, наиболее оптимальным представляется следующее понимание адаптивного управления: это управление, направленное на максимальное повышение адаптивности предприятия, а также осуществление процесса адаптации предприятия на основе его адаптивности как в долгосрочной перспективе, так и в ответ на непосредственное влияние среды. Методы адаптивного управления должны формулироваться в соответствии с целью повышения гибкости и устойчивости предприятия.

Представленное определение в сравнении с другими имеет ряд преимуществ, поскольку включает в себя следующие ключевые положения:

1. Под адаптивным управлением подразумевается сам процесс управления адаптацией предприятия как социально-психологической системы к внешней среде.

2. Адаптивное управление направлено на обеспечение и повышение адаптивности предприятия, которая, в свою очередь, обеспечивает осуществление процесса адаптации. Проще говоря, адаптивное управление направлено не только на осуществление самой адаптации, но и на обеспечение ресурсов для нее.

3. Адаптивное управление направлено на обеспечение адаптивности предприятия, которая раскрывается в двух характеристиках системы: устойчивость и гибкость. Для обеспечения каждой из характеристик должны использоваться свои методы.

4. Адаптивное управление должно быть ориентировано как на краткосрочную, так и на долгосрочную перспективу. Это обусловлено тем, что сам процесс адаптации реализуется при непосредственных изменениях среды, в то время как обеспечение адаптивности – это задача не только на краткосрочную, но и долгосрочную перспективу, предполагающая повышение жизнеспособности предприятия и создание резервов для обеспечения адаптации как непосредственно в момент воздействия изменений среды, так и в расчете на будущие изменения.

Можно сделать вывод, что стратегическое управление не всегда может обеспечить эффективность деятельности предприятия в условиях резких изменений во внешней среде,

которые часто невозможно спрогнозировать. Отсюда следует необходимость включения в систему управления предприятием подсистемы адаптивного управления. Это, в свою очередь, повысит способность предприятия реагировать на увеличение внешних воздействий, что является одной из наиболее актуальных задач управления на современном этапе.

Литература

1. Глаголев С.Н. Организационно-экономический механизм адаптации промышленных предприятий на современном этапе // Экономический анализ: теория и практика. 2009. № 23. С. 23–31.

2. Денисов В.Т., Назарьева Н.А., Грищенко О.В. Адаптивное управление – основа успеха деятельности промышленного предприятия // Вестник Оренбургского государственного университета. 2006. № 8. С. 89–95.

3. Зяблицкая Н.В. Адаптивное управление современными компаниями // Современные проблемы науки и образования [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://www.science-education.ru/101-5594>

4. Самочкин В.Н. Гибкое развитие предприятия. Анализ и планирование. М.: Дело, 1999.

5. Тихомирова О.Г. Адаптивное управление предпринимательскими структурами, как открытыми динамическими системами // Фундаментальные исследования. 2012. № 9. Ч. 2. С. 495–499.

6. Эфендиев Б.А. Разработка и функционирование адаптивных систем управления организацией // Российское предпринимательство. 2008. № 11. Вып. 1. С. 21–25.

Анализ воспроизводства населения в муниципальных образованиях Башкортостана

Р. ГАЛИН

Особенность демографических явлений, будь то рождения, смерти или миграции населения, заключается в том, что они привязаны к определенной территории. Территориальность населения любой общности – страны, региона или иного образования – состоит не в равномерном его расселении на занимаемой площади, а в сосредоточении в городах и селениях. Поэтому когда речь идет о демографической ситуации в стране, регионе, следует иметь в виду, что она представляет собой некую усредненную совокупность численности, состава, показателей естественного и миграционного движения населения, которая сложилась в городских и сельских поселениях.

На практике демографический анализ, как правило, завершается на уровне региона, что сглаживает различия в воспроизводстве населения в отдельных поселениях и в муниципальных образованиях. В этой связи и меры демографической политики ограничиваются только региональным уровнем. Что касается муниципальных образований, то в них демографический анализ проводится крайне редко. Хотя именно в них проявляются наибольшие различия в плане воспроизводства населения. В результате муниципальные образования оказываются практически не вовлеченными в общую систему демографической политики, что снижает эффективность ее мер.

Демографическая ситуация в Республике Башкортостан по сравнению с другими регионами России вполне благополучна. За последние 15 лет население республики демонстрирует

практически устойчивый рост рождений, определенные позитивные сдвиги происходят и в плане снижения уровня смертности.

Продолжавшаяся в течение многих лет естественная убыль населения сменилась его приростом. Несмотря на отрицательное сальдо миграции, численность населения республики за счет естественного прироста за 2014–2015 годы увеличилась и составила 4072,0 тыс. чел.

За средними демографическими показателями кроется чрезвычайно большие различия в воспроизводстве населения в городских и сельских муниципальных образованиях. Отсутствие анализа состояния демографических процессов муниципалитетов, во-первых, не дает возможность полностью оценить демографическую ситуацию, во-вторых, не позволяет конкретизировать меры по регулированию демографических процессов на низовом уровне административно-территориальных образований. С точки зрения статистического анализа подавляющее большинство поселений представляют собой слишком малую концентрацию численности населения, что не позволяет их использовать в качестве объекта демографического изучения. Поэтому в качестве единицы анализа демографической ситуации на уровне административно-территориального образования целесообразно брать городские округа и муниципальные районы¹. По совокупности типов муниципальных образований ситуация в сфере воспроизводства населения за три года представлена в таблице 1.

Галин Рифхат Асхатович, канд. экон. наук, ведущий научный сотрудник отдела социально-экономических исследований Научно-исследовательского центра проблем управления и государственной службы Башкирской академии государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан. E-mail: ekonuprav@ufanet.ru

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта «Сельская бедность в условиях глобальных вызовов: региональный аспект», проект № 15-12-02018.

¹ Согласно административному делению, в Башкортостане выделены 9 городских округов, остальные 12 городов являются городскими поселениями в составе муниципальных районов, 42 сельских района образуют самостоятельные муниципальные образования.

Состояние воспроизводства населения по формам муниципальных образований Башкортостана за 2012–2014 годы

Показатели	Всего	В том числе				
		Городские округа	из них		Муниц. города и районы	Муниц. сельские районы
			Уфа	Остальные города		
Население на 1.01.2012	4064245	1903537	1081669	821868	913178	1247530
Родившиеся, чел.	178679	87064	51495	35569	39245	52370
Умершие, чел.	160479	66798	37682	29116	38206	55475
Естественный прирост	18200	20266	13813	6453	1039	-3105
Миграционный прирост (-убыль)	-10458	20642	20403	239	-12172	-18928
Население на 1.01.2015	4071987	1944445	1115885	828560	902045	1225497

*Без ЗАТО Межгорье.

Из данных таблицы 1 следует, что ситуация в сфере воспроизводства населения в совокупности муниципальных образований по формам организации существенно различается. Среди них в отношении воспроизводства населения наиболее благополучной является столица республики – г. Уфа. Здесь за рассматриваемые три года высокий естественный и миграционный прирост обеспечил увеличение численности горожан на 34216 человек. Причем он в основном произошел за счет притока мигрантов. Такая ситуация формирует молодой возрастной состав населения и тем самым создает благоприятный демографический потенциал для дальнейшего сохранения расширенного воспроизводства населения.

В остальных городских округах также сложился достаточно высокий естественный прирост горожан. Однако на изменение численности населения миграционные процессы практически не оказали влияния. За счет высокой рождаемости численность населения в муниципальных городских округах увеличилась на 6453 человека.

В муниципальных образованиях, где малые города совмещены с сельскими районами, демографическая ситуация иная. Здесь невысокий естественный прирост сочетается с высокой миграционной убылью населения. Низкая привлекательность малых городов и сельских районов привела к сокращению численности населения на 11133 чел.

Среди приведенных групп муниципальных образований в 42 сельских муниципалитетах сложилась неблагоприятная демографическая ситуация. Здесь за счет высокой смертности населения сложилась естественная убыль, которая сочетается с высоким показателем отрицательного сальдо миграции. В результате сложения указанных демографических процессов совокупная численность сельчан уменьшилась на 22033 человека.

Положение в сфере воспроизводства населения внутри анализируемых групп муниципальных образований чрезвычайно дифференцировано. Это можно видеть из анализа воспроизводства населения в отдельных муниципальных образованиях. Результирующие показатели в городских округах республики за три года представлены в таблице 2.

Во всех городах, за исключением Агидели, Кумертау и Сибая, произошел рост населения. Особенно высокий прирост сложился в городах Уфа, Стерлитамак, Нефтекамск и Октябрьский. В этих городах высокие показатели рождаемости и низкая смертность обеспечили высокий естественный прирост, что свидетельствует о благополучной ситуации в социальной сфере. Помимо Нефтекамска, в остальных городах создавалась благоприятная миграционная ситуация: приток населения стал превышать его отток. В городах с высоким естественным приростом сформировалось молодое население, имеющее большой воспроизводственный потенциал для его будущего роста.

Влияние естественного и миграционного движения за 2012–2014 годы на численность населения муниципальных городских округов Республики Башкортостан

Городской округ	Население на 1.1.2012	Родилось	Умерло	Естеств. прирост (убыль)	Сальдо миграции	Население на 1.1.2015	Прирост (убыль) населения
Уфа	1081669	51495	37682	13813	20403	1115885	34216
Агидель	16123	624	467	157	-531	15749	-374
Кумертау	66558	2450	2727	-277	-402	65879	-679
Нефтекамск	134693	6581	4282	2299	-260	136732	2039
Октябрьский	110667	4956	3986	970	841	112478	1811
Салават	155464	5584	5693	-109	892	155655	191
Сибай	63981	2837	2336	501	-1093	63389	-592
Стерлитамак	274382	12537	9625	2912	1384	278678	4296

*Город Межгорье в таблицу не включен.

В Кумертау и Салавате за рассматриваемые три года сложилась естественная убыль населения, связанная с его высокой смертностью. Однако в Салавате небольшая убыль в сочетании с миграционным приростом все же обеспечила рост численности населения. В ином положении оказался Кумертау. Здесь естественная убыль сочетается с миграционной убылью, что привело к сокращению численности населения. Надо отметить, что в этом городе под влиянием интенсивного оттока населения сложилась с точки зрения воспроизводства неблагоприятная возрастная структура, которая характеризуется высоким удельным весом пожилого населения. Удельный вес лиц пенсионного возраста составляет 23,7 %, что характеризует снижение демографического потенциала, ухудшающее условия для будущего расширенного воспроизводства населения.

Если в городах республики ситуация в сфере естественного движения в целом благополучна, то иначе дела обстоят с миграционным движением. В четырех городах за счет превышения оттока над притоком населения сформировалось отрицательное сальдо миграции. Наиболее высокое значение данного показателя характерно для гг. Сибай и Агидель, что свидетельствует о неблагоприятной ситуации на рынке труда. В результате неблагоприятного сочетания естественного и миграционного движения населения в городах Агидель, Кумертау и Сибай численность населения сократилась.

В составе территориальных образований республики большое место занимают муници-

палитеты, совмещенные с городами и сельскими районами. В 12 таких формах муниципалитетов проживет 22,2 % населения. В каждом из них социально-экономическая ситуация оказывает влияние и отражается на показателях воспроизводства населения. Дифференциацию демографического положения малых городов в составе сельских муниципальных районов характеризует таблица 3.

Как следует из представленных данных, ситуация в сфере воспроизводства населения в муниципальных районах, включающих в свой состав городские и сельские поселения, существенно различается. Во-первых, только в двух муниципальных районах – Бирском и Туймазинском – за счет благоприятной ситуации в плане естественного и миграционного движения увеличилась численность населения. Причем положительную демографическую ситуацию в первом муниципальном районе определил г. Бирск, где естественный прирост сочетался с высоким притоком мигрантов. Нужно отметить, что этот город в течение длительного времени остается привлекательным для мигрантов. Между переписями 2002 и 2010 гг. численность населения выросла на 9 %. Такого прироста населения не имел ни один город республики. Что касается Туймазинского района, то здесь увеличение численности населения сложилось за счет высокого естественного прироста населения г. Туймазы и миграционного прироста сельского населения. Кроме указанных муниципалитетов, небольшая убыль населения наблюдалась в Благовещенском районе.

Влияние естественного и миграционного движения за 2012–2014 годы на численность населения муниципальных городов и сельских районов Башкортостана

Муниципальные города и сельские районы	Население на 1.1.2012	Число родившихся	Число умерших	Естеств. прирост (убыль)	Сальдо миграции	Население на 1.1.2015	Прирост (убыль) населения
Баймакский	58028	3179	2346	833	-1635	57226	-802
г. Баймак	17608	1038	717	321	-469	17460	-148
сельские п-я	40420	2141	1629	512	-1166	39766	-654
Белебеевский	100848	3722	3800	-78	-2019	98751	-2097
г. Белебей	59900	2230	1982	248	-718	59430	-470
р.п. Приютово	20542	666	918	-252	-292	19998	-544
сельские п-я	20406	826	900	-74	-1009	19323	-1083
Белорецкий	106408	4740	5398	-658	-2042	103708	-2700
г. Белорецк	68363	2753	3414	-661	-1118	66584	-1779
сельские п-я	38045	1987	1984	3	-924	37124	-921
Бирский	62495	2652	2339	323	1506	64324	1829
г. Бирск	44851	1777	1473	304	2298	47453	2602
сельские п-я	17644	885	866	19	-792	16871	-773
Благовещенский	49922	2392	2083	309	-477	49754	-168
г. Благовещенск	34605	1671	1287	384	24	35013	408
сельские п-я	15317	721	796	-75	-501	14741	-576
Давлекановский	42021	1588	1798	-210	-921	40890	-1131
г. Давлеканово	24049	956	964	-8	-68	23973	-76
сельские п-я	17972	632	834	-202	-853	16917	-1055
Дюртюлинский	63934	2542	2534	8	-1409	62533	-1401
г. Дюртюли	31643	1286	932	354	-658	31339	-304
сельские п-я	32291	1256	1602	-346	-751	31194	-1097
Ишимбайский	90840	3573	4190	-617	-550	89673	-1167
г. Ишимбай	66065	2601	2806	-205	380	66240	175
сельские п-я	24775	972	1384	-412	-930	23433	-1342
Мелеузовский	87150	3435	3430	5	-1917	85238	-1912
г. Мелеуз	60532	2306	2115	191	-1277	59446	-1086
сельские п-я	26618	1129	1315	-186	-640	25792	-826
Туймазинский	130942	5841	5072	769	418	132129	1187
г. Туймазы	66924	3409	2287	1122	-9	68037	1113
сельские п-я	64018	2432	2785	-353	427	64092	74
Учалинский	73247	3561	3040	521	-1805	71963	-1284
г. Учалы	37829	1673	1361	312	-661	37480	-349
сельские п-я	35418	1888	1679	209	-1144	34483	-935
Янаульский	47343	2010	2176	-166	-1321	45856	-1487
г. Янаул	26669	1255	1054	201	-796	26074	-595
сельские п-я	20674	755	1122	-367	-525	19782	-892

Влияние естественного и миграционного движения за 2012–2014 годы на численность населения сельских районов Башкортостана

Муниципальные районы	Население на 1.01.2012	Число родившихся	Число умерших	Естеств. прирост (-убыль)	Сальдо миграции (+ -)	Население на 1.01.2015	Прирост (-убыль)	Прирост (-убыль) на на 10000 чел.
Районы с приростом численности населения								
Уфимский	69096	2771	2311	460	10229	79785	10689	1436
Иглинский	50368	2216	2292	-76	5676	55968	5600	1053
Стерлитамакский	40836	1407	1613	-206	1003	41633	797	193
Чишминский	52202	2178	2189	-11	880	53071	869	165
Районы с убылью населения до 200 человек								
Краснокамский	27830	1056	1333	-277	268	27821	-9	-3
Нуримановский	20667	906	984	-78	2	20591	-76	-37
Благоварский	25805	1027	1138	-111	-65	25629	-176	-68
Кушнаренковский	27181	1165	1305	-140	-122	26919	-262	-97
Дуванский	30959	1436	1197	239	-385	30813	-146	-47
Кармаскалинский	50877	2090	2103	-13	-674	50190	-687	-136
Абзелиловский	45484	2499	1686	813	-1502	44795	-689	-153
Бурзянский	16641	1105	533	572	-748	16465	-176	-106
Районы с убылью населения от 201 до 400 человек								
Архангельский	18292	865	1041	-176	-315	17801	-491	-272
Бакалинский	28224	1088	1466	-378	-619	27227	-997	-360
Илишевский	34066	1388	1605	-217	-1050	32799	-1267	-379
Мечетлинский	24671	1012	1095	-83	-862	23726	-945	-391
Шаранский	22111	955	1051	-96	-771	21244	-867	-400
Мишкинский	24757	1184	1105	79	-943	23893	-864	-355
Хайбуллинский	32975	1632	1277	355	-1595	31735	-1240	-383
Районы с убылью населения от 401 до 600 человек								
Ермекеевский	16766	545	851	-306	-414	16046	-720	-439
Миякинский	27492	1069	1335	-266	-886	26340	-1152	-428
Федоровский	18303	594	844	-250	-627	17426	-877	-491
Чекмагушевский	30369	1249	1498	-249	-1047	29073	-1296	-436
Гафуринский	33503	1517	1715	-198	-1214	32091	-1412	-431
Караидельский	27369	1041	1282	-241	-1079	26049	-1320	-494
Татышлинский	24797	1027	1115	-88	-1060	23649	-1148	-474
Калтасинский	25638	1120	1238	-118	-1129	24392	-1247	-499
Куюргазинский	24957	1053	1103	-50	-1109	23798	-1159	-475
Белокатайский	19684	868	936	-68	-894	18722	-962	-501
Буздякский	29926	1111	1386	-275	-1388	28213	-1663	-572
Аургазинский	36226	1280	1639	-359	-1726	34141	-2085	-593
Кугарчинский	20787	1438	1468	-30	-1473	29284	-1503	-500
Кигинский	18918	789	793	-4	-907	18007	-911	-493
Зианчуринский	27325	1213	1105	108	-1414	26019	-1306	-490
Салаватский	25910	1291	1138	153	-1436	24627	-1283	-508
Аскинский	20486	981	932	49	-1192	19343	-1143	-574
Районы с убылью населения от 601 человека и выше								
Бураевский	24449	817	1400	-583	-905	22961	-1488	-628
Балтачевский	20889	791	1187	-396	-972	19521	-1368	-677
Стерлибашевский	19926	716	935	-219	-1037	18670	-1256	-651
Альшеевский	42454	1713	2042	-329	-2245	39880	-2574	-625
Бижбулякский	25361	940	1172	-232	-1476	23653	-1708	-697
Зилаирский	16212	686	700	-14	-1035	15163	-1049	-669

Во-вторых, в трех муниципальных районах (Белебеевский, Белорецкий, Ишимбайский) естественная убыль сочеталась с миграционной убылью населения, что усилило сокращение населения. Особенно большими миграционными потерями выделяются города Белебей и Белорецк. В-третьих, во всех сельских поселениях за исключением Баймакского, Белорецкого, Учалинского и Бирского районов, число умершего населения превысило рождения. За исключением Баймакского района в остальных сельских районах естественная убыль сложилась за счет высокой смертности населения.

Среди муниципальных образований своей сложной демографической ситуацией выделяются сельские районы. На долю населения 42 сельских муниципалитетов приходится 30,1% населения, 29,3% родившихся детей, 34,5% умершего населения и все миграционные потери республики. В то же время в их числе имеются и благополучные муниципалитеты (табл. 4).

В таблице сельские районы сгруппированы по признаку прироста или убыли населения за три года в расчете на 10000 человек среднегодовой численности населения. В первую группу попали районы, имеющие прирост населения, который сложился в основном за счет притока мигрантов. Все четыре муниципальных образования являются пригородными. Такое территориальное положение позволяет им интегрироваться со столицей и крупным городом Стерлитамак в области экономики и социальной сферы. Жители сельских районов через маятниковую миграцию широко используют рынок труда городов.

Последнюю группу образуют сельские районы, имеющие убыль населения свыше 601 человека в расчете на 10000 человек. Данная группа характеризуется совокупностью естественной и миграционной убыли населения. Причем в Бураевском и Балтачевском районах высокие показатели убыли населения сложились за счет значительной смертности и интенсивной миграции, в остальных районах – за счет миграционного оттока населения.

Республика Башкортостан, занимая территорию на границе Европы и Азии, отличается большим разнообразием природных условий, многонациональным населением. Природно-экономические зоны характеризуются разным уровнем урбанизации, различной плотностью

расселения, своеобразием жизненного уклада многонационального народа, что требует дифференцированного подхода к организации хозяйства. В этой связи демографическая политика республики не должна быть ограничена мерами, реализуемыми только на общереспубликанском уровне. Она должна учитывать специфику локальных территорий и использовать не только общие меры, но и конкретные мероприятия на уровне муниципальных образований. Отметим, что в 1970-х гг. система мер республиканской демографической политики была продолжена разработкой мер на уровне городов и сельских районов.

Демографическая ситуация в целом по России, в том числе Башкортостане, становится сложной. Население страны вступает в период ухудшения возрастного состава населения, которое найдет проявление в интенсивном старении, сокращении лиц трудоспособного возраста. Новые вызовы, связанные с изменением демографической ситуации, кризисными явлениями в экономике, требуют глубокого анализа многообразия факторов, оказывающих влияние на воспроизводство населения муниципальных образований, с одной стороны, учета демографической ситуации в экономическом и социальном развитии территорий – с другой.

Литература

1. Галин Р.А., Яппарова Р. Р. Использование трудового потенциала населения третьего возраста в республике Башкортостан // Регион: экономика и социология. 2015. № 3. С. 171–186.
2. Галин Р.А., Г.Ф. Хилажева. Миграция, занятость и человеческое развитие // Труд, занятость и человеческое развитие. Доклад о развитии человеческого потенциала в Республике Башкортостан. Уфа: Восточная печать, 2015. С. 201–234.
3. Галин Р.А., Скрябина Я.А. Молодежь в контексте социально-демографических функций // Развитие человеческого потенциала как условие и фактор модернизации России и ее регионов: сб. статей Всерос. науч.-практ. конф. (Уфа, 19–20 ноября 2015 г.). Уфа: Гилем, Башк. энцикл., 2015. С. 228–235.
4. Галин Р.А. Демографическая ситуация на селе как проявление его экономического и социального положения // Власть, политика, экономика в современной России: федеральный и региональный аспекты: коллект. моногр. / под ред. И.В. Фроловой. Уфа: БАГСУ, 2015. С. 149–167.

Основные факторы здоровья населения Республики Башкортостан

А. АЛЛАЯРОВА, М. БАКИЕВА,
С. КАДЫРОВ

Комплексное наблюдение условий жизни населения, проводимое с 2014 г. с периодичностью один раз в два года во всех субъектах Российской Федерации, охватывающее 60 тыс. домашних хозяйств (в республике 1485 домохозяйств), является составной частью системы федеральных статистических наблюдений по социально-демографическим проблемам [1]. Главная его особенность состоит в получении данных о пользовании услугами, об уровне удовлетворенности функционированием учреждений социальной сферы, о причинах ограничений, связанных с удовлетворением жизненно важных потребностей.

Субъективные оценки здоровья. Субъективные оценки своего здоровья являются одной

из важных характеристик, дополняющих объективные показатели здравоохранения. Половина опрошенных в республике в возрасте 15 лет и старше оценивает состояние здоровья как удовлетворительное и каждый десятый – как плохое. При этом положительно характеризуют свое здоровье только около 40 %. Аналогичные тенденции в оценках здоровья наблюдаются и в среднем по России.

Результаты опросов выявляют значительные различия в состоянии здоровья населения в зависимости от места проживания: доля респондентов – жителей села, давших положительную оценку состоянию своего здоровья, в 1,4 раза ниже, чем горожан.

Таблица 1

**Распределение оценок респондентами состояния своего здоровья
(в % к общему числу опрошенных)**

	Всего	Город	Село
Очень хорошее	2,0	2,4	1,5
Хорошее	35,8	40,0	29,0
Удовлетворительное	50,5	46,3	57,2
Плохое	10,4	10,0	11,0
Очень плохое	1,3	1,3	1,3

По объективным причинам с возрастом число положительных оценок респондентами своего здоровья снижается. Плохое самочувствие пожилых людей сказывается на их жизнедеятельности, в том числе в сфере занятости. Сле-

дует подчеркнуть, что менее благоприятная ситуация в сфере субъективных оценок здоровья в селе по сравнению с городом сложилась в основном за счет преобладания низких оценок здоровья среди сельского взрослого населения.

Аллаярова Альмира Магруфовна, главный специалист-эксперт Башкортостанстата
Бакиева Марина Сергеевна, канд. социол. наук, ведущий специалист-эксперт Башкортостанстата
Кадыров Салават Хисматович, канд. экон. наук, начальник отдела статистики уровня жизни и обследований домашних хозяйств Башкортостанстата. E-mail: budget@bashstat.ru

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта «Сельская бедность в условиях глобальных вызовов: региональный аспект», проект № 15-12-02018.

Таблица 2

Распределение оценок респондентами состояния своего здоровья по возрастным группам (в % к общему числу опрошенных)

	Дети до 15 лет	Молодежь 15–29 лет	Трудоспособные лица	Пожилые люди
Очень хорошее	...	6,2	3,0	0,1
Хорошее	72,6	67,1	49,4	7,4
Удовлетворительное	26,4	25,9	43,9	64,6
Плохое	0,8	0,6	3,5	24,5
Очень плохое	0,2	0,2	0,2	3,4

Одним из показателей, характеризующих здоровье населения региона, является распространенность хронических заболеваний. Целому ряду больных с хроническими заболеваниями, как правило, требуется систематическое врачебное наблюдение. Треть опрошенных указали на наличие хронических заболеваний, установ-

ленных врачом, причем из них примерно 65 % – на то, что они находятся под диспансерным наблюдением. Вполне закономерен рост распространенности хронических заболеваний с увеличением возраста граждан. Среди селян хронические заболевания встречаются чаще, чем среди горожан.

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос о наличии хронических заболеваний (в % к общему числу опрошенных соответствующей группы)

	Всего	Город	Село
Лица в возрасте 15 лет и старше, всего	33,1	31,6	35,6
из них			
лица трудоспособного возраста	20,3	16,3	27,3
молодежь в возрасте 15–29 лет	12,7	10,7	17,6
пожилые люди	59,4	65,3	51,1

Следует отметить, что в отношении показателей по республике, характеризующих наличие хронического заболевания, по сравнению с общероссийскими показателями выявлена несколько меньшая доля лиц городского населения и заметно большая – сельского (по России, соответственно, 32,5 и 29,5 %).

Получение медицинской помощи. Решение вопросов сохранения здоровья населения

возлагается во многом на систему здравоохранения. Около трети респондентов отметили необходимость оказания им какой-либо профессиональной медицинской помощи, в том числе диагностического исследования – 18,2 %, лечения, хирургической операции – 6,4 %, восстановительного лечения, реабилитации – 10,3 %. Наблюдается относительно высокий удельный вес лиц, не прошедших назначенный курс.

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос о прохождении назначенного курса лечения (обследования) (в % к общему числу опрошенных)

	Всего	Город	Село
Указали на получение направления на лечение или обследование	38,2	38,6	37,6
из них:			
прошли назначенный курс лечения или обследования полностью	75,5	78,9	70,1
прошли назначенный курс лечения или обследования не полностью	12,1	7,9	18,6
не прошли назначенный курс лечения или обследования	12,5	13,2	11,3

Лекарства и медицинские услуги в повседневной практике относятся к товарам и услугам первой необходимости. Вместе с тем в последнее время темпы роста цен именно на эти сегменты товаров и услуг являются наиболее высокими. Если рассматривать цены на отдельные их виды в динамике, то следует

отметить, что они растут опережающими темпами, при этом постоянно дорожают дешевые препараты. Возможности населения ограничены в связи с происходящей коммерциализацией в социальной сфере, в том числе в системе здравоохранения.

Таблица 5

Динамика потребительских цен на товары и услуги

	ноябрь 2015 г. в % к декабрю 2012 г.
Все товары и услуги	130,0
Анальгин отечественный, 500 мг, 10 таблеток	178,4
Аспирин отечественный, 500 мг, 10 таблеток	180,4
Валидол, 60 мг, 10 таблеток	в 3,6 р.
Поливитамины отечественные, 10 шт.	в 2,3 р.
Ультразвуковое исследование брюшной полости	141,7
Первичный консультативный осмотр больного у стоматолога	138,8
Лечебный массаж, сеанс	136,5

Источник: Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Башкортостан [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://bashstat.gks.ru/>

Получение медицинской помощи во многом зависит от материальных возможностей населения. Так, в качестве основной причины непрохождения или неполного прохождения курса лечения (обследования) 30 % респондентов отметили назначение платного курса и отсутствие необходимого объема денежных средств. Ожидание очереди на назначенный курс лечения (обследования) являлось актуальным для 27,2 %.

Наиболее массовой и общедоступной медицинской помощью является амбулаторно-поликлиническая. В 2014 г. за амбулаторно-поликлинической помощью обращались среди

горожан – 43,4 % взрослых респондентов, среди сельских жителей – 38,3 %. Заявили о получении медицинской помощи или консультации в рамках специальных акций 9,2 % респондентов.

Эффективность медицинских учреждений во многом определяется организационными аспектами. Как свидетельствуют ответы респондентов, временные затраты на запись к врачу для подавляющего числа обратившихся за амбулаторно-поликлинической помощью составили менее 30 минут, на ожидание приема (осмотра) – 30–60 минут.

Таблица 6

Распределение ответов респондентов на вопрос о затратах времени на получение амбулаторно-поликлинической помощи (в %, по последнему случаю обращения)

	Всего	Город	Село
На запись к врачу			
менее 30 минут	73,5	78,7	64,0
от 30 минут до 1 часа	21,7	19,4	26,0
более 1 часа	4,8	1,9	10,0
На ожидание приема или осмотра врача			
менее 30 минут	35,8	33,7	39,7
от 30 минут до 1 часа	48,9	50,3	46,2
более 1 часа	15,3	16,0	14,1

Средние затраты времени на запись к врачу в амбулаторно-поликлинических организациях составили для горожан около 20 минут, для сельских жителей – около получаса, на ожидание приема (осмотра) врача – в среднем 43 минуты.

Скорая помощь как особый вид медицинской помощи оказывается гражданам при заболеваниях, несчастных случаях, травмах, отравлениях и других состояниях, требующих срочного медицинского вмешательства. Одной из ее

основных функций является своевременное оказание качественной помощи заболевшим и пострадавшим. Средние затраты времени на ожидание скорой медицинской помощи составили в среднем 21 минуту. Респондентами практически не было отмечено ожиданий скорой медицинской помощи свыше одного часа. Объективно наблюдается некоторая дифференциация значений данного показателя в зависимости от места проживания.

Таблица 7

Распределение ответов на вопрос о затратах времени на получение скорой медицинской помощи (в %, при последнем вызове)

	Всего	Город	Село
Ожидание приезда скорой помощи			
20 минут и менее	71,2	73,1	67,0
21-40 минут	23,9	25,6	20,3
41 минута - 1 час	4,9	1,3	12,7

В ряду медицинских услуг стоматология занимает особое место. Стоматологическая помощь требовалась каждому второму жителю республики (53,9 %). При этом обращался за ней лишь каждый третий нуждающийся, проживающий в городе (36,5 %), и каждый четвертый – на селе (25,4 %). В качестве проблем получения стоматологической помощи отмечены очереди на прием, особенно в сельской местности.

При наличии потребности в медицинской помощи каждый третий взрослый респондент по

каким-либо причинам не обращался в специализированные медицинские организации. Исключительно высока доля лиц, занимающихся самолечением (свыше 40 %). Городские жители в меньшей степени доверяют медицинским организациям. Для столичных жителей в связи с более высоким ритмом жизни, напряженностью на работе актуальна недостаточность времени. Для сельских жителей традиционно остается проблема доступа к медучреждениям в связи с удаленностью места жительства.

Таблица 8

Ответы на вопрос о причинах необращения в медицинские организации (в % к общему числу не обращающихся)

	Всего	Город	Село
Лечились самостоятельно	40,9	40,7	41,0
Не рассчитывают на эффективное лечение	28,5	32,4	22,6
Не удовлетворяет работа медорганизации	26,4	34,5	14,1
Не было времени	23,9	24,4	23,2
Необходимое лечение можно получить только на платной основе	13,7	16,2	9,9
Не могут добраться до медорганизации без посторонней помощи	7,4	3,8	12,9
Было тяжело добраться до медорганизации	6,2	4,1	9,3
Не располагали информацией о том, где можно получить необходимую медицинскую помощь	2,0	2,0	2,0

Наряду с обращениями к профессионалам, работающим в специализированных учреждениях, широкое распространение у населения получили неформальные подходы.

Как видно, городские жители, особенно проживающие в столице, значительно чаще обращаются к нетрадиционной медицине (в Уфе – почти каждый пятый респондент).

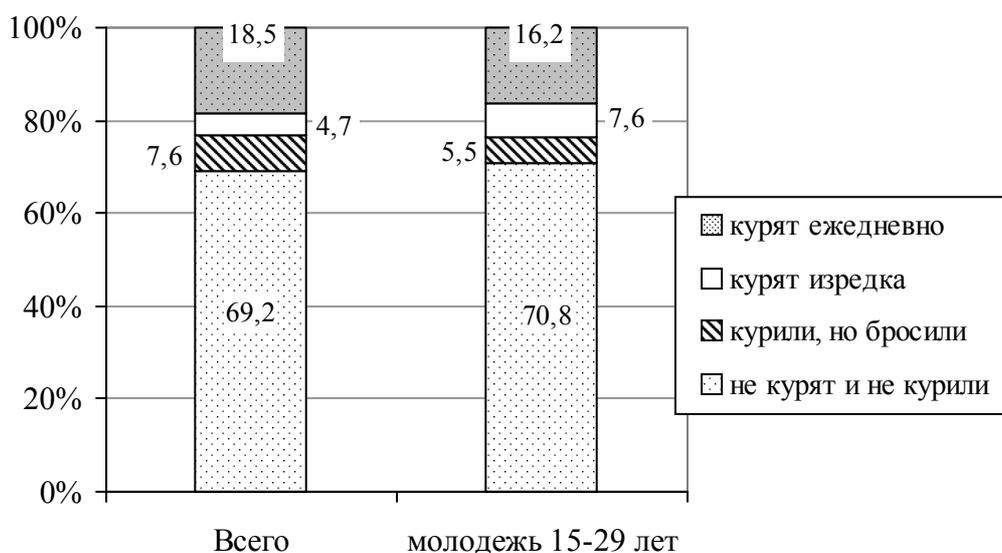
Таблица 9

Ответы на вопрос об источнике получения медицинской помощи без посещения медицинских организаций (в % к общему числу опрошенных)

	Всего	Город	Село
Консультативная помощь медработников	9,2	9,3	9,2
Помощь народных целителей, гомеопатов, знахарей, экстрасенсов	6,6	9,0	2,6

Самосохранительное поведение. При рассмотрении проблемы общественного здоровья часто упускается из виду главный резерв – отношение человека к собственному здоровью, самосохранительное поведение. По-прежнему в обществе широко распространены вредные привычки: каждый второй респондент указал на то, что он употребляет спиртные напитки.

Курильщиком является почти каждый четвертый респондент. Доля регулярно курящих выше, чем доля преодолевших эту пагубную привычку и курящих время от времени. С учетом вредного воздействия на организм, особенно в более молодом возрасте, не могут не вызывать озабоченность высоким уровнем курения у детей и подростков.

Уровень употребления табачных изделий

Среди употребляющих табачные изделия ежедневно объемы потребления сигарет в значительной степени дифференцированы: от 5 сигарет в день (15,8 %) до 10 сигарет (24,8 %), одной пачки (50,1 %) и даже более одной пачки (9,3 %). Обнадешивает в этом плане реализация на государственном уровне мер, связанных с антитабачной пропагандой.

В ряду профилактических мер по сохранению здоровья особое место занимает санаторно-курортное лечение. Определенную тревогу вызывает тот факт, что подавляющее большинство опрошенных (79,6 %) никогда не были в санаторно-курортном учреждении. Это отмечает и городское (75,7 %), и сельское население (86 %).

Кроме того, существует ряд серьезных проблем, связанных со здоровьем подрастающего поколения. Оценки здоровья детей в возрасте до 15 лет, данные их родителями, характеризуются на четверть как удовлетворительные и 1 % – негативные. В период обследования, январе-сентябре 2014 г., болел, находясь на постельном режиме, каждый второй ребенок (48,2 %). При этом наблюдается возрастающая тенденция к увеличению численности населения в городах, особенно в столице республики (66,2 %).

Очевидно, что роль отношения населения к профилактическим мерам сохранения своего здоровья очень велика. Общеизвестно, что для хорошей физической формы необходимо вести активный образ жизни. Большинство детей, тем не менее, не посещают занятия физической культуры и спортивные занятия в специальных учреждениях (49,2 %). Регулярно занимаются в спортивной школе или секции 30 % городских ребят и 16 % их сельских ровесников. Если в сельской местности в качестве основной причины, по которой дети не занимаются спортом или активными играми, указывается «нет поблизости мест для таких занятий» (63,5 %), то в городской – «у ребенка нет желания» (50,3 %). Нельзя не принимать во внимание неблагоприятные в плане здоровья заместительные практики ухода лиц молодого поколения в виртуальную реальность. Так, имеют возможность для выхода в сеть Интернет почти 90 % опрошенных лиц в возрасте до 15 лет.

Обобщая вышесказанное, можно констатировать, что современное состояние медицины не может обеспечить достаточный уровень здоровья населения. Все большая коммерциализация здравоохранения ведет к обострению многих проблем, связанных с охраной здоровья населения. Как показывают результаты обследования, оценки сельских жителей в отношении и здоровья, и медицинского обслуживания заметно более пессимистичны в сравнении с городскими практически по всем аспектам.

В современных условиях сохранение и укрепление здоровья самим человеком, профилактические меры приобретают не меньшую, а может быть, даже большую значимость, чем развитие системы здравоохранения. В связи с этим необходимо усиление профилактической направленности в работе с населением.

Литература

1. Постановление Правительства Российской Федерации от 27.11.2010 г. № 946 «Об организации в Российской Федерации системы федеральных статистических наблюдений по социально-демографическим проблемам и мониторинга экономических потерь от смертности, заболеваемости и инвалидизации населения» // Российская газета. 2010. 8 дек.

2. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Башкортостан [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://bashstat.gks.ru/>

С точки зрения внешнеполитических процессов 2015 год оказался крайне насыщенным и важным по своим последствиям для развития мирового сообщества. Россия как значимый политический игрок на мировой арене часто оказывалась в центре глобальных политических событий. Главные из них требуют научного осмысления и анализа. Саммиты ШОС и БРИКС в Уфе, интеграция Таджикистана в ЕАЭС, ситуация в Сирии – этим и другим вопросам посвящено интервью с вице-президентом Российского совета по международным делам В.И. ТРУБНИКОВЫМ. Беседу вел К.Ю. Сафронов.

Восточный вектор внешней политики России на современном этапе

– В июле 2015 года в столице Башкирии – в Уфе состоялись саммиты Шанхайской организации сотрудничества и лидеров стран БРИКС. Насколько итоги саммитов повлияли на архитектуру современных международных отношений?

– Уфимские саммиты ШОС и БРИКС венчали целый год председательства в этих организациях России. Их можно считать в значительной мере благоприятными для нашей страны, так как они продемонстрировали всему миру, что разговоры об изоляции России в «посткрымский» период – не более чем идеология. Находящаяся под действием санкций и беспрецедентным давлением Россия сделала серьезную ставку на ШОС и БРИКС, можно даже сказать, что для Москвы в условиях текущей геополитической конъюнктуры была важна политическая поддержка стран – участниц ШОС и БРИКС. И Россия ее получила сполна.

Можно сказать, что уфимские саммиты ШОС и БРИКС прошли по российскому сценарию. Самым важным решением следует признать принятие Стратегии развития ШОС до 2025 года. Этот документ по своей философии имеет четкие ориентиры и предполагает решение вопросов коллективной безопасности и развитие Евразии без участия неевразийских стран (прежде всего, США).

Помимо этого, в Уфе приняты важнейшие политические решения о начале процедуры обретения полноправного членства в ШОС Индии и Пакистана, что очень важно для Москвы. Россия, таким образом, сможет учиты-

вать противоречащие подчас друг другу интересы Индии и Китая. Более того, после вхождения Индии и Пакистана в ШОС совокупное население стран – участниц этой организации составит примерно 3 млрд человек, то есть почти половину всего населения земного шара. Расширение ШОС, несомненно, изменит масштаб и стратегию действий организации. В этот же контекст органично вписываются статус партнера ШОС таких стран, как Азербайджан и Армения, Камбоджи и Непала, а также предоставление Беларуси статуса наблюдателя.

Кстати, в рамках ШОС России также удалось укрепить свой экономический базис. Москва смогла синхронизировать свои евразийские интеграционные инициативы с мегапроектом Пекина «Экономический пояс «Шелкового пути»», которые при правильной расстановке акцентов будут дополнять и обогащать друг друга. Очень важно, что уфимские саммиты ШОС и БРИКС продемонстрировали способность России и Китая договариваться.

В то же время не будем забывать и о решениях, принятых на саммите БРИКС в Уфе, в их числе – очень важное экономическое решение – учреждение банка БРИКС. Июльский саммит продемонстрировал готовность «пятерки» объединения с броским акронимом БРИКС участвовать в построении новой архитектуры международных финансовых институтов. Создание банка БРИКС – это, вне всякого сомнения, мощный ответ на явно запаздывающую реакцию западных стран по реформированию МВФ и Всемирного банка.

Трубников Вячеслав Иванович, вице-президент Российского совета по международным делам, член дирекции Института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, генерал армии, Чрезвычайный и Полномочный посол России.

– К уфимскому саммиту ШОС Евразийским центром «Самрау» был издан аналитический доклад, в котором делается вывод о том, что деятельность ШОС и БРИКС только в краткосрочной перспективе выглядит как антизападная, в среднесрочной перспективе она может быть представлена уже как альтернативная западной, а в долгосрочной – направлена на формирование нового, гармоничного мироустройства. Что, на Ваш взгляд, могут сделать ШОС и БРИКС для стабилизации системы международных отношений?

– Я ознакомился с этим докладом и хочу сказать, что его стилистика выбрана, на мой взгляд, верно. Именно древнекитайская философия, многочисленные ссылки на которую содержатся в докладе, и выражает собой суть стратегии ШОС и БРИКС. Эти организации ведут кропотливую и неторопливую работу по балансировке мирового порядка, пытаются сделать его более гармоничным. Современный мир в эпоху глобализации слишком сложный для того, чтобы подчиняться моноцентричным стандартам и культурным этосам. Это очевидно и на примере мирового хозяйства, когда самые быстрорастущие экономики мира, к сожалению, как я уже отмечал, не могут получить должную поддержку в мировых финансовых институтах. Следовательно, нужно реформировать эти институты. В этом поступательном движении России и ее партнеров по БРИКС и ШОС и содержатся контуры нового мирового порядка, который будет даже не полицентричным, и в нем не будет полюсов противостояния. И уж точно новый мировой порядок будет не антиамериканским, скорее он будет более справедливым. Возможно, это всего лишь некий идеал, но тенденция к постепенному уменьшению влияния западных стран на мировой арене в докладе зафиксирована правильно.

– В 2005 году Индия и Пакистан одновременно присоединились к ШОС в качестве наблюдателей. Именно с проведением саммитов в Уфе связан процесс обретения Индией и Пакистаном статуса полноправных членов организации. Не ослабит ли это позиции ШОС, так как некоторые эксперты предсказывают, что Индия и Пакистан будут блокировать инициативы и предложения друг друга?

– Понятно, что отношения Индии и Пакистана содержат в себе много противоречий,

однако руководство в Нью-Дели и в Исламабаде понимает, что нужно искать компромиссы, принимать более активное участие в укреплении коллективной безопасности Евразии. Формат ШОС, где, при всем уважении к независимым государствам Центральной Азии, верховодят Россия и Китай, становится такой площадкой. Следует обратить внимание на то, как возрастает внимание ШОС к проблемам Афганистана. Следует признать, что определенные риски в том, что Пакистан будет блокировать инициативы Индии и наоборот, в ШОС существуют, однако уверен, что в Москве и Пекине тщательно взвесили все «за» и «против».

При этом, конечно же, ни Нью-Дели, ни Исламабад не допустят ситуации, при которой одна из стран будет являться членом организации, а другая – нет. Поэтому синхронное обретение ими прав членства представляется единственным приемлемым для ШОС вариантом развития событий. Впрочем, Узбекистан, к которому переходит председательство в организации, отнюдь не в восторге от такого расширения. Ислам Каримов в разговоре с Владимиром Путиным недвусмысленно дал понять, что надо все взвесить и потом уже принимать какое-либо решение. Для Ташкента, таким образом, остается возможность маневра между Россией, Китаем и Западом. Поддержание такой конфигурации является фирменным стилем дипломатии Ислама Каримова. И, тем не менее, такой маневр – это всего лишь маленькая хитрость умудренного опытом «бессменного» руководителя Узбекистана. Вопрос о полноценном членстве Индии и Пакистана уже переходит в разряд технических, и вряд ли Ташкент, даже если захочет, сможет помешать его успешному решению. Меняется ситуация и для Запада, но она опять-таки оставляет США возможности для маневра.

– Почему Россия активно выступает за снятие санкций с Ирана, ведь Иран является одним из основных конкурентов России на рынке углеводородов?

– На мой взгляд, в последнее время мы слышим слишком много необоснованных упреков в недалёковидности российской внешней политики. Действительно, может показаться, что в краткосрочной перспективе снятие санкций с Ирана помешает повышению мировых цен на энергоносители и затронет тем самым национальные интересы России. Однако

руководство страны мыслит не только в категориях среднесрочной выгоды. Речь идет о том, что Тегеран – важнейший геополитический союзник Москвы на долгосрочную перспективу. В свете сирийского вопроса это более чем очевидно. Помимо этого, Иран – важный экономический партнер России. Совсем не случаен интерес Ирана к Евразийскому экономическому союзу (ЕАЭС), который весьма благожелательно воспринимают в Москве. К тому же немаловажно, что после снятия санкций с Ирана российские компании примут самое активное участие в модернизации нефтедобывающей отрасли Ирана. И, наконец, не будем забывать о значительном интересе Тегерана к российской военной технике.

– Сейчас активно обсуждается вопрос вступления Таджикистана в ЕАЭС. Выиграют ли от этого Таджикистан и Евразийский экономический союз?

– Обратите внимание, Душанбе постоянно обращается с просьбами к Москве по поводу экономических преференций и улучшения положения мигрантов. Ремитационный характер экономики, главным драйвером которой остаются трудовые ресурсы, не оставляет Таджикистану иных альтернатив. При этом, конечно же, на политику Э. Рахмона значительное влияние оказывает Китай. Однако не думаю, что Таджикистан станет «камнем преткновения» между Москвой и Пекином. Скорее всего, Таджикистан, как и несколько лет назад Киргизия, займет выжидательную позицию и будет медленно, но верно «дрейфовать» в сторону ЕАЭС, не забывая вести торги. Участие Душанбе в проектах евразийской интеграции является жизненно важным для страны, так как позволит придать новые импульсы экономике, открыть для сельского хозяйства новые рынки сбыта.

– Недавно в Таджикистане произошло серьезное вооруженное столкновение. Боевики под предводительством экс-заместителя министра обороны Таджикистана Абухалима Назарзода атаковали силовиков города Вахдат. Абухалим Назарзод, как и другие нападавшие, принадлежал к партии ПИВТ. На Ваш взгляд, что ждет Таджикистан в ближайшем будущем? Могут ли повториться аналогичные события?

– К сожалению, Таджикистан пребывает в перманентном состоянии турбулентности. Не будем скрывать, от состояния «failed state» страну отделяет не так уж много. Э. Рахмон сделал

ставку на полную аннигиляцию оппозиции в правовом поле и приоритетное выдвижение представителей кулябского клана, тогда как все остальные остаются на периферии властно-управленческого ресурса. Такая конфигурация оставляет всем недовольным (а их в Таджикистане немало) единственную возможность – применение силы. Насилие, как известно, – самый последний инструмент в политике. Его применяют тогда, когда все остальные инструменты уже не действуют. Полагаю, что ситуация в Таджикистане именно такая: недовольные своим положением элиты и другие силы не получают властно-управленческого ресурса и демонстрируют готовность бороться за него с оружием в руках.

– Существует множество мифов о бомбардировках российскими вооруженными силами позиции запрещенной в нашей стране экстремистской группировки «Исламское государство». Как Вы оцениваете текущую ситуацию и каковы позиции российских военных в Сирии на данный момент?

– Для ответа на этот вопрос нужно несколько слов сказать о существующей мир-системе. Она более не может существовать в монополярном формате, хотя США настаивают на этом. Именно упорное, я бы даже сказал упрямое, нежелание реконфигурации со стороны Вашингтона определяют те турбулентности, которые происходят в современном мире. В этой ситуации Россия не может больше ждать, не может более следовать инерционному сценарию, когда Вашингтон и Брюссель доведут ее положение до региональной державы, не способной самостоятельно обеспечить свою национальную безопасность. Сирийская инициатива Москвы – это непростое, но очень важное и крайне необходимое решение руководства страны. Только такими затратными акциями Россия сможет поменять баланс сил в современном мире, деконструировать дискриминационную мир-систему, явный акцент в которой делается на западные институты и, что более важно, интересы стран золотого миллиарда.

Москва несколько лет назад четко дала понять всему миру, что не готова больше мириться с политикой «двойных стандартов» США в Евразии. В этом контексте решение Москвы о проведении военной операции в Сирии смотрится не только логичным и ответственным шагом, но и единственно возможным.

Политические факторы протестной активности в период электорального цикла 2011–2012 гг. в России

Ю. ДОРОЖКИН, М. САБИТОВ

На современном этапе в различных регионах мира наблюдается рост массовой протестной активности, принимающей самые разнообразные формы: от конвенциональных мирных выступлений граждан до силового противостояния населения с представителями власти. Совокупность политических кризисов, приведших к смене политических элит в ряде государств постсоветского пространства (Грузия, Украина, Кыргызстан), как и фундаментальные политические перемены весны 2011 года в ряде арабских стран, неизменно проходили на фоне политической мобилизации населения и роста массовой политической активности. Оказавшаяся неожиданной для большинства ученых и экспертного сообщества волна протестного движения россиян в ходе и после электорального цикла 2011–2012 гг. остро актуализировала проблему исследования детерминант массовых протестных акций в современной России. Чрезвычайную актуальность приобрели вопросы, связанные с определением характера российских протестов. Можно ли причислить эти акции к глобальному тренду роста массового протестного акционизма или они носят сугубо уникальный, специфический российский характер? Исследованию указанных вопросов посвящена данная статья.

Теоретические основы исследования политического протеста. Можно выделить два основных теоретических подхода, предлагающих свои ответы на вопрос о главных детерминантах появления политического протеста. Это теория коллективного поведения и теория коллективного действия.

Теория коллективного поведения. В рамках данного подхода ключевой объяснительной переменной роста политического протеста выступает понятие «относительная депривация». В работах американского ученого Т.Р. Гарра теория относительной депривации была разработана в наиболее концептуальной форме для анализа причин политического насилия [4]. Базовая модель концепции Т. Гарра при объяснении протестных форм коллективной деятельности включает в себя как психологические, так и социетальные переменные. Относительная депривация определяется как «воспринимаемое индивидами расхождение между ценностными ожиданиями (ожиданиями) и ценностными возможностями. Ценностные ожидания – это те блага и условия жизни, на которые люди, по их убеждению, имеют полное право претендовать. Ценностные возможности – это те блага и условия жизни, которых, как им кажется, они в состоянии реально достичь или удержать, используя доступные им социальные средства» [4, 51].

Относительная депривация рассматривается как психологическая неудовлетворенность и первопричина будущего конфликта, которая, однако, требует политизации для реализации собственно политических негативных акций, направленных против политических объектов и деятелей [4, 51].

Теория коллективного действия (мобилизации ресурсов). Родоначальниками данного подхода, оформившегося в 1960–1970-х гг., являются американские ученые Дж. Маккартни и М. Залд, которые впервые стали рассматривать

Дорожкин Юрий Николаевич, д-р филос. наук, профессор, заведующий кафедрой политологии, социологии и философии Башкирской академии государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан

Сабитов Марат Ринатович, канд. полит. наук, младший научный сотрудник Научно-исследовательского управления Башкирского государственного университета. E-mail: maratspr@mail.ru

социальные движения и протестную активность вне иррациональных психологических импульсов, полагая, что они – вполне рациональное проявление отдельных политических акторов, преследующих и отстаивающих интересы отдельных социальных групп, не имеющих своего представительства в рамках существующих политических институтов [37]. Эти положения были развиты в трудах американских исследователей Ч. Тилли, С. Тэрроу и Д. Макадама, которые обосновали значимость «структуры политических возможностей» как важнейшей детерминанты формирования коллективных действий, в том числе протестного характера [36; 38; 40]. По мнению ученых, структура политических возможностей включает в себя совокупность ресурсов, которыми могут воспользоваться лидеры протестного движения для мобилизации своих сторонников.

Понятия «ресурсы» и «мобилизация» в рамках данного подхода неразрывно связаны между собой. Ресурсы находятся в распоряжении отдельных лиц, организаций и общества в целом. Для любого социального движения всегда существует некий не востребованный потенциал мобилизации. Сама мобилизация трактуется как «процесс, с помощью которого группа получает и использует ресурсы для достижения поставленных целей» [32, 532]. Поэтому деятельность движения постоянно направлена на привлечение все большего объема разнообразных ресурсов, необходимых для решения поставленных задач. Структурные макроусловия (экономический, социальный, политический контексты) становятся ресурсами движения, если они осознаются как таковые его лидерами и участниками.

Таким образом, с точки зрения теоретиков этого направления, главными детерминантами массового политического протеста являются не столько факторы социально-психологической неудовлетворенности, сколько наличие политических возможностей и ресурсов, способных мобилизовать население для протестных акций. В этой связи Ч. Тилли указывал, что в любом обществе всегда присутствует определенный сегмент населения, недовольного существующей

властью и устройством взаимоотношений в обществе. Однако это недовольство носит латентный характер вплоть до того момента, когда возникают новые политические возможности и ресурсы для мобилизации недовольных групп и активного коллективного действия для изменения ситуации [40, 176]. Теоретиками данного подхода были разработаны базовые характеристики структуры политических возможностей, которые помогают оценить, насколько возможна в данном обществе протестная активность населения. Так, например, С. Тэрроу выделяет три группы показателей структуры политических возможностей: степень открытости политической системы; степень стабильности расстановки политических сил; наличие союзников движения в рамках политической системы [39, 56].

С нашей точки зрения, наличие относительной депривации является необходимым, но недостаточным фактором, детерминирующим политический протест. Непосредственная реализация массового протеста в значительной степени зависит от детерминант политического характера, к которым, прежде всего, можно отнести следующие: особенности политического режима; степень дифференциации политических элит; распределение ресурсов между политическими акторами. Рассмотрим указанные детерминанты более подробно.

Особенности политического режима. К особенностям политического режима мы относим наличие или отсутствие в рамках политической системы институтов, способных канализировать протестный потенциал в конвенциональные формы политического поведения. К таковым, прежде всего, относятся политические партии, регулярные избирательные процедуры, независимые органы представительной власти и другие институционально-процедурные механизмы демократии. Их наличие способствует трансформации протестного потенциала в конвенциональные формы поведения и сокращает пространство для реализации активного массового политического протеста, хотя и полностью не исключает его.

Любые формы политического акционизма имеют политические ограничения в жестких авторитарных режимах, репрессивные механизмы которых создают для участников протеста высокие издержки. И хотя в таких режимах отсутствуют институты конвенциональной канализации протеста, привлечь широкие слои населения в открытые протестные акции оппозиции в данных режимах не удастся. В результате протестный потенциал в жестких авторитарных режимах, как правило, не выходит за рамки сугубо экономических забастовок или трансформируется в пассивные протестные поведенческие практики в виде абсентеизма или политической апатии.

Значительно большее пространство для реализации массового политического протеста существует в «мягких» авторитарных режимах, которые в последнее время исследователи определяют в категориях «соревновательного», «конкурентного» [34] или «электорального авторитаризма» [6]. От классического авторитаризма эти режимы отличает наличие некоторых «пространств свободы», границы которых не должны допустить потерю власти инкубентов, но функционирование которых само по себе создает некоторые возможности для существования оппозиции и расширяет для последней круг ресурсов для политической мобилизации населения.

Степень фрагментации элит. По мнению теоретиков элитистского подхода Дж. Хайгги и М. Бертон, можно выделить три основных типа констелляции элит: монолитную, разделенную и фрагментированную [31, 42]. Поскольку трансформация протестного потенциала в акции массового политического протеста требует соответствующих механизмов организации и руководства, роль политических элит становится очень значительной. В условиях монолитной элиты массовый политический протест маловероятен или ограничен возможностью стихийных бунтов кратковременного характера, как правило, не выдвигающих политических требований. Условием возможности политического протеста являются типы разделенных (биполярных) или фрагментированных элит, способных инвес-

тировать в массовую политическую мобилизацию населения и возглавить протест.

Распределение ресурсов между политическими акторами. Наконец, одной из важных детерминант массового политического протеста выступает распределение ресурсов между политическими акторами. Даже в условиях фрагментированной элиты оппозиции сложно приступить к политической мобилизации населения без достаточных ресурсов и возможностей. Увеличение объема ресурсов, находящихся в руках оппозиционных акторов, способствует росту возможностей массового политического протеста и наоборот. К ресурсам мы относим административные, финансовые, лидерские, информационно-технические и иные материальные, технологические или символические активы, которые расширяют возможности оппозиции для политической мобилизации протестного населения.

Ниже будет представлен анализ эмпирических данных развития политического протеста в России в период 2011–2012 гг. сквозь призму этих трех детерминант.

Специфика политического режима в России накануне протестов 2011–2012 гг. Если в отдельных сегментах социально-экономической сферы в период 2000-х гг. наблюдались тенденции модернизации, связанные с запуском механизмов рынка и технологическими новациями, то в политической сфере наблюдались прямо противоположные процессы. Преодолев раскол элит, правящая властная группировка укрепила свое монопольное доминирование в ходе электорального цикла 2003–2004 гг. и приняла ряд мер, направленных на повышение барьеров для возможности легального политического участия оппозиции, что объективно сократило уровень политической конкуренции и публичной состязательности. Новый закон о политических партиях, отмена выборности губернаторов, ограничение свободы СМИ и другие меры, предпринятые представителями инкубента, сформировали моноцентрический политический режим [5], опирающийся на административную «вертикаль власти» во главе с популярным лидером в лице В. Путина. Все это свиде-

тельство о развитии российского политического режима в сторону авторитаризма и сокращения уровня демократии, что отмечали многие исследователи и эксперты [10; 20; 21; 27; 30].

Вместе с тем, хотя политическая система России с каждым годом принимала все более архаичные (антидемократические) формы, политический режим сохранял черты «электорального авторитаризма» [6] и был весьма далек от модели жесткой автократии. Это выражалось, прежде всего, в сохранении процедуры выборов как главного политического института преемственности власти. Хотя избирательные процедуры были поставлены под жесткий контроль, а сами выборы часто сопровождалась давлением на оппозицию, использованием административного ресурса и фальсификациями при подсчете голосов, это, тем не менее, не исключало участия в выборах «системной» оппозиции. Тем самым элементы конкуренции в ходе избирательного процесса сохранялись.

Определенные «пространства свободы» сохранялись в области СМИ и общественно-политической сфере. При жестком государственном контроле за тремя главными федеральными телеканалами, являющимися основными источниками политической информации для большинства россиян, режим допускал существование некоторых оппозиционных СМИ (например, телеканалов «РЕН ТВ», «Дождь» или радиостанции «Эхо Москвы»), аудитория которых, однако, была весьма ограничена.

От классической формы жесткого авторитаризма российский политический режим также отличался сохранением ряда гражданских свобод, возможностью свободно ездить за границу, а также сравнительно низким уровнем репрессивности. Действительно, жесткие репрессивные меры власть применяла избирательно и только в крайних случаях, примером чего может служить «дело Ходорковского» при сохранении бизнеса «лояльных» олигархов [28].

В определенной мере подобная «мягкость» режима служила источником его укрепления, так как обозначенные «пространства свободы» выполняли, во-первых, функцию «выпуска пара»

недовольных граждан и, во-вторых, служили средством демократической легитимации российской власти в глазах национальной и мировой общественности. В этой связи венгерский политолог И. Крастев обращал внимание на то, что открытые границы в современной России в отличие от СССР парадоксальным образом укрепляли авторитаризм, а не ослабляли его, поскольку значительная часть обеспеченных и недовольных властью граждан предпочитали эмигрировать, а не бороться с режимом [13].

Другие исследователи обращали внимание на то, что спецификой авторитаризма в России был преимущественно не репрессивный, а манипулятивный характер удержания контроля и управления [41]. Власть обеспечивала себе поддержку не столько на основах страха и репрессивных санкций, сколько на основе пропаганды и своеобразного «подкупа». В первом случае использовалась монополия на основные СМИ, с помощью которых осуществлялась информационная манипуляция, поддерживающая лояльность среди основной массы населения. Во втором случае властвующей группировкой применялась стратегия, основанная не на подавлении своих оппонентов, а на реализации политики их кооптации во властвующую группу в виде элементов «системной оппозиции». Стратегия «подкупа» заключалась также в сохранении теневого бизнеса отдельных элит, обогащение которых допускалось при условии сохранения их лояльности. В самом общем смысле рост доходов населения и социальных выплат государства тоже являлся одним из характерных элементов режима, существующего на основах негласного «общественного договора» в виде следующей формулы: «рост доходов в обмен на политическую лояльность» [25].

Таким образом, несмотря на общий тренд сворачивания демократических институтов, политический режим в России сохранял некоторые «пространства свободы» и редко характеризовался применением репрессивных практик. Очевидно, что такие «затратные» черты российский политический режим мог сохранять только в условиях благоприятной экономической конъюнктуры и значительного экономического

роста. При сохранении этих условий властвующая группировка могла не беспокоиться о поддержке граждан и исходов электоральной борьбы. Однако в условиях экономического кризиса и дефицита былых ресурсов и ряда других новых факторов сохранение пусть и ограниченных, но все же конкурентных выборов, равно как и других «пространств свободы», таило в себе определенные риски для удержания власти инкубента.

Следует отметить важные изменения в конструкции политического режима и его стилистике управления, которые произошли после электорального цикла 2007–2008 гг. Выборный процесс в эти годы продемонстрировал стабильность политического режима и его способность эффективно решать проблему преемственности власти. Отказ В. Путина менять Конституцию и баллотироваться на пост президента в третий раз сохранили легитимность власти и значительную поддержку его со стороны населения. Однако поскольку новый президент Д. Медведев уступал В. Путину как в аппаратном весе, так и в уровне общественного доверия, в России сложилась достаточно уникальная политико-властная модель «тангема», при которой два высших должностных лица, формально составляя одну команду, стали демонстрировать довольно разные взгляды на отдельные вопросы, связанные с развитием страны и приоритетами в выработке политического курса. Если В. Путин продолжал транслировать идеологические ценности консерватизма, основанные на постулатах «стабильности» и «порядка», то Д. Медведев инсталлировал новый политико-идеологический дискурс, провозглашающий целевые ориентиры для России в виде модернизации, либерализации и верховенства права [15].

Не вдаваясь в дискуссию о причинах феномена «тангема», отметим, что в целом конкуренция между Д. Медведевым и В. Путиным носила имитационный характер. «Медведевская оттепель» на уровне политической практики имела противоположный либо абсолютно формальный характер. Так, например, на фоне либеральной риторики именно при Д. Медведеве

институциональный дизайн российской политической системы приобрел еще более авторитарный характер, после того, как были приняты конституционные поправки, увеличивающие сроки полномочий президента (с 4 до 6 лет) и Государственной Думы (с 4 до 5 лет) [8].

Вместе с тем на детерминанты массового политического протеста россиян 2011–2012 гг. «либеральная оттепель» при Д. Медведеве оказала отнюдь не имитационное, а вполне реальное влияние. Вопреки ожиданиям создателей «тангемадемократии», ее последствия оказали не столько консолидирующий, сколько дезорганизационный импульс. И хотя этот эффект был не настолько сильным, чтобы привести к расколу политических элит, он, тем не менее, вызвал в их консолидированных рядах некоторое «шатание», которое, в свою очередь, сыграло определенную роль в росте протестных настроений и политической мобилизации общества.

Степень фрагментации российских элит накануне электорального цикла 2011–2012 гг. В целом на протяжении рассматриваемого периода консолидация властвующих элит сохранялась на достаточно высоком уровне. Тем не менее, специфика управления в условиях «тангема» не способствовала укреплению элитной консолидации, а напротив, частично разрушала ее. Разная смысловая и стилистическая риторика Д. Медведева и В. Путина в условиях затянувшейся тайны относительно вопроса о том, кто из них пойдет на выборы 2012 г., создала определенную дискуссию среди элитных сегментов о приоритетах будущего курса страны. Разные элитные группировки, имеющие различные друг от друга интересы и взгляды на будущее России, стали связывать возможные траектории развития страны с личностями Президента и Премьера. Вопреки частым заявлениям В. Путина и Д. Медведева, которые не раз подчеркивали близость своих идеологических установок и общность задач [24], часть политической элиты и особенно интеллектуально-экспертное сообщество, стали рассматривать двух лидеров как представителей разных команд. Наиболее наглядным проявлением «конфликта элит» стал скандальный эпизод с отставкой министра

финансов А. Кудрина, открыто заявившего о своих разногласиях с Д. Медведевым и нежелании работать в будущем кабинете министров [11].

Эти противоречия в особенности обострились в связи с кадровой политикой Д. Медведева, предпринявшего масштабную «чистку» губернаторского корпуса. Отстраненные главы регионов и приближенные к ним региональные элиты зачастую воспринимали враждебно нового кремлевского назначенца. При этом конфликты и противоречия среди региональных элит стали все чаще проецироваться на федеральную политику, поскольку роль Кремля в региональных процессах чрезвычайно возросла. В результате в процессе борьбы с «варягами» региональные элиты все чаще переходили к публичной критике президента. Это в полной мере проявилось в случае с резонансной отставкой Ю. Лужкова, а также с губернатором Калининградской области Г. Боосом. В последнем случае региональные элиты для борьбы с московским назначенцем поддержали местную оппозицию и способствовали массовой мобилизации населения. Все эти усилия, в конечном счете, привели к масштабным акциям протеста в Калининграде. Это событие хорошо показывает, насколько раскол политических элит взаимосвязан с возможностями политического протеста.

Смена губернаторов также приводила к расшатыванию «вертикали власти» и сбоям в административном контроле над избирательным процессом. Проблемные симптомы в этой области наглядно проявились в ходе региональных избирательных кампаний 2010 года, по итогам которых в нескольких субъектах Российской Федерации «партия власти» существенно сократило свое электоральное преимущество. Так, например, в Свердловской области на выборах областной думы «Единая Россия» получила 39,8 % голосов (в 2007 г. было 62 %, то есть –22 %). Практически аналогичными значениями характеризовалось падение данного показателя в Республике Алтай (–25 %), Курганской области (–23 %), ЯНАО (–15 %), Хабаровском крае (–13 %). Существенно меньшим было падение в Калужской и Рязанской областях (8 % и 6 % соответственно) [14].

Не менее существенное влияние на рост протестных настроений и политическую мобилизацию населения произвел эффект «медведевской оттепели», связанный с расколом интеллектуально-экспертной элиты, многие из представителей которой являлись «лидерами мнений» и оказывали большое влияние на общественное мнение. Наглядным свидетельством этого стал выпуск различных аналитических докладов, в которых по-разному трактовались позитивные сценарии развития России и давались однозначные рекомендации в пользу выдвижения на пост президента того или иного лидера. Все эти интеллектуальные споры активно тиражировали СМИ и широко обсуждались в обществе. Особенно надо отметить, что обсуждение это стало куда более свободным и критичным, чем до президентства Д. Медведева. Связано это было с тем, что «либеральный курс» Д. Медведева оказал реальное воздействие на СМИ, которые в данный период стали куда меньше ограничивать себя самоцензурой, расширив границы дозволенного в плане критики власти и обсуждения актуальных политических вопросов. Все это, естественно, оказывало прямое влияние на общественное мнение и протестный потенциал отдельных социальных групп.

В этой ситуации вопрос о том, кто из двух лидеров (Д. Медведев или В. Путин) будет выдвигаться в качестве кандидата на пост президента, для политизированной части общества стал принимать далеко не абстрактные, а вполне конкретные и остро политизированные формы, связанные с представлениями и ожиданиями граждан относительно будущей траектории развития страны. Таким образом, сценарий «тандемдемократии», вопреки желанию ее авторов, на практике имел противоположный эффект, создавая ситуацию раскола, а не консолидации общества.

Однако наиболее значимые новации с точки зрения детерминант массового политического протеста произошли в структуре элит оппозиционного лагеря. В период 2009–2011 гг. оппозиционные элиты стали создавать новые формы своей организации и вырабатывать иные стратегии своей политической деятельности.

Во-первых, в данный период стала происходить интеграция различных оппозиционных сегментов и объединение их на основе «негативного консенсуса» против «партии власти». В значительной степени этот процесс стал ответной реакцией оппозиционных политиков на действия властей, связанных с последовательным ограничением легального пространства оппозиционной деятельности посредством повышения входных барьеров на политический рынок. Так, например, увеличение проходного барьера для прохождения партий в Государственную Думу с 5 до 7 %, а также ужесточение требований к численности партий для их регистрации (увеличение с 10 до 50 тыс. чел.) привели к процессу интеграции разрозненной либеральной оппозиции, которые в 2010 г. объединились в рамках демократической коалиции «Россия без произвола и коррупции» (позже преобразована в «Партию народной свободы») [18].

Подобные процессы наблюдались в рамках «уличной политики». С 2010 г. «привычными» стали протестные митинги, организованные совместно самыми разными политическими силами как правого, так и левого толка. Либеральная партия «Яблоко», с 2003 г. лишенная парламентского представительства, все чаще стала переходить к стратегии протестных акций, присоединяясь на митингах к КПРФ, «Левому Фронту» и другим «левым» организациям, что было немыслимо ранее в логике политического процесса 1990-х гг.

Масштабные протестные акции во Владивостоке и Калининграде в 2010 г., когда оппозиционные лозунги против «партии власти» объединили самые разные политические силы [3], наглядно продемонстрировали результативность подобной стратегии. Один из организаторов протестного митинга во Владивостоке А. Самсонов отмечал: «У наших партий и движений по отдельности нет ни сил, ни средств, ни ресурсов противостоять власти. Мы, например, не можем провести по-настоящему крупную акцию – людей не хватит. Но вместе мы можем гораздо больше... Теперь уже никто не сможет сказать: а, это касьяновцы, или – это каспаровцы, или – это коммунисты. Это народ!» [23].

В это же время наблюдался процесс «обновления» лидеров оппозиции, которые в отличие от оппозиционных элит 1990-х гг. были лишены негативного имиджа «демократов», ответственных за хаос «лихих девяностых», и были куда более гибки в плане синтеза различных идеологических ценностей. Например, один из самых популярных новых оппозиционных политиков А. Навальный стал выступать с лозунгами, содержащими ценностные постулаты либерализма, демократии и русского национализма. Все это в значительной степени отличало оппозиционных лидеров современного этапа от российской оппозиции 1990-х гг.

Интеграция, появление новых молодых лидеров и выдвижение ими эклектической идеологической платформы, способной объединить куда более массовые слои населения, – все это создавало новые возможности для усиления оппозиционными элитами своей ресурсной базы. И хотя властвующая элита сохраняла высокую степень консолидации, «негативный консенсус», объединивший разные сегменты оппозиционных сил стал в определенном смысле трансформировать российское политическое поле в сторону «биполярности». Эта ситуация создавала новый расклад в сфере распределения ресурсов между политическими акторами, который также стал складываться не в пользу властвующей элитной группировки.

Распределение ресурсов между властью и оппозицией накануне электорального цикла 2011–2012 гг. Кроме интеграционных процессов, способствующих увеличению электоральных ресурсов у оппозиции, большую роль в наращивании мобилизационного потенциала перед электоральным циклом 2011–2012 гг. сыграли эффекты, связанные с развитием информационных технологий в России. Расширение аудитории интернет-пользователей позволило в значительной мере преодолеть доминирование информационных ресурсов, сосредоточенных в руках власти, и создало возможности для оппозиции донести свои лозунги и идеи до значительно более широких слоев населения.

В то время как на ведущих российских телеканалах господствовала провластная точка

зрения и ограничение на обсуждение некоторых политических тем, интернет-ресурсы и социальные медиа постепенно стали выступать альтернативной площадкой для политических дискуссий активной части общества. При этом с каждым годом социальные медиа стремительно расширяли свою аудиторию. Так, в 2010 г. самая популярная в России социальная сеть «ВКонтакте» насчитывала почти 30 млн пользователей. Второй по численности стала сеть «Одноклассники» (почти 17 млн зарегистрированных посетителей). Самая популярная в мире социальная сеть «Facebook» в России занимала только третье место по числу пользователей (4,5 млн) [35]. К 2011–2012 гг. стало возможно говорить о том, что интернет-ресурсы в России стали оказывать вполне реальную конкуренцию телевизионным каналам. Так, согласно подсчетам аналитической компании TNS, аудитория интернет-портала «Яндекс» в апреле 2012 г. впервые превысила аудиторию «Первого канала»: если «Яндекс» посетило 19,1 млн чел. в день, то «Первый канал» смотрели только 18,2 млн чел. в день [2].

Однако дело не только в расширении численности интернет-пользователей, а в тех мобилизационных возможностях, которые открывали социальные медиа для политической оппозиции. Можно сказать, что новые оппозиционные лидеры вполне успешно использовали их для наращивания своих организационных и идейно-символических ресурсов, в то время как представители власти явно недооценили возможности виртуальной коммуникации и, сделав ставку на традиционные формы административного и манипулятивного управления, существенно ослабили свои позиции перед электоральным циклом 2011–2012 гг. Каким образом интернет-коммуникации влияли на политический ландшафт России?

Во-первых, социальные медиа стали эффективным механизмом артикуляции социальных проблем, доставки до широких слоев населения альтернативной информации и тем самым стали мощным средством делегитимизации власти. При этом важным фактором являлось многообразие возможностей различ-

ных интернет-платформ, позволяющих транслировать информацию в разных форматах, что позволяло доносить оппозиционный контент для самых различных социальных сегментов. Как справедливо отмечает исследователь российских социальных медиа М. Лонкила, «Живой Журнал» служил основой для коммуникации интеллигенции и формирования аналитического блока критики власти, «YouTube», с возможностью просмотров видеороликов, – мощным средством распространения эмоционально-художественного и экспрессивного оппозиционного контента, в то время как такие социальные медиа, как «ВКонтакте», «Facebook» и «Твиттер» оказались очень удобны в качестве мобилизационных и организационных средств массового протеста [35, 6].

При этом следует учесть, что кумулятивный эффект в плане расширения оппозиционного контента оказывали внешне нейтральные в политическом отношении СМИ, интернет-страницы которых часто перепечатывали содержание оппозиционных блогов или распространяли информацию о коррупционных фактах, появившихся на сайтах оппозиционных политиков. Так, например, исследование С. Грина, основанное на анализе базы данных сообщений пользователей «Твиттер» в период президентской избирательной кампании 2012 г., показало, что несмотря на внешнюю политическую неангажированность такого информационного портала, как «Lenta.ru», в целом этот ресурс в большей мере был ретранслятором оппозиционных мемов, чем информации из властных кругов [7, 13].

Во-вторых, интернет-среда создавала новые формы коллективной идентичности и достаточно прочные связи между пользователями, структурируя прежде «атомизированное» российское общество. Социальные медиа, основанные на взаимной идентификации единомышленников, формировали виртуальные сообщества, связанные единством интересов и политических взглядов. И хотя, согласно некоторым исследованиям, личные контакты и связи пользователей социальных сетей, участвующих в протестных акциях 2011–2012 гг., являются минимальными [26], на наш взгляд, это не

говорит об отсутствии социокультурных и ценностных форм коллективной идентичности, которые стало возможно артикулировать и агрегировать посредством интернет-механизмов, что, в конечном итоге, сделало массовый протест возможным.

В-третьих, социальные медиа оказали значительный психологический эффект на общественное сознание и создали тем самым основы для преодоления политической апатии и индивидуального страха, связанного с рисками политического участия. Специфика социальных медиа включала возможность не только трансляции оппозиционного контента, но и количественного учета численности противников режима. Если ранее потенциальные протестанты обладали ограниченной информацией о приблизительной численности тех граждан, кто разделяет их оппозиционные взгляды, то теперь посредством регистрации в социальных медиа стало возможно наглядно узнать об их числе. Это в значительной степени помогало преодолеть проблему коллективного действия [19], поскольку точное представление о том, сколько людей готовы поддержать протест, уменьшает уровень неопределенности для потенциальных протестантов. Как указывают Р. Кричели, Ливен и Б. Магалони, страх граждан, решивших не участвовать в протестных акциях, часто основывается на высоких издержках, связанных с репрессивностью режима. Однако при достаточной массовости протеста и невозможности, в силу количества манифестантов, применить против них силу в целях подавления, цена издержек для участвующих в протесте резко снижается [33]. Таким образом, информация в социальных медиа о количестве недовольных и числе заявивших о своем решении поддержать оппозицию и принять участие в протестных митингах стало важным фактором политической мобилизации, поскольку сниженная этим цена протеста позволила расширить социальную базу акционизма, присоединив к митингам многочисленные слои прежде пассивных и умеренных граждан.

Стратегии политических акторов. Большое значение в реализации массового поли-

тического протеста в России в период электро-ального цикла 2011–2012 гг. имела стратегия политических акторов. Оппозиция, опираясь на благоприятные возможности и ресурсы, сформировала крайне удачную и своевременную политическую повестку, способную не только консолидировать действия оппозиционного электората, но и мобилизовать широкие социальные слои для массового политического протеста.

В данном случае речь идет о стратегии голосования на выборах Государственной Думы в декабре 2011 г. До сих пор оппозиции не удавалось договориться о единстве действий на выборах в условиях ограниченной конкуренции. В ситуации, когда барьеры для входа на политический рынок были сильно завышены и в избирательной гонке участвовали «старые» и многим избирателям надоевшие партийные бренды, зачастую не отражающие реальных политических предпочтений населения, протестный электорат предпочитал выбрать стратегию абсентеизма и политической пассивности, что играло на руку «партии власти». Именно поэтому в электоральном цикле 2007–2008 гг. инкубент не столкнулся с проблемой протестов против «нечестных выборов», поскольку значительная доля протестного электората попросту выборы игнорировала. Принципиальным отличием электорального цикла 2011–2012 гг. стала стратегическая новация оппозиции, получившая название «вариант А. Навального». Ее суть заключалась в двух императивах: обязательное участие в голосовании и голосование за любую партию, кроме партии «Единая Россия» [17]. Данная стратегия создавала сразу несколько вызовов для «партии власти», к которым правящая группировка оказалась не готова.

Во-первых, данная стратегия укрепляла консолидацию оппозиционного лагеря, позволяя сохранить «негативный консенсус» всех политических сил вне зависимости от их идеологических предпочтений. Это ограничивало возможности власти по расколу оппозиционных рядов. Стратегия оказалась способной на время «примирить» «системные» и «несистемные» политические партии. Даже партии, относи-

тельно лояльные в отношении Кремля (например, ЛДПР), в данной ситуации оказывались заинтересованными в реализации данной стратегии, поскольку она создавала для них наиболее выигрышные возможности для electoralной победы. Все это создавало основы для расширения протестного голосования среди избирателей, поскольку самые разные политические силы стали артикулировать и призывать свой электорат к подобной линии стратегического поведения на выборах.

Во-вторых, «вариант Навального» оказался способным стимулировать к участию в выборах ранее пассивных граждан, поскольку теперь у них появился рациональный мотив прийти к избирательным урнам в надежде увидеть реальный результат своей активности. Этот результат был связан с попыткой сокрушить электоральное доминирование «партии власти». Если раньше при отсутствии партий, отражающих интересы значительной части граждан, у последних не было осмысленного интереса участия в выборах, то теперь на политическом рынке появилось предложение, которое создавало интригу и обеспечивало заинтересованность участия в избирательном процессе даже у тех социальных групп, которые ранее выражали пессимизм в отношении возможности что-либо изменить и проявляли политическую пассивность.

Наконец, в-третьих, данная тактика имела существенный психологический эффект для участников голосования, поскольку успех или неудача протестного голосования стали иметь глубоко индивидуализированный и личностный характер для всех, кто пришел и потратил время на избирательных участках. Неудача этой стратегии для всех, кто ее воспринял в качестве руководства к действию, теперь оценивалась не просто как неудача какой-либо политической партии, к которой большинство российских граждан испытывали значительную долю недоверия, а как своя собственная неудача. Этот психологический момент был весьма острым и являлся важным стимулом для роста протестных настроений даже у тех граждан, которые ранее отличались аполитичностью и конформизмом.

Хотя «Единая Россия» по итогам выборов не смогла достигнуть планируемых целевых результатов, которые определялись в 65 % голосов избирателей [12], официальный результат в 49,3 % [22] уже не мог удовлетворить основную часть оппозиционного электората. С одной стороны, этот результат не решил поставленной задачи оппозиции по ликвидации в Государственной Думе большинства «партии власти», поскольку в силу правил по распределению мандатов «Единая Россия» в итоге получила 238 из 450 депутатских мест. С другой стороны, этот результат был объявлен на фоне информационной волны высказываний в интернет-пространстве о массовых нарушениях и фальсификациях в ходе выборов. Кроме того, указанные результаты в значительной степени отличались от предвыборных социологических данных, а также данных экзит-поллов. Так, по данным Фонда «Общественное мнение» (ФОМ), в Москве за партию «Единая Россия» проголосовали 27,5 % избирателей, 25,5 % получила КПРФ, 16,3 % – «Справедливая Россия», 11 % – ЛДПР и 15,7 % голосов избирателей получила партия «Яблоко». Когда же свою версию того, как проголосовали москвичи, опубликовал Центризбирком, по данным которого «Единая Россия» набрала в Москве 46 % голосов избирателей, ФОМ убрал со своего сайта таблицу с результатами экзит-полла по федеральным округам и Москве [29]. Однако с ней уже успели ознакомиться блогеры и общественные деятели. Впоследствии данные факты стали одним из поводов для возмущения оппозиции и политической мобилизации российских граждан.

Все это привело к массовому политическому протесту россиян в декабре 2011 г., масштабы которого можно сравнить только с периодом 1989–1991 гг. Протесты затронули почти все российские регионы. Так, например, митинги 10 декабря прошли почти в 100 городах России [1]. Наиболее массовым из них стал митинг на Болотной площади в Москве, собравший, по данным СМИ, около 150 тыс. человек (по данным МВД, 25 тыс.) [9].

Заключение. Таким образом, по результатам исследования можно сделать вывод, что, кроме структурных факторов, к 2011 г. в России сложилась благоприятная для реализации массовой протестной активности комбинация политических факторов. К их числу можно отнести следующие:

а) особенности политического режима, в рамках которого авторитарное управление осуществлялось не столько посредством репрессивного подавления, сколько с помощью манипулятивных практик и перераспределении экономических доходов сырьевой ренты;

б) изменение структуры элит, вызванное формированием среди оппозиционных сил консолидации на основе «негативного консенсуса», что позволило на время решить проблему фрагментированности оппозиции;

в) относительное перераспределение ресурсов между политическими акторами в пользу оппозиции. В частности, «либеральный курс Д. Медведева» расширил «пространства свободы» внутри авторитарного режима, стимулировав завышенные ожидания, как со стороны части политических элит, так и со стороны более широких социальных групп. Это не только привело к некоторой дезорганизации элитных слоев и ослаблению административного контроля за политическими процессами, но и открыло новые возможности для перераспределения ресурсов между политическими акторами. Новые тенденции в оппозиционной среде (формирование «негативного консенсуса», успешное разрушение информационной блокады федеральных телеканалов посредством интернет-технологий, удачно выбранная стратегия политического участия в избирательном процессе и т. д.) позволили политическим оппонентам власти нарастить ряд ресурсов, обеспечивающих реализацию массовой политической мобилизации и масштабного протеста в ходе электорального цикла 2011–2012 гг.

Литература

1. Бенюмов К. До самых до окраин: Митинги протеста 10 декабря прошли в 99 городах России [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://lenta.ru/articles/2011/12/10/worldprotest/>
2. Болецкая К. Обогнал телевизор // Ведомости. 2012. 25 мая.
3. Волков М. Калининград: «С медведем дружить – топор точить» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.svpressa.ru/society/article/20442/>
4. Гарр Т. Р. Почему люди бунтуют. Спб.: Питер, 2005.
5. Гельман В.Я. Возвращение Левиафана? (Политика рецентрализации в современной России) // Полис. 2006. № 2. С. 90–109.
6. Голосов Г. Электоральный авторитаризм в России // Pro et Contra. 2008. № 1. С. 22–35.
7. Грин С. Твиттер и российский протест: мемы, сети и мобилизация. М.: Центр изучения интернета и общества; Российская экономическая школа, 2012.
8. Дума окончательно одобрила продление президентского срока [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://lenta.ru/news/2008/11/21/third/>
9. Дятликович В., Мартемьянов М. Дети улиц: как последние полгода изменили протестное движение и власть // Русский репортер. 2012. № 23.
10. Зудин А.Ю. Политический режим в России после 2008 г.: векторы управляемой трансформации // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. 2010. № 2. С. 25–41.
11. Ключкин А. Демарш несогласного: Кудрин отказался работать в правительстве Медведева [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://lenta.ru/articles/2011/09/26/kudrin/>
12. Костенко Н. Сколько нужно «Единой России» // Ведомости. 2011. 13 окт.
13. Крастев И. Парадоксы нового авторитаризма // Pro et Contra. 2011. № 3–4. Т.–15. С. 96–105.
14. Кынев А. Фронтальная завеса [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gazeta.ru/comments/2011/07/06_x_3687381.shtml

15. Медведев Д. Россия вперед! [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gazeta.ru/comments/2009/09/10_a_3258568.shtml
16. Медведев сообщил, что они с Путиным одной группы крови [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ria.ru/society/20100225/210773059.html>
17. Навальный А. За любую партию, против Единой России [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://navalny.livejournal.com/603104.html>
18. О партии // Официальный сайт «Партии народной свободы» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://svobodanaroda.org/about/>
19. Олсон М. Логика коллективных действий: Общественные блага и теория групп / Пер. с англ. М.: Фонд Экономической Инициативы, 1995.
20. Павроз А. В. Группы интересов и трансформация политического режима в России. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2008.
21. Пивоваров Ю.С. Русская Власть и публичная политика (Заметки историка о причинах неудачи демократического транзита) // Полис. 2006. № 1. С. 12–32.
22. Постановление Центральной избирательной комиссии Российской Федерации от 9 декабря 2011 г. N 70/576-6 г. Москва «О результатах выборов депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации шестого созыва» // Российская газета. 2011. 10 дек.
23. Протестные столицы современной России [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.memoid.ru/node/Protstnye_stolicy_sovremennoj_Rossii
24. Путин гордится работой тандема с Медведевым [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ria.ru/politics/20100426/226955771.html>;
25. Рогов К. Гипотеза третьего цикла // Pro et Contra. 2010. № 5–6. С. 6–22.
26. Суворов Г. Общество анонимных революционеров [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://slon.ru/russia/obshchestvo_anonimnykh_revolutsionerov-765700.xhtml
27. Холодковский К.Г. К вопросу о политической системе современной России // Полис. 2009. № 2. С. 7–22.
28. Хоффман Д. Олигархи. Богатство и власть в новой России. М.: КоЛибри, 2007.
29. Юрьева А. ФОМ скрывает данные об exit poll в Москве [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://mnenia.ru/rubric/society/fom-skrivaet-dannye-ob-exit-poll-v-moskve/>
30. Freedom House [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.freedomhouse.org/>
31. Higley J., Burton M. Elite Foundations of Liberal Democracy. Lanham, MD: Rowman and Littlefield, 2006.
32. Jenkins C. Resource mobilization theory and the study of social movements // Annual Review of Sociology. 1983. Vol. 9. P. 527–553.
33. Kricheli R., Livne Y., Magaloni B. Taking to the Streets: Theory and Evidence of Protests under Authoritarianism (manuscript, Stanford University, 2011) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://iis-db.stanford.edu/pubs/23341/TakingToTheStreets_7-11-11.pdf
34. Levitsky S., Way L. Competitive Authoritarianism: Hybrid Regimes after the Cold War. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2010.
35. Lonkila M. Russian Protest On-and Offline: The Role of Social Media in Moscow Opposition Demonstrations in December 2011 // Finnish Institute of International Affairs Briefing Papers. 2012. № 98.
36. McAdam D. Political Process and the Development of Black Insurgency. 1930–1970. Chicago, 1982.
37. McCarthy J., Zald M.N. The Trends of Social Movements in America: Professionalization and Resource Mobilization. N.Y.: Morrystones, 1973.
38. Tarrow S. Power in movement: Social movements and contentious politics. 2nd edition. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.
39. Tarrow S. Struggle, politics and reform: collective action, social movements and cycles of protest. Cornell Univ. Western soc., 1989, Paper № 21.
40. Tilly C. From Mobilization to Revolution. Reading: Addison–Wesley, 1978.
41. Wilson A. Virtual Politics: Faking Democracy in the Post-Soviet World. New Haven, 2005.

Институт уполномоченного органа в сфере государственно-частного партнерства: мировой опыт и российские реалии

В. РУСАКОВ

Успешная реализация и развитие рынка инвестиционных проектов согласно принципам государственно-частного партнерства (ГЧП) – звенья одной цепи, поэтому слаженная работа невозможна без ее публичной организации властными структурами. В то же время участие уполномоченного органа в соглашениях о ГЧП основывается на равенстве и имущественной самостоятельности (п. 1 ст. 2 и п. 1 ст. 124 ГК РФ) всех его участников.

Мировая практика становления и развития института уполномоченного органа в сфере ГЧП весьма многообразна. Аналогом уполномоченного органа, выполняющим его функции, например, в Великобритании является АО «Партнерство Великобритании», реализующее корпоративные отношения между государством и предпринимательством, в котором «крен» осуществлен в сторону частных инвесторов (51 % – доля предпринимательства, 49 % – государства), что подтверждает идею так называемой «частной финансовой инициативы» (Private Finance Initiative – PFI). В Австралии аналогичный орган является структурным подразделением коммерческого управления Министерства финансов. В Чешской Республике создано АО «ППП – Центр» (100 % акции находятся у государства), финансируемое и функционирующее полностью за счет Министерства финансов [5, 26–27].

В России функционирование института уполномоченного органа в сфере ГЧП на уровне регионов регулируется нормативно-правовой базой, основные элементы которой – следующие. Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в

Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [12] (далее – Закон о ГЧП (МЧП), Закон № 224-ФЗ) прямо предусматривает (ч. 1 ст. 47), что приведение законов, нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации, муниципальных правовых актов в этой сфере регулирования необходимо завершить до 1 июля 2016 г. Следует отметить, что в соответствии с Конституцией РФ гражданское законодательство находится в ведении Российской Федерации. При этом в ч. 5 ст. 76 Конституции РФ установлено, что законы и иные нормативные правовые акты субъектов РФ не могут противоречить федеральным законам. В то же время это не исключает регулирования правоотношений на основе совместного их ведения между центром и субъектами Российской Федерации и реализации правовой субъектности российских регионов.

Так, статьи 17 и 18 Закона о ГЧП (МЧП) дают открытый перечень, ориентированный на законодательное установление высшими исполнительными органами государственной власти субъектов Российской Федерации и муниципальных образований в сфере определения правового статуса уполномоченного органа и делегирования ему прав и обязанностей, их компетенциями для достижения целей инвестиционного проекта с распределением рисков и юридической ответственности на всех этапах его реализации. Таким образом, федеральная власть, стремясь к эффективному правовому регулированию отношений между публичным образованием и частным инвестором, предоставляет правовую возможность учитывать особенности развития экономики региона.

Права и обязанности, компетенции уполномоченных органов, сформулированные в федеральных законах, в той или иной мере регулирующих отношения между публичными образованиями и частными инвесторами, можно назвать «отношениями на принципах государственно-частного партнерства» или же разновидностями государственно-частного партнерства. С точки зрения полноты и всесторонности раскрытия правового потенциала каждого Закона необходимо провести их краткий анализ.

Федеральный закон от 30.12.1995 г. № 225-ФЗ «О соглашениях о разделе продукции» [14] (СРП) заложил правовую основу для применения механизмов ГЧП в сфере поиска и добычи полезных ископаемых (углеводородов). Уполномоченным органом, которому делегировано право осуществления контроля за исполнением СРП, является отраслевое Министерство энергетики Российской Федерации. Постановлением Правительства РФ от 28.05.2008 г. № 400 утверждено Положение «О Министерстве энергетики Российской Федерации» [15], в котором указано, что последнее является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию, в том числе в сфере освоения месторождений углеводородов на основе СРП. Нельзя не согласиться с таким решением правительства. Отраслевое министерство знает специфику регулируемых отношений и имеющийся экономический потенциал природных ресурсов, которые вкупе с доведенной до совершенства публичной организацией проектов на принципах ГЧП должны дать положительный результат, что, впрочем, и происходит в последние 5–7 лет. Подтверждением этому, ярким и показательным примером является реализация проектов СРП «Сахалин-1» и «Сахалин-2», когда из «не окупаемого проекта», как показала аудиторская проверка в начале «нулевых», к 2010 г. после проведения организационных мероприятий с изменением законодательства и условий СРП, конечно же, с согласия иностранных инвесторов – консорциума, а также делегирования уполномо-

ченному органу необходимых дополнительных полномочий, инвестиционные проекты стали высокорентабельными и эффективными.

Следующий Федеральный закон – от 21.07.2005 г. № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях» [16]. Здесь следует отметить, что структура исполнительных органов государственной власти субъекта Российской Федерации РФ, согласно ч. 1 ст. 77 Конституции Российской Федерации и п. 4 ст. 17 Федерального закона от 06.11.1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации», определяется высшим должностным лицом субъекта Российской Федерации. Так, ст. 9 Закона Республики Башкортостан от 13.03.2003 г. № 472-з «О республиканских органах исполнительной власти» [3] прямо указывает на то, что компетенции, например, применительно к концессионным механизмам, в части строительства, реконструкции, модернизации автомобильных дорог Республики Башкортостан, определяются в том числе республиканскими законами и иными нормативными правовыми актами. В то же время на федеральном уровне, согласно Федеральному закону от 17.07.2009 г. № 145-ФЗ «О Государственной компании “Российские автомобильные дороги” и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [17], осуществление от имени Российской Федерации, в том числе полномочия концедента, связанные с проведением конкурсов, обеспечением заключения и исполнения концессионных соглашений в отношении автомобильных дорог федерального значения, защитных дорожных сооружений и искусственных дорожных сооружений, закрепляется за государственной компанией «Российские автомобильные дороги».

Как видим, принятое решение способствует оперативному и профессиональному решению задач, связанных с достижением целей концессионных соглашений. Более того, складывающаяся практика показывает, что современные реалии требуют объединения функций уполномоченного органа, заказчика и застройщика в одном лице. Для чего был

оперативно принят Федеральный закон от 14.12.2015 г. № 377-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О Государственной компании “Российские автомобильные дороги” и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [13], вступивший в силу 26.12.2015 г.

Федеральный закон от 22.07.2005 г. № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах (далее – ОЭЗ) в Российской Федерации» предоставляет преференции резидентам свободной экономической зоны (СЭЗ) для экономического развития в депрессивных регионах нашей страны [18]. Понятие СЭЗ появилось в Законе РСФСР от 04.07.1991 г. № 1545-1 «Об иностранных инвестициях в РСФСР» [2], в котором нашли отражение специальные правовые режимы деятельности иностранных инвесторов, такие как упрощенный порядок регистрации организаций, льготный налоговый режим, пониженные ставки (стремящиеся к «обнулению») арендных платежей за пользование объектами, а также предоставление прав на долгосрочную аренду и т.п. По существу, публичное образование, создав свободную экономическую зону путем принятия административных актов, не вмешивалось в хозяйственные отношения резидентов и практически самоустранялось от осуществления последующего правового контроля за их деятельностью.

Более подробно следует рассмотреть некоторые разновидности особых экономических зон, создаваемых для развития высокотехнологичных отраслей экономики, разработки технологий и коммерциализации их результатов, а также достижения иных общественно полезных целей. Актуальность развития таких зон обусловлена тем, что, по данным статистики, на территории Российской Федерации в цепочке «научный продукт – готовый товар» коммерциализация научных достижений составляет всего лишь 7–8 %, когда как в западных странах – до 70–80 % [4]. Раскрывая правовой потенциал таких форм, нельзя не упомянуть о технопарках. В литературе, в частности, отмечается, что технологические и научные парки – структуры более мелкого масштаба по сравнению с наукоградами

и технико-внедренческими ОЭЗ [4]. Так, технопарки представляют собой научно-производственные территориальные комплексы, включающие в себя научные учреждения, вузы, промышленные предприятия, малые наукоемкие фирмы и преследуют следующие цели: содействие в становлении и развитии малых инновационных форм; воплощение научно-технической продукции в готовый товар; создание и введение в действие новых видов производств; привлечение инвестиций и специалистов в новые и возрожденные виды производств. Примером создания технопарков при государственном участии может служить технопарк «Новосибирск», образованный согласно распоряжению Президента Российской Федерации от 10.06.1996 г. № 307-рп «О создании технопарка “Новосибирск”» [19], где учредителями выступили федеральные и региональные власти (или их представители) с Сибирским отделением Российской академии наук. Сегодня с полной уверенностью можно утверждать, что проект был успешно реализован, прошел апробацию и может стать примером (эталонном) использования такой структуры на других территориях Российской Федерации.

Создание и прекращение всех разновидностей особых экономических зон на территориях субъекта Российской Федерации муниципального образования принимается и оформляется специальным постановлением исходя из критериев, утвержденных Правительством РФ. Особо следует остановиться на управлении особыми экономическими зонами, которое возлагается на Министерство экономического развития РФ. При этом отдельные полномочия на основании соглашения об ОЭЗ могут быть переданы органу исполнительной власти субъекта Российской Федерации. Здесь необходимо отметить, что Министерство экономического развития РФ, органы исполнительной власти субъекта РФ, управляющие компании, резиденты ОЭЗ составляют единую централизованную систему управления ОЭЗ. В целях координации деятельности этой единой централизованной системой создается наблюдательный совет, что, на наш взгляд, является важным инструментом регулирования

в таких сложных отношениях, сочетающих в себе принятие управленческих и хозяйственных решений.

С точки зрения апробации опыта интересным для региональных законодателей является Федеральный закон от 29.11.2014 г. № 377-ФЗ «О развитии Крымского федерального округа и свободной экономической зоне на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя» [20]. Согласно п. 2 ст. 10 этого Закона, органами управления свободной экономической зоной являются уполномоченный Правительством РФ федеральный орган исполнительной власти, экспертный совет СЭЗ, высший исполнительный орган государственной власти Республики Крым (города федерального значения Севастополя). Здесь, на наш взгляд, следует также особо выделить статус коллегиального органа – экспертного совета, который признан осуществлять организацию функционирования самой свободной экономической зоны, в состав которого входят по два представителя от Правительства РФ, Правительства Республики Крым (города Севастополя), а также представителей иных органов, которыми могут быть представители органов муниципального образования, инвесторов и других некоммерческих (общественных) организаций. Представляется не случайным, что после присоединения Крыма и города федерального значения Севастополя законодатель создал сразу две новые формы особых территорий – свободная экономическая зона и территория опережающего социально-экономического развития, хотя аналогичная форма последнего регулируется недавно принятым специальным законом.

Среди правоведов принятие этого закона вызвало дискуссию. Так, например, А.В. Белицкая задается вопросом: не лучше ли было отразить особенности правового режима в Крыму в соответствующих разделах Закона об особых экономических зонах и Закона о территориях опережающего социально-экономического развития [1, 60–66]? Иная точка зрения связана с желанием предоставить субъектам предпринимательской деятельности на данной терри-

тории максимальную свободу в достижении параметров экономического роста. Эту позицию по-другому можно было бы выразить так: в соответствии с данным законом административными нормами регулируется организация деятельности резидентов и устанавливается правовой режим на ее территории, а предпринимательская деятельность осуществляется полностью нормами гражданского законодательства. Соответственно, и ответственность за результат инвестиционной деятельности будет полностью возлагаться на предпринимательские структуры, а не на публичные образования.

Надо признать, что в последнее время на публичные образования перекладывается бремя всех рисков, в том числе инвестиционных, что в отдельных случаях может быть разумно и справедливо. Тем не менее, по нашему глубокому убеждению, на них должна возлагаться только публичная организация реализации проектов и последующее осуществление контроля на всех этапах реализации инвестиционного проекта, но в любом случае это должно осуществляться без вторжения в предпринимательскую деятельность инвесторов. В сегодняшних условиях вряд ли другие формы организации инвестиционной деятельности будут эффективными во вновь принятых в состав Российской Федерации Республике Крым и городе федерального значения Севастополе [23].

Востребованным для экономики и совершенствования правовых механизмов взаимодействия государства и предпринимательства является Федеральный закон от 29.12.2014 г. № 473-ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации» [21], вступивший в силу с 31 марта 2015 г. на территории Дальнего Востока, а по истечении 3 лет апробации Закона аналогичные правовые режимы будут создаваться и в остальных территориях Российской Федерации. Надо отметить, что особый порядок создания в моногородах регулируется гл. 9 Закона, а в закрытых административно-территориальных образованиях (ЗАТО) могут создаваться с 01.01.2016 г. На территории опережающего

социально-экономического развития (далее – ТОСЭР) устанавливается особый правовой режим осуществления предпринимательской (инвестиционной) деятельности в целях формирования благоприятных условий для привлечения инвестиций, обеспечения ускоренного развития и создания комфортных условий для обеспечения жизнедеятельности населения. ТОСЭР создается на 70 лет по решению Правительства РФ на основании предложения уполномоченного федерального органа, срок которого может быть продлен.

Решение принимается в форме административного акта – постановления, в котором указываются перечень видов деятельности, минимальный объем привлекаемых резидентами инвестиций и т.д. Важно отметить, что Закон предусматривает не только создание преференций резидентам ТОСЭР, но и предоставляет возможность направления бюджетных средств на инфраструктурные объекты, что, с точки зрения идеи государственно-частного партнерства, является одним из признаков подлинного «партнерства», а также передает в собственность управляющей компании движимое и недвижимое имущество, необходимое для достижения намеченной цели. При таких обстоятельствах важная роль будет отводиться координации деятельности в ТОСЭР и осуществлению контроля на всех этапах соглашения о ТОСЭР, оказанием содействия их реализации выдачей заключения наблюдательным советом об эффективности всего проекта. В состав наблюдательного совета в количестве не более 10 человек входят представители уполномоченного федерального органа, государственной власти субъекта Российской Федерации, иных государственных органов, органов местного самоуправления, а также управляющей компании. Для участия в принятии решения на заседаниях наблюдательного совета могут приглашаться и резиденты (инвесторы) ТОСЭР. На основании изложенного примера предлагается, не дожидаясь, когда заработают подобные зоны, уже сегодня ориентироваться на создание таких механизмов управления подобными проектами.

Наконец, следует обратить особое внимание на Закон о госзакупках [25], регулирующий отношения в сфере эффективного обеспечения публичных потребностей в товарах, работах, услугах на основе гласности и прозрачности, а также преследующие иные указанные в Законе цели. В широком смысле, как известно, нормы Закона можно отнести к механизмам ГЧП, поскольку здесь усматривается взаимодействие государства (муниципалитета) и предпринимательства. Тем не менее, законодатель, на наш взгляд, заложил соревновательный дух в Закон о ГЧП (МЧП), определив в компетенцию уполномоченного органа оценку эффективности проекта на основе сравнительного преимущества, то есть сравнительных показателей использования бюджетных средств при реализации проекта ГЧП (МЧП) и использования бюджетных средств, необходимых для реализации государственного (муниципального) контракта. Таким образом, на законодательном уровне закладывается правовой механизм осуществления подлинной экономической конкуренции инвестиционных проектов, что следует оценивать как положительный фактор.

Без сомнения, ориентиром в законотворческой деятельности будет являться и нарабатанный мировой опыт. Например, в настоящее время во Франции на уровне центральных властей действует Миссия содействия ГЧП, которая была создана в 2004 году в связи с принятием специального правового регулирования в этой сфере. Первоначально она создавалась для проведения экспертизы на стадии предварительной оценки проектов ГЧП и находилась в прямом подчинении министра экономики и финансов. В 2010 г. статус Миссии содействия ГЧП изменился, и она приобрела статус службы с национальной компетенцией в составе Общей дирекции казначейства, входящей в состав Министерства экономики, финансов и промышленности. В связи с чем круг компетенций данного органа резко возрос. Основными функциями Миссии содействия ГЧП являются, во-первых, предварительная оценка проекта, подготовленного органом, который будет осуществлять отбор частного партнера и

заключать соглашение, во-вторых, оказание помощи органам власти (как на центральном, так и на местном уровне) в подготовке проекта ГЧП, в проведении переговоров и осуществлении контроля за реализацией проекта и, в-третьих, информирование о ГЧП и содействие его широкому распространению, иначе говоря, прозрачности регулируемых отношений (действует формула: чем больше прав и компетенций, тем прозрачнее отношения). Следует отметить, что Миссия не осуществляет функций по отбору частного партнера и заключению соглашений в отношении конкретных проектов. Здесь мы видим пример «усеченных» функций.

Аналогичную концентрацию компетенций по публичной организации уполномоченного органа мы наблюдаем и в России. Так, в 2001 г. включены дополнения в ЮНСИТРАЛ [22], в котором в п. 17 раздела 1 «Общие законодательные и институциональные рамки» Руководства для законодательных органов по инфраструктурным проектам, финансируемым из частных источников, обращается внимание на то, что целесообразно сделать следующее: во-первых, обозначить те публичные органы или уровни управления, которые компетентны выдавать подряды на проекты в области инфраструктуры частному сектору и действовать в качестве организаций-заказчиков; во-вторых, принять нормы, позволяющие выявить тех физических или должностных лиц, которые обладают полномочиями на принятие обязательств на различных этапах переговоров, а также полномочиями на подписание проектного соглашения; в-третьих, определить объем полномочий, которые могут потребоваться государственным органам для реализации проектов, входящих в сферу их компетенции, и, наконец, установить необходимые меры для надлежащей административной координации в тех случаях, когда заранее определить всех соответствующих должностных лиц или ведомств невозможно. В нашей ситуации такой работой, по нашему мнению, будет заниматься (возможно, только на первых этапах становления) наблюдательный (экспертный) совет.

Еще одна подготовленная ЮНСИТРАЛ рекомендация (рек. 6) акцентирует внимание на необходимости создания институциональных механизмов для координации деятельности публичных органов, ответственных за выдачу подтверждений, лицензий, разрешений или санкций, необходимых для осуществления и реализации ГЧП. Аналогичная идея развивается в Модельном законе для государств – участников СНГ «О публично-частном партнерстве», где выделяются следующие полномочия органов исполнительной власти в сфере ГЧП: разработка и принятие нормативно-правовых актов о порядке подготовки проектов ГЧП; разработка и утверждение долгосрочных целевых программ в отношении проектов ГЧП; разработка и утверждение положений о порядке, сроках и условиях имущественного и (или) финансового участия публично-правового образования в проектах ГЧП и методики оценки эффективности их участия в проекте; разработка и утверждение порядка проведения общественных слушаний относительно проекта ГЧП; принятие решений в отношении конкретных проектов ГЧП, начиная со стадии инициации проекта и завершая контролем за реализацией проекта; осуществление контроля в сфере ГЧП, что необходимо будет учитывать в законотворческой деятельности нашего региона.

Необходимо обратить внимание, что нормотворчество предполагает законодательное закрепление наделения органов исполнительной власти полномочием по правовому регулированию того или иного вопроса, что поддержано Законом № 224-ФЗ, и такие вопросы отнесены к компетенции региональных законодателей, соответственно, они должны будут регулироваться на уровне закона Республики Башкортостан. При определении пределов законодательного и подзаконного нормотворчества следует помнить о том, что законодательное регулирование ГЧП должно быть рамочным [11], поскольку весьма затруднительно и нецелесообразно с позиций гибкости управления регулировать все возникающие вопросы с большей степенью детализации. Сфера ГЧП в региональных законах не должна быть

«заурегулированной», чтобы в последующем не оказаться заложником этих «заурегулированных правил», поэтому участникам проекта должна быть предоставлена возможность выбирать в соглашениях о ГЧП выгодные условия для инвестора и эффективные механизмы осуществления контроля со стороны публичного образования в рамках каждого конкретного проекта [11]. При таких обстоятельствах возникает острая необходимость обращения пристального внимания на принципы права, то есть основные начала регулирования, не акцентируется внимание на буквальном толковании, что зачастую в нашей практике случается.

Возникнет вопрос: следует ли создавать специальный орган на уровне правительства для осуществления управления в сфере ГЧП или же достаточно наделить отдельными полномочиями отраслевые министерства, отвечающие за управление в тех сферах, в которых реализуются проекты ГЧП (например, здравоохранение, дорожное хозяйство, ЖКХ и т.п.)? Общепризнанной в настоящее время является позиция, согласно которой целесообразно будет создание специализированного исполнительного органа государственной власти – уполномоченного органа. В то же время при создании такого органа управлять всеми процессами будет довольно сложно, если этот орган будет наделен всеми или большинством полномочий, необходимых для осуществления публичного управления в сфере ГЧП. Именно поэтому государства (регионы), имеющие большой опыт реализации проектов ГЧП, зачастую идут по пути создания специализированных подразделений в отраслевых министерствах, вместе с тем общими полномочиями наделяются органы общей компетенции, в нашем случае – Правительство Республики Башкортостан (или Министерство экономического развития РБ).

При распределении полномочий между органами исполнительной власти необходимо учесть существующее распределение функций между ними. Так, в соответствии с Указом Президента РФ от 09.03.2004 г. № 314 (ред. 22.06.2010 г.) «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти в Россий-

ской Федерации» (в нашем регионе действует Указ Президента Республики Башкортостан от 24.11.2012 г. № УП-407 «О мерах по совершенствованию структуры исполнительных органов государственной власти Республики Башкортостан») выделение видов органов исполнительной власти на федеральном уровне – министерств, агентств и служб – проведено с учетом разграничения их функций. К основным функциям министерств относятся выработка государственной политики и нормотворчество в определенной сфере, а также координация и контроль за деятельностью находящихся в его ведении агентств и служб. В свою очередь, основными функциями агентства являются функции по оказанию государственных услуг, по управлению государственным имуществом и правоприменительные функции, за исключением функций по контролю и надзору, которые отнесены к основным функциям служб.

В качестве вывода необходимо отметить, что проведенный анализ помогает раскрыть основные факторы, влияющие на развитие инвестиционного климата региона. В этой связи не будет лишним процитировать профессора В.Ф. Попондопуло [6, 142], который на примере концессионного соглашения, являющегося одной из форм ГЧП, раскрыл сущность статуса уполномоченного органа: «Важно понимать, что публичные органы, являясь субъектами права, выступают в различных отношениях (выступают вовне в разных правовых масках): как публичных (основное назначение), так и частных (вспомогательное назначение). Этим определяются особенности их правового положения». Исследователь также отмечает, что сначала уполномоченный орган выступает от имени публично-правового образования, реализует свою властную компетенцию (принимает административный акт о заключении *соглашения о ГЧП* (курсив наш. – В.Р.)), а затем реализует свою (опосредованно государственную или муниципальную) гражданскую правоспособность (участвует в гражданском правоотношении) [7, 19]. С нашей точки зрения, изложенный подход можно со всей ответственностью считать универсальным для всех разновидностей ГЧП.

Литература

1. Белицкая А.В. Государственно-частное партнерство в рамках территорий со специальным режимом осуществления предпринимательской деятельности: новое в законодательстве // Закон. 2015. № 3. С. 60–66.
2. Ведомости. 1991. № 29. С. 3.
3. Ведомости Государственного Собрания – Курултая, Президента и Правительства Республики Башкортостан. 2003. № 7. Ст. 347.
4. Городов О.А. Правовое обеспечение инновационной деятельности: монография. М.: ИНФРА-М, 2012. С. 88–92.
5. Лебедев К.К., Русаков В.И. Правовое регулирование государственно-частного партнерства при осуществлении инвестиционных проектов: монография. Гатчина: Изд-во ГИЭФПТ, 2014. С. 26–27.
6. Попондопуло В.Ф. Договор – средство частноправового регулирования // Правоведение. 2009. № 4. С. 137–151.
7. Попондопуло В.Ф. Инвестиционная деятельность: правовые формы осуществления публичной организации и защиты // Юрист. 2013. № 19. С. 15–23.
8. Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>
9. Приказ Министерства экономического развития РФ от 21.01.2010 г. № 20. «Об утверждении типовой формы соглашения с субъектом РФ о делегировании отдельных полномочий по управлению особыми экономическими зонами» // Российская газета. 2010. № 54.
10. Приказ Министерства экономического развития РФ от 20.10.2010 г. № 502 (в ред. от 12.03.2012 г.) «Об утверждении Положения о наблюдательном совете» // Российская газета. 2010. № 265.
11. Публично-частное партнерство в России и зарубежных странах: правовые аспекты (авторская глава 10 Килинкаровой Е.В.) / Под ред. В.Ф. Попондопуло, Н.А. Шевелевой. М.: Инфотропик Медиа, 2015. 528с.
12. Российская газета. 2015. № 156. С. 2.
13. Российская газета. 2015. № 285. С. 3.
14. Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 18.
15. Собрание законодательства РФ. 2008. № 22. Ст. 2577.
16. Собрание законодательства РФ. 2005. № 30 (ч. II). Ст. 3126.
17. Собрание законодательства РФ. 2009. № 29. Ст. 3582.
18. Собрание законодательства РФ. 2005. № 30 (ч. II). Ст. 3177.
19. Собрание законодательства РФ. 1996. № 24. Ст. 2925.
20. Собрание законодательства РФ. 2014. № 48. Ст. 6658.
21. Собрание законодательства РФ. 2015. № 1. Ст. 26.
22. Типовой закон ЮНСИТРАЛ о международном торговом арбитраже [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.uncitral.org/pdf/russian/texts/arbitration/ml-arb/07-87000_Ebook.pdf.
23. Федеральный конституционный закон от 21.03.2014г. №6–ФКЗ (ред. от 29.12.2015г.) «О принятии в Российскую Федерацию и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя» // Собр. законодат. РФ. 2014. № 12. Ст. 1201.
24. Федеральный закон от 07.04.1999 г. № 70-ФЗ (с изм. и доп., вступающими в силу с 01.01.2017 г.) «О статусе наукограда Российской Федерации» // Собр. законод. РФ. 1999. № 15. Ст. 1750.
25. Федеральный закон от 05.04.2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // Российская газета. 2013. № 6056.

Юридические факты в финансовом праве

Т. ЗИНУРОВ

Общеизвестно, что в основе возникновения, изменения и прекращения правоотношений лежат особые обстоятельства, называемые юридическими фактами. В целом данный вопрос достаточно хорошо проработан в рамках общей теории права, однако некоторые аспекты требуют исследовательского уточнения, чему и посвящена эта статья.

Исследователи в области теории государства и права О.Е. Кутафин [5, 37] и М.И. Абдулаев [1, 183] указывают, что юридические факты содержатся в гипотезах правовых норм. Их точку зрения разделяет А.Б. Венгеров, считающий, что «юридические факты, описываются в гипотезе нормы права...» [3, 248] и С.С. Алексеев, называющий данные факты юридическими, так как они «предусмотрены в нормах права: прямо – в гипотезе...» [8, 300].

Таким образом, понятия «гипотеза нормы права» и «юридический факт», если не являются тождественными, то выполняют одну и ту же функцию, а именно – влияют на возникновение, изменение или прекращение правоотношения.

Сами же определения юридических фактов всегда привязывают их к норме права во всех ее проявлениях. Под юридическим фактом исследователи чаще всего понимают определенные жизненные обстоятельства (условия, ситуации), с которыми нормы права связывают возникновение, прекращение или изменение правоотношений [4, 152–153; 7, 293; 8, 300]. Следовательно, для возникновения, изменения или прекращения правоотношения необходимы два условия: собственно наличие самого юридического факта (жизненного обстоятельства) и связь данного факта с нормами права, прописанными в нормативных правовых актах или иных источниках права. Таким образом, собственно сам юридический факт (жизненное обстоятельство) как таковой не служит началом,

изменением или прекращением правоотношения без привязки его к норме права.

Общеизвестно, что классификация юридических фактов по волевому признаку выделяет две их разновидности – события и действия. Событие – не зависящее от воли человека явление окружающей действительности. Действие – осознанное поведение субъектов, либо прямо направленное на возникновение, изменение или прекращение правоотношений, то есть имеет целью получение определенных юридических последствий, либо прямо не имеющее таковой цели, но порождающее их уже независимо от воли субъекта.

Таким образом, получается, что явление, не зависящее от воли человека, не связанное с нормой права, не повлечет за собой никаких юридических последствий и, соответственно, не будет являться юридическим фактом. Если, например, рассматривать два абсолютно одинаковых явления, таких как падение метеорита в океан, где он не вызвал никаких разрушений, и в черте населенного пункта, где результатом стало множество жертв и разрушений, то второе в отличие от первого будет юридическим фактом, так как повлечет за собой множество возникновений, изменений и прекращений правоотношений.

Юридический факт – это действие, которое можно разделить на юридические поступки и юридические акты. Первые, как уже упоминалось, прямо не направлены на достижение какого-либо юридического результата в отличие от вторых. Однако следует иметь в виду, что для возникновения одних правоотношений некоторые обстоятельства будут иметь характер юридического акта, а для других те же обстоятельства – характер юридического поступка. Например, устройство на работу прямо направлено на возникновение трудовых право-

Зинуров Тимур Гранитович, канд. юрид. наук, доцент кафедры предпринимательского и финансового права Башкирской академии государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан. E-mail: zintg@mail.ru

отношений, однако, помимо них, появляются еще и налоговые правоотношения, которые возникают вне зависимости от воли субъекта. Поэтому для того, чтобы юридический поступок стал юридическим фактом, он должен быть привязан к норме права, как и событие.

Юридические акты, как известно, осуществляются в форме сделок и административных актов. Сделки – действия граждан и юридических лиц, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей [2, 548]. Административный акт – акт органа государственного управления, который, в отличие от нормативного акта, устанавливает, изменяет или прекращает конкретное правоотношение, а не общее правило [2, 18].

Из определения административного акта следует, что он является самостоятельным основанием возникновения, изменения и прекращения правоотношения и какие-либо дополнительные условия ему для этого не нужны. Таким образом, он несколько не вписывается в известные нам определения юридических фактов, так как он (юридический факт) нуждается в привязке к норме права, уже после того, как свершится. В этом же случае административный акт или индивидуальный правовой акт является завершающим звеном, непосредственно воздействуя на правоотношение.

Далее нам необходимо спроецировать данные теоретические выкладки на сферу финансового права. Уже было отмечено, что гипотеза нормы права и юридические факты выполняют одну и ту же функцию. В финансовом праве есть утверждение, что гипотеза указывает на условие действия финансово-правовой нормы и чаще всего имеет сложную структуру [11, 69]. Другими словами, финансово-правовая норма имеет несколько условий-гипотез, или для того, чтобы финансовое право-отношение возникло, изменилось или прекратилось, нужно несколько юридических фактов. Юридические факты могут быть выстроены в последовательном или параллельном порядке.

Финансовые правоотношения в силу специфического характера характеризуются рядом особенностей. Так, к примеру, они

возникают, изменяются или прекращаются только на основе правовых норм [10, 108]. Отсюда возникает вопрос: являются ли юридические факты-события основанием для возникновения, изменения или прекращения финансового правоотношения?

Например, О.Н. Горбунова рассматривает увеличение числа иждивенцев в семье как событие, влияющее на изменение финансового правоотношения в виде уменьшения подоходного налога [9, 46]. Рассмотрим данную ситуацию на примере рождения ребенка. Может ли рождение ребенка изменять финансовое правоотношение, влияя на уменьшение размера подоходного налога? Что необходимо для того, чтобы возникло право на стандартный налоговый вычет при рождении ребенка?

Во-первых, это собственно само рождение ребенка. Во-вторых, родитель должен быть плательщиком подоходного налога, то есть иметь облагаемый по ставке 13 % доход и состоять на учете в налоговом органе. В-третьих, требуется регистрация ребенка в органах ЗАГС. В-четвертых, необходимо заявление родителя в бухгалтерию по месту работы. И, наконец, в-пятых, одному из родителей вообще может быть не предоставлено право на вычет в связи с тем, что другому родителю он предоставлен в двойном размере.

Таким образом, мы видим, что само по себе рождение ребенка не влечет в этом плане никаких последствий. Необходима совокупность целой группы различных фактов, так как отсутствие любого из них делает неэффективными действия всех остальных. В данном случае юридический факт-событие следует рассматривать как «спусковой крючок», запускающий «реакцию», но последним звеном все же будет юридический факт-действие.

Проанализируем другие примеры. По мнению Ю.А. Крохиной, такие события, как смерть налогоплательщика, прекращают налоговое правоотношение, или увечье, полученное сотрудником налоговой службы при исполнении им своих служебных обязанностей, является страховым случаем, то есть юридическим фактом, лежащим в основе права требования выплаты страхового возмещения [10, 110].

Если рассматривать исключительно факт смерти как основание для прекращения налогового правоотношения, то можно предположить, что факт рождения влечет за собой возникновение такового. Однако, чтобы стать налогоплательщиком, кроме рождения, необходим комплекс дополнительных условий, таких как наличие объекта налогообложения, отсутствие или наличие льгот; кроме того, необходимо состоять на налоговом учете и т.д. Поэтому, с нашей точки зрения, сама по себе смерть как таковая, являясь юридическим фактом-событием, как и в предыдущем примере, может только запустить механизм прекращения налогового правоотношения, но никак не быть самостоятельным основанием для этого. Последним звеном в цепи юридических фактов будет снятие с налогового учета, которое и повлечет прекращение налогового правоотношения. Что же касается увечья, полученного работником налоговых органов при исполнении им своих служебных обязанностей, то необходимо соблюдение целого ряда формальностей, предусмотренных приказом Министерства Российской Федерации по налогам и сборам от 26.09.03 г. № БГ-3-17/504@ «Об утверждении инструкции о порядке проведения обязательного государственного личного страхования работников налоговых органов системы министерства Российской Федерации по налогам и сборам» [6], и только после этого возникает право требования выплаты страхового возмещения. Таким образом, завершающим юридическим фактом опять-таки будет действие.

Подводя итоги можно констатировать следующее. Финансовое правоотношение всегда возникает на основе совокупности юридических фактов – юридического состава. Юридический факт-событие может являться лишь «пусковым механизмом» для возникновения, изменения и прекращения финансового правоотношения, а завершающим звеном цепи и непосредственным основанием воздействия на финансовые правоотношения будет всегда юридический факт-действие.

Литература

1. Абдулаев М.И. Теория государства и права: учебник для высших учебных заведений. 2-е изд., доп. М.: Финансовый контроль, 2004. 410 с.
2. Большой юридический словарь / Под ред. А.Я. Сухарева, В.Е. Крутских. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2004. 704 с.
3. Венгеров А.Б. Теория государства и права: учебник для юрид. вузов. 3-е изд. М.: Юриспруденция, 2000. 528 с.
4. Общая теория права и государства: учебник / Под ред. В.В. Лазарева. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юристь, 2001. 520 с.
5. Основы государства и права: учебное пособие для поступающих в вузы / Под ред. акад. О.Е. Кутафина. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Юристь, 1998. 384 с.
6. Приказ Министерства Российской Федерации по налогам и сборам от 26.09.03 г. № БГ-3-17/504@ «Об утверждении инструкции о порядке проведения обязательного государственного личного страхования работников налоговых органов системы министерства Российской Федерации по налогам и сборам» // СПС КонсультантПлюс.
7. Теория государства и права: Курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юристь, 2001. 776 с.
8. Теория государства и права: учебник для юридических вузов и факультетов. 3-е изд / Под ред. С.С. Алексеева. М.: Норма, 2005. 458 с.
9. Финансовое право: учебник. 3-е изд., перераб. и доп. / отв. ред. О.Н. Горбунова. М.: Юристь, 2005. 587с.
10. Финансовое право России: учебник / Ю.А. Крохина. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2008. 720 с.
11. Финансовое право: учебник / Отв. ред. Н.И. Химичева. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. 752 с.

Социально-экономическое положение Республики Башкортостан в 2015 году*

Основные показатели, характеризующие развитие экономики и социальной сферы

	Январь-декабрь			
	2015 г.	2015 г. в % к 2014 г.	2014 г. в % к 2013 г. (справочно)	РФ, 2015 г., в % к 2014 г. (справочно)
Оборот организаций, млрд руб.	2820,0	100,6 ¹	106,7 ¹	...
Отгружено товаров собственного производства, выполнено работ и услуг собственными силами, млрд руб.	1902,9	104,6 ¹	107,8 ¹	...
Индекс промышленного производства	х	101,0	103,9	96,6
Объем работ, выполненных по виду деятельности «Строительство», млрд руб.	156,1	100,2	101,1	93,0
Ввод в действие жилых домов, тыс. кв. м площади	2690,7	101,5	106,7	99,5
Объем продукции сельского хозяйства, млрд руб.	152,1	103,2	100,9	103,0
Грузооборот автомобильного транспорта, млрд тонно-км	3,3	91,7	102,0	94,1
Оборот розничной торговли, млрд руб.	784,7	88,0	102,7	90,0
Оборот оптовой торговли, млрд руб.	592,2	84,8	99,5	...
Объем платных услуг населению, млрд руб.	232,1	95,3	100,4	97,9
Численность официально зарегистрированных безработных, тыс. чел. (на 1 января 2016 г.)	26,1	113,3	96,4	112,5
Средняя начисленная заработная плата с досчетом до полного круга организаций, за январь-ноябрь, руб.				
номинальная	25311,6	103,3 ²	107,1 ²	105,1 ²
реальная	х	90,1 ²	100,0 ²	90,8 ²
Денежные доходы в расчете на душу населения в среднем за месяц, за январь-ноябрь, руб.				
номинальные	26859,0	107,7 ²	109,3 ²	108,9 ²
реальные располагаемые	х	95,0 ²	102,0 ²	96,5 ²
Индекс потребительских цен и тарифов на товары и услуги	110,9 ³	114,2	107,4	112,9 ³
Индекс цен производителей промышленных товаров (на внутрисоссийском рынке)	111,2 ³	112,5	105,4	110,7 ³
Сальдированный финансовый результат (прибыль минус убыток) в фактических ценах по крупным и средним предприятиям за январь-ноябрь, млрд руб.	86,5	72,8 ²	73,3 ²	148,6 ²
¹ В действующих ценах. ² К январю-ноябрю предыдущего года. ³ Декабрь 2015 г. в % к декабрю 2014 г.				

Примечание. Отдельные показатели за 2015 год являются предварительными и могут быть уточнены по итогам годовых разработок.

* Данные Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Башкортостан.

Оборот организаций по полному кругу хозяйствующих субъектов в 2015 г. составил 2,8 трлн руб. (100,6 % к 2014 г. в действующих ценах). При этом 67,5 % показателя обеспечено за счет товаров и услуг собственного производства. На долю промышленного сектора приходится более половины оборота организаций и две трети объема отгруженных товаров и оказанных услуг.

Развитие **промышленного производства** республики в 2015 г. характеризовалось ростом – 101,0 % к 2014 г. В Российской Федерации индекс промышленного производства в 2015 г. по сравнению с 2014 г. составил 96,6 %. Среди регионов Приволжского федерального округа отставание от 2014 г. зафиксировано в шести субъектах (от 91,8 % в Оренбургской области до 99,4 % в Пермском крае). По остальным регионам отмечен рост от 100,4 % в Республике Татарстан до 108,3 % в Республике Марий Эл.

Стабильная работа промышленного сектора укрепила положение республики на российском рынке. Башкортостан является лидером в России по производству светлых нефтепродуктов, кальцинированной соды, бензола, стекла термически полированного, материалов для покрытий пола, автобетоносмесителей, вертолетов, остается единственным производителем автобетононасосов. Республика находится на втором месте среди регионов Российской Федерации по объемам нефти, поступившей на переработку, выпуску пластмасс в первичных формах, этилена, ксилола, стирола, синтетических каучуков, технологической извести, кровельных и гидроизоляционных материалов, скрученной и стальной проволоки, на третьем – по производству каустической соды, серы, универсальных электродвигателей.

Добыча всех видов полезных ископаемых в 2015 г. увеличилась по сравнению с 2014 г. на 2,0 %. Объемы добычи топливно-энергетических полезных ископаемых, основой которых является нефть, возросли на 3,6 %. По объему нефтедобычи республика занимает восьмое место в России, четвертое – в Приволжском федеральном округе. Добыча рудных полезных ископаемых отмечена отрицательной динамикой – 93,4 % к 2014 г.

В **обрабатывающих производствах** индекс составил 100,8 % к 2014 г. При этом высокие темпы роста зафиксированы в производстве электрооборудования и транспортных средств (121,8–122,4 % к 2014 г.), производстве кожи и обуви, целлюлозно-бумажном, издательской и полиграфической деятельности, производстве резиновых и пластмассовых изделий (112,4–115,4 %). Положительная динамика также отмечена в металлургическом производстве (107,8 %), химическом (105,2 %), обработке древесины (103,9 %), производстве машин и оборудования (102,6 %). Отставание против 2014 г. допущено в производстве нефтепродуктов на 13,6 %, прочих неметаллических минеральных продуктов – на 12,2 %, пищевых продуктов – на 5,1 %, текстильном и швейном производстве – на 1,4 %.

В **производстве и распределении электроэнергии, газа и воды** индекс составил 99,8 % к 2014 г. Производство электроэнергии снижено на 0,4 %, отпуск теплоэнергии – на 3,3 %. По производству электроэнергии и теплоэнергии республика занимает в Российской Федерации 18 и 5 места, соответственно, в Приволжском федеральном округе – 4 и 2 места соответственно. Объемы производства и распределения газообразного топлива возросли на 11,4 %, сбора, очистки и распределения воды – на 10,0 %.

Объем работ, выполненных по виду **деятельности «Строительство»**, в 2015 г. оценивается в размере 156,1 млрд руб., или 100,2 % к уровню 2014 г. Предприятиями и организациями за 2015 г. сдано в эксплуатацию 505 жилых зданий и 532 здания нежилого назначения. За счет строительства новых, расширения и реконструкции действующих предприятий введены в действие производственные мощности на предприятиях сельского хозяйства; по производству пищевых продуктов; обработке древесины; по производству и распределению электроэнергии, газа и воды; торговли и общественного питания; транспорта, связи и других.

По предварительным данным, республика в 2015 г. является лидером по объему введенного жилья среди регионов Приволжского федерального округа. За счет всех источников финансирования в 2015 г. введено в действие 34,5 тыс.

квартир общей площадью 2690,7 тыс. кв. м, или 101,5 % к 2014 г. На 1000 человек населения построен 661 кв. м жилья.

В сельской местности за 2015 г. введено 1145,9 тыс. кв. м общей площади жилых домов, в городской местности – 1544,8 тыс. кв. м, 99,4% и 103,1 % к 2014 г. соответственно.

Индивидуальными застройщиками за свой счет и с помощью кредитов было построено 13,7 тыс. собственных жилых домов общей площадью 1571,5 тыс. кв. м, или 93,0 % к уровню 2014 г. Удельный вес собственных жилых домов в общем объеме введенного жилья по республике составил 58,4 %. Объем жилья, введенного предприятиями и организациями республики в 2015 г., возрос по сравнению с 2014 г. на 16,4 % и составил 1119,2 тыс. кв. м, из которых 117,8 тыс. кв. м (10,5 %) соответствуют стандартам жилья экономического класса.

Из объектов социальной инфраструктуры в 2015 г. по разрешениям на ввод объектов в эксплуатацию, оформленным в установленном порядке, введены в действие: новый корпус аграрного техникума общей площадью учебно-лабораторных зданий 8310 кв. м; общеобразовательные учреждения на 572 ученических места; дошкольные образовательные учреждения на 3938 мест; больничное учреждение на 60 коек, амбулаторно-поликлинические учреждения на 100 посещений в смену; учреждение культуры клубного типа на 100 мест; 5 физкультурно-оздоровительных комплексов, спортивные залы площадью 1595 кв. м, плавательные бассейны площадью зеркала воды 1538 кв. м; торгово-развлекательные центры площадью 47,8 тыс. кв. м и торгово-офисные центры площадью 4,2 тыс. кв. м; 24 культурных сооружения.

В коммунальном хозяйстве введены в действие газовые сети протяженностью 224,7 км, водопроводные сети – 180,2 км.

По предварительным расчетам, **объем продукции сельского хозяйства** в 2015 г. в действующих ценах составил 152,1 млрд руб. (103,2 % в сопоставимой оценке к 2014 г.), в том числе продукции растениеводства – 67,6 млрд (107,3 %), продукции животноводства – 84,5 млрд (100,2 %). В структуре продукции сельского

хозяйства произошли изменения между сельскохозяйственными производителями – увеличилась доля сельскохозяйственных организаций на 4,0 п.п. по сравнению с 2014 г. и составила 36,6 %, а также крестьянских (фермерских) хозяйств – на 2,3 п.п. (9,4 %); удельный вес хозяйств населения уменьшился на 6,3 п.п. и составил 54,0 %.

Растениеводство. В 2015 г. в хозяйствах всех категорий произведено 3005,4 тыс. тонн зерна в весе после доработки (124,1 % к уровню 2014 г.), 1133,5 тыс. тонн картофеля (93,8 %), 1301,2 тыс. тонн сахарной свеклы (фабричной) (104,1 %), 267,9 тыс. тонн подсолнечника (127,1 %), 366,3 тыс. тонн овощей (104,8 %).

Основная доля зерна (73,7 % от общего производства), сахарной свеклы (фабричной) (81,5 %) и подсолнечника (77,3 %) выращена в сельскохозяйственных организациях, картофеля (94,7 %) и овощей (69,2 %) – в хозяйствах населения.

По данным Министерства сельского хозяйства Республики Башкортостан, в 2015 г. сельскохозяйственными организациями и крестьянскими (фермерскими) хозяйствами заготовлено 1397,7 тыс. тонн кормовых единиц грубых и сочных кормов, что на 4,8 % больше, чем в 2014 г. В расчете на условную голову крупного скота заготовлено по 29,6 центнера кормовых единиц грубых и сочных кормов против 26,5 центнера год назад.

В 2015 г. увеличилось **внесение минеральных удобрений** под посевы сельскохозяйственных культур. Под урожай 2015 г. в среднем на гектар посева было внесено 15 килограммов минеральных удобрений (в 2014 г. – 14), органических удобрений – 1,4 тонны (в 2014 г. – 1,2 тонны).

Животноводство. В хозяйствах всех категорий произведено скота и птицы на убой в живом весе 393,9 тыс. тонн (на уровне 2014 г.), молока – 1812,3 тыс. тонн (102,2 %), яиц – 928,3 млн штук (89,0 %). Большая часть произведенного мяса (60,0 % от всего производства) и молока (62,0 %) сосредоточена в хозяйствах населения. Производство яиц по-прежнему сконцентрировано в сельскохозяйственных организациях (69,1 %).

Среднесуточные привесы крупного рогатого скота составили 545 граммов (в 2014 г. – 518), свиней – 441 грамм (458), надой молока на одну корову – 4413 килограммов (в 2014 г. – 3881). От одной курицы-несушки получено 282 штуки яиц (в 2014 г. – 271 штука).

К началу 2016 г. численность крупного рогатого скота по республике составила 1139,5 тыс. голов (93,4 % к началу 2015 г.), в том числе коров – 460,2 тыс. (94,8 %); свиней – 426,1 тыс. голов (158,6 %), овец и коз – 816,6 тыс. (97,8 %), лошадей – 120,0 тыс. голов (95,6 %). В хозяйствах населения содержится 54,2 % от общей численности крупного рогатого скота, 12,1 % свиней, 86,5 % овец и коз, 51,1 % лошадей.

Грузооборот автомобильного транспорта республики в 2015 г., по оценке, выполнен в объеме 3301,8 млн тонно-км и снизился на 8,3 %.

Пассажиروоборот, выполненный автобусами общего пользования за 2015 г., по оценке, составил 3804,8 млн пассажиро-км, что на 0,6 % ниже уровня 2014 г.

Общий объем услуг **связи** по крупным и средним предприятиям и организациям в 2015 г. предварительно оценивался в 27,2 млрд руб. (в фактически действовавших ценах на 1,1 % меньше, чем в 2014 г.).

Оборот розничной торговли в 2015 г. составил 784,7 млрд руб., что в товарной массе на 12,0 % меньше, чем в 2014 г. По абсолютному показателю оборота розничной торговли Республика Башкортостан входит в первую десятку регионов Российской Федерации и, по предварительной оценке, занимает первое место среди регионов Приволжского федерального округа. На душу населения оборот розничной торговли в 2015 г. составил 192,7 тыс. руб., или 87,9 % (в сопоставимых ценах) к 2014 г.

В структуре оборота розничной торговли в 2015 г. удельный вес пищевых продуктов, включая напитки, и табачных изделий и непродовольственных товаров составил соответственно 49,7 % и 50,3 % (в 2014 г. соответственно 49,8 % и 50,2 %). Пищевых продуктов, включая напитки, и табачных изделий населению продано на 390,0 млрд руб., или 85,4 % к 2014 г., непродовольственных товаров соответственно на 394,7 млрд руб., или 89,9 %.

Оборот общественного питания в 2015 г. сложился в сумме 30,1 млрд руб., или 85,6 % к 2014 г. На душу населения оборот общественного питания в 2015 г. составил 7,4 тыс. руб., или 85,6 % (в сопоставимых ценах) к 2014 г.

В 2015 г. объем **платных услуг**, оказанных населению республики, составил 232,1 млрд руб., что в сопоставимых ценах на 4,7 % ниже уровня 2014 г. В видовом разрезе предоставленных населению платных услуг существенных структурных сдвигов не произошло. По-прежнему наибольший удельный вес занимали следующие виды услуг: коммунальные, транспортные, бытовые, жилищные услуги и услуги связи. В 2015 г. их доля несколько увеличилась (69,6 % в общем объеме платных услуг населению против 69,2 % в 2014 г.). Высокий прирост физического объема реализации платных услуг наблюдался в услугах гостиниц и аналогичных средств размещения (11,8 % к уровню 2014 г.), что обусловлено вводом в эксплуатацию шести новых гостиниц в столице республики.

Формируя современную сферу платного обслуживания населения, республика прочно удерживает второе место среди регионов Приволжского федерального округа по объему платных услуг на душу населения, который в 2015 г. составил 57,0 тыс. руб.

Финансы. По данным Министерства финансов Республики Башкортостан, на 1 января 2016 г. в **консолидированный бюджет** Республики Башкортостан поступило доходов в сумме 177,8 млрд руб., из них доля налога на доходы физических лиц составила 25,5 %, налога на прибыль организаций – 20,4 %, налогов на имущество – 9,2 %, налогов на товары (работы, услуги), реализуемые на территории Российской Федерации, – 8,8 %, налогов на совокупный доход – 3,5 %.

Расходы консолидированного бюджета сложились в сумме 179,7 млрд руб., из них на финансирование образования было направлено 54,3 млрд руб. (30,2 %), здравоохранения – 33,3 млрд руб. (18,5 %), национальной экономики – 30,7 млрд руб. (17,1 %), социальной политики – 23,8 млрд руб. (13,3 %), жилищно-коммунального хозяйства – 13,1 млрд руб. (7,3 %), национальной безопасности и правоохрани-

нительной деятельности – 1,7 млрд руб. (1,0 %).

Предприятиями и организациями (кроме малых предприятий, банков, страховых и бюджетных организаций) за январь-ноябрь 2015 г. получена **сальдированная прибыль** в сумме 86,5 млрд руб., или 72,8 % к январю-ноябрю 2014 г. Доля убыточных организаций составила 21,0 % (за январь-ноябрь 2014 г. – 18,6 %), сумма убытка – 63,7 млрд руб. (28,9 млрд руб.).

Просроченная кредиторская задолженность с начала года увеличилась на 4,4 % и на конец ноября 2015 г. составила 15,3 млрд руб. (3,0 % от общей суммы кредиторской задолженности). Обязательства предприятий поставщикам составили 73,6 % от просроченной кредиторской задолженности, долги в бюджет – 5,3%, задолженность в государственные внебюджетные фонды – 5,6 %. Задолженность предприятий по полученным кредитам банков и займам увеличилась с начала года на 4,7 %, просроченная задолженность возросла в 2,3 раза.

Просроченная дебиторская задолженность составила 24,7 млрд руб. (5,8 % от общей суммы дебиторской задолженности) и снизилась с начала года на 7,0 %. Большую часть ожидаемых платежей с истекшими сроками погашения (75,7 %) занимают долги покупателей. Общая кредиторская задолженность превышает дебиторскую задолженность на 22,8 %.

По данным Национального банка по Республике Башкортостан, по состоянию на 1 декабря 2015 г. на территории республики действовало **84 кредитные организации**, в том числе 5 республиканских кредитных организаций, 23 филиала инорегиональных кредитных организаций, 56 прочих структурных подразделений (офисы дополнительные, операционные, кредитно-кассовые).

Остатки кредитных вложений банков Российской Федерации в экономику Республики Башкортостан на 1 декабря 2015 г. составили 667,6 млрд руб., из них 27,4 % приходится на предприятия, занятые в сфере обрабатывающих производств, 9,9 % – добычи полезных ископаемых, 5,9 % – оптовой и розничной торговли, ремонта автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов

личного пользования, 4,9 % – сельского хозяйства, охоты и лесного хозяйства, 2,1 % – строительства, 0,9 % – транспорта и связи, 0,6 % – производства и распределения электроэнергии, газа и воды.

Вклады населения в кредитных организациях республики на 1 декабря 2015 г. составили 287,4 млрд руб. и увеличились с начала года на 11,4 %.

Инфляция в потребительском секторе за январь-декабрь 2015 г. сложилась на уровне 10,9 (аналогичный показатель 2014 г. – 11,2 %). Индекс потребительских цен на продовольственные товары составил 110,7 % (январь-декабрь 2014 г. – 115,4 %), непродовольственные товары – 112,2 % (105,9 %), услуги – 109,2 % (113,0 %).

Инфляция в среднем по Российской Федерации сложилась на уровне 12,9 %, в Приволжском федеральном округе – 11,6 %: от 10,4 % в Оренбургской области до 13,8 % в Ульяновской области. В большинстве субъектов Приволжского федерального округа отмечались общие тенденции роста цен: интенсивное удорожание основных социально значимых видов продовольствия и импортозависимых товаров.

На продовольственном рынке в декабре 2015 г. относительно декабря 2014 г. цены на сухофрукты, лимоны, сельдь соленую, перец черный выросли в 1,5–1,7 раза, чеснок – в 2,0 раза. Из социально значимых продуктов хлеб и хлебо-булочные изделия в среднем подорожали на 12,7 %, масло сливочное, сыр, молоко и молочная продукция – на 5,0–7,7 %, крупы, бобовые, макаронные изделия – на 9,6–14,5 %. На говядину, рыбу мороженую и консервы рыбные прирост цен составил 19,1–23,1 %, маргарин, масло подсолнечное и оливковое, чай и кофе, шоколад и конфеты шоколадные – 25,4–44,3 %, бананы, апельсины и орехи – 22,2–40,4 %. Снизились цены на сахар, водку, мясо кур, картофель, капусту, лук и морковь.

Из **непродовольственных товаров** дизельное топливо и бензин автомобильный подорожали на 3,7–4,8 %, легковые автомобили новые (отечественные и импортные) – на 12,7–21,1 %. Прирост цен на моющие и чистящие средства, предметы личной гигиены, ювелирные изделия

из золота, табачные изделия составил 19,1–38,1%, отдельные виды электротоваров и бытовых приборов – 10,9–38,2 %, одежды и обуви – 4,8–27,1 %. Из 45 наблюдаемых медикаментов на 9 видов цены выросли на 18,1–44,4 %, на 6 наименований – в 1,5–1,8 раза (наибольший прирост цен сложился на анальгин отечественный).

В сфере услуг из административно регулируемых были повышены тарифы на услуги организаций ЖКХ, оказываемые населению, на 9,5 %, городской телефонной связи, телеграфной и почтовой – на 3,5–13,3 %, плата за радиотрансляционную точку – на 30,0 %. Стоимость повторного получения гербового документа в органах ЗАГС стала дороже в 1,8 раза, посещения детского ясли-сада – в 1,5 раза, проживания в студенческом общежитии – на 22,3 %. Плата за проезд в поездах дальнего следования, городских муниципальных автобусах и междугородних автобусах поднялась на 8,1–10,2 %, электрическом транспорте в г. Уфа – на 20,0 %. При этом на 14,6 % снизилась стоимость билетов на пригородные поезда. Из других наблюдаемых услуг стоимость обучения в высших учебных заведениях выросла на 9,9 %, билетов в театры и музеи – 20,7–23,1 %, обслуживания банковской карты – на 32,1 %. Кроме того, санаторно-оздоровительные, медицинские и ветеринарные услуги стали дороже на 9,1–12,5 %, услуги зарубежного туризма – на 17,0 %.

Индекс цен производителей промышленных товаров (реализуемых на внутрисосийском рынке) за январь-декабрь 2015 г. сложился на уровне 111,2 % (в аналогичном периоде 2014 г. – 104,0 %), в том числе в добыче полезных ископаемых – 132,4 % (104,5 %), обрабатывающих производствах – 108,6 % (103,6 %), производстве и распределении электроэнергии, газа и воды – 110,6 % (106,5 %). За год цены на газ горючий природный и нефтяной попутный увеличились на 12,0–23,5 %, стоимость услуг по бурению, связанных с добычей нефти и газа, – в 1,6 раза. В производстве нефтепродуктов индекс цен на бензины автомобильные составил 102,2 %. В производстве пищевых продуктов цены на чай и масло подсолнечное выросли в

1,5–1,6 раза, рыбу и сельдь соленую, фарш, полуфабрикаты крупнокусковые, говядину – на 20,0–44,8 %, муку ржаную, сахар, мороженое, соки, консервы овощные и фруктовые – на 21,9–36,6 %. Из социально значимых продуктов питания изделия хлебобулочные недлительного хранения, мука пшеничная, изделия сухарные, бараночные и хлебобулочные сдобные подорожали на 12,6–17,6 %, сметана, молоко пастеризованное, сыр твердый, творог, крупы гречневая и перловая – на 7,5–11,0 %. Стали дешевле свинина на 5,3 %, спреда – на 10,8 %.

Индекс цен производителей сельскохозяйственной продукции за январь-декабрь 2015 г. составил 121,5 % (в аналогичном периоде 2014 г. – 104,3 %), в том числе на продукцию растениеводства – 142,1 % (95,8 %), животноводства – 115,0 % (108,5 %). В растениеводстве рожь и пшеница стали дороже на 15,0–17,4 %, горох, семена подсолнечника, гречиха – в 1,4–2,1 раза. Вместе с тем цены на картофель снизились на 12,5 %. В животноводстве наибольший прирост цен сложился на яйца куриные (в 1,6 раза).

Сводный индекс цен на продукцию (затраты, услуги) инвестиционного назначения за январь-декабрь 2015 г. составил 113,2 % (в аналогичном периоде 2014 г. – 106,5 %), в том числе индекс цен производителей на строительную продукцию – 109,1 % (102,6 %).

Рынок труда. Численность экономически активного населения в республике (по предварительным данным) по итогам обследования населения по проблемам занятости по методологии Международной организации труда в январе-декабре 2015 г. составила 2016,6 тыс. чел., из них занято – 1893,3 тыс. чел. Основная часть занятого населения сосредоточена на предприятиях и в организациях, среднесписочная численность работающих в них в январе-ноябре 2015 г. составила 1169,2 тыс. чел. (98,9 % к январю-ноябрю 2014 г.).

В январе-декабре 2015 г. в органы государственной службы занятости за содействием в трудоустройстве обратились 95,5 тыс. чел., из них 65,7 % граждан нашли работу (доходное занятие) с помощью службы занятости (в январе-

декабре 2014 г. соответственно 92,5 тыс. чел. и 70,8 %). Среди граждан, ищущих работу, 33,7 % не имели стажа трудовой деятельности.

На 1 января 2016 г. в органах службы занятости в качестве безработных зарегистрированы 26,1 тыс. человек, что на 13,2 % больше, чем на 1 января 2015 г. Среди них 61,2 % – женщины, 20,0 % – молодежь в возрасте 16–29 лет. Уровень регистрируемой безработицы составил 1,3 % экономически активного населения. Образовательный уровень безработных остается высоким. Большинство зарегистрированных безработных имели профессиональное образование (76,8 % от общего числа).

Сократилось число вакансий, заявленных работодателями республики в службы занятости. На 1 января 2016 г. потребность в работниках составила 23,2 тыс. человек, что на 19,2 % меньше, чем на 1 января 2015 г. Из общего количества вакансий, которыми располагали службы занятости, 75,4 % приходится на рабочие профессии. Основное число заявок поступило от строительных организаций (17,5 %), промышленных предприятий (15,5 %), транспорта и связи (13,5 %), организаций, занимающихся операциями с недвижимым имуществом, арендой и предоставлением услуг (11,8 %), организаций здравоохранения (10,2 %), предприятий сельского и лесного хозяйства (8,9 %), предприятий торговли (7,5 %), организаций образования (5,9 %).

Денежные доходы. По ежемесячной оценке, в январе-ноябре 2015 г. реальные располагаемые денежные доходы населения (за вычетом обязательных платежей, скоррек-

тированные на индекс потребительских цен) составили 95 % по сравнению с аналогичным периодом 2014 г. Среднедушевой денежный доход в январе-ноябре 2015 г. сложился в сумме 26859 руб. в среднем за месяц.

Среднемесячная заработная плата, начисленная работникам предприятий за январь-ноябрь 2015 г., сложилась в размере 25311,6 руб., реальная заработная плата (с учетом индекса потребительских цен) составила 90,1 %.

Общая сумма просроченной задолженности по заработной плате по наблюдаемым видам экономической деятельности на 1 января 2016 г. составила 3,2 млн руб. Общая величина задолженности уменьшилась по сравнению с 1 января 2015 г. на 6,8 %.

Демографическая ситуация в январе-декабре 2015 г. характеризуется естественным приростом населения (5089 человек). За январь-декабрь 2015 г. в республике родилось 59196 человек, что на 1,7 % меньше января-декабря 2014 г., число умерших составило 54107 человек, увеличилось по сравнению с аналогичным периодом прошлого года на 1,1 %.

Высокой остается доля умерших от болезней системы кровообращения (40,3 %), злокачественных и доброкачественных новообразований (12,2 %), внешних причин (10,7 %).

За январь-ноябрь 2015 г. общая миграционная убыль населения по Республике Башкортостан составила 4612 человек. Наблюдается убыль населения в другие регионы России (7503 человека). Со странами СНГ и другими зарубежными странами сальдо миграции положительное.

О Международной научно-практической конференции «Статистика в экономических и гуманитарных науках» (28–29 января 2016 г., Санкт-Петербург)

Конференция на базе кафедры статистики и эконометрики стала традиционной и проводится раз в два года начиная с 2004 г. Проведению такой международной конференции всегда предшествует большая подготовительная работа сотрудников и профессорско-преподавательского состава кафедры, университета, научной общности города и регионов. Инициатором проведения конференции является Ирина Ильинична Елисеева – член-корреспондент РАН, заслуженный деятель науки РФ, доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой статистики и эконометрики Санкт-Петербургского государственного экономического университета (СПбГЭУ) – ученый с мировым именем.

На церемонии открытия конференции с приветствием обратились проректор по научной работе СПбГЭУ А.Е. Карлик, заместитель руководителя Росстата Г.К. Оксенойт, первый заместитель председателя Комитета по науке и высшей школе Правительства Санкт-Петербурга И.Ю. Ганус, председатель правления Российской ассоциации статистиков А.Н. Пономаренко, декан экономического факультета Европейского университета в Санкт-Петербурге М.В. Буев, декан факультета экономики и финансов СПбГЭУ В.Г. Шубаева, ректор Вроцлавского экономического университета А. Господарович.

Пленарное заседание началось с доклада Г.К. Оксенойта «Основные направления развития российской государственной статистики», в котором были раскрыты задачи органов статистики по мониторингу социально-экономического развития на современном этапе. Особое внимание было уделено «ненаблюдаемой экономике» в разрезе видов деятельности, в частности, в сельском хозяйстве, малом бизнесе, операциях с недвижимостью. Роли статистической информации и знаний в глобальном мире был посвящен доклад профессора Экономического университета Варна (Болгария) Д. Радилова.

С большим интересом были встречены доклады Ю.И. Нерадовской «Статистические знания экономистов через призму требований государственных стандартов» (СПбГЭУ),

А. Блейка «Как нужно преподавать статистику современному студенту» (Университет г. Любляны, Словения, руководитель секции статистического образования Международного статистического института), Н.В. Буровой «Статистическое образование и популяризация профессии статистика: пример Франции» (СПбГЭУ). Доклад Ю.В. Сажина (Мордовский государственный университет им. Огарева) был посвящен опыту интегральной оценки кадрового потенциала вуза как элемента совершенствования образовательной деятельности.

Важные аспекты взаимосвязи статистики с экономическими науками были рассмотрены в докладах В.Я. Соколова «Бухгалтерский учет как поставщик статистической информации», А. Господаровича «Финансовые эксклюзии в Польше». Содержательный доклад «Алгоритмы верификации данных обследований населения в целях совершенствования методологии расчета среднемесячной заработной платы наемных работников», подготовленный совместно с заместителем руководителя ФСГС К.Э. Лайкамом, представила Е.В. Зарова (Российский экономический университет им. Плеханова). Результаты исследования влияния науки и бизнеса на инновационную активность регионов были рассмотрены в докладе С.А. Айвазяна, М.Ю. Афанасьева (ЦЭМИ РАН).

Проблемы развития статистической методологии в области демографии, качества жизни населения, пенсионной системы РФ освещались в докладах М.А. Клупта (СПбГЭУ), Н.Ч. Бокун (Белорусский государственный экономический университет), В.С. Мхитаряна (НИУ ВШЭ) и С.С. Михайловой (Восточно-Сибирский университет). В докладе М.А. Клупта были раскрыты основные тенденции демографического развития Европы в начале XXI века. В докладах Н.Ч. Бокун и В.С. Мхитаряна был сделан акцент на систему показателей качества жизни населения и пенсионной системы РФ. Повышению качества статистической грамотности, образования и необходимости восстановления статистики в общероссийском классификаторе специальностей по образованию был посвящен доклад

Е.С. Завариной (НИУ ВШЭ). Вопросы оценки экономического роста Арктической зоны РФ были рассмотрены в докладе В.В. Глинского, Л.К. Серги, С.А. Смирнова (НИНХ).

В первый день состоялось также расширенное заседание Правления Российской ассоциации статистиков, на котором выступил председатель Правления А.Н. Пономаренко с докладом «Участие России в формировании новой системы глобального партнерства в области статистики». Был обсужден отчет о работе РАС в 2015 г. и утвержден план работы на 2016 г.

Во второй день продолжилось пленарное заседание и началась работа четырех секций. На пленарном заседании, несомненно, большой интерес вызвал доклад В.Н. Лившица (Институт системного анализа РАН) «Четверть века нестационарности российской экономики», в котором были раскрыты основные тенденции и противоречия развития российской экономики. Вопросы использования новых технологий в информационном обеспечении органов власти в регионах Северо-Западного федерального округа были рассмотрены в докладе О.Н. Никифорова (Петростат).

Актуальным вопросам методики были посвящены выступления Л.И. Ниворожкиной, Э.У. Ярасхановой (РИНХ) на тему «Воздействие неучитываемых доходов домохозяйств на уровень и структуру неравенства», а также В.Н. Салина, Е.И. Ларионовой «Статистический анализ показателей деятельности банковского сектора Российской Федерации» (Финансовый университет при Правительстве РФ).

На заседаниях секций рассматривались актуальные вопросы, связанные с ролью статистики и бухгалтерского учета для экономистов, с содержанием статистики социально-экономических процессов, экономико-математических методов, проблем преподавания статистических дисциплин и статистической грамотности.

На конференцию поступили 163 научных сообщения от 219 научных сотрудников, преподавателей, аспирантов и практических работников. В них получили отражение основные направления развития статистической науки, образования и практики. Все эти материалы опубликованы в сборнике, сформированном по результатам конференции.

По итогам конференции были приняты резолюция и решения, призванные привлечь внимание Министерства образования и науки РФ к статистическому образованию экономистов, гуманитариев, а также общественности к возрастающей роли статистики в современном мире.

Следует отметить рост активности российских статистиков, о чем свидетельствует проведение конференций не только в Москве и Санкт-Петербурге, но и в ряде региональных научных центрах, например, в Новосибирске, Ростове-на-Дону, Оренбурге. В этой связи следует отметить значимость активного участия научной общественности Республики Башкортостан в работе Всероссийской общественной организации «Российская ассоциация статистики (РАС)», а также участия России в формировании новой системы глобального партнерства в области статистики. Важным шагом в данном направлении могло бы стать проведение в России Всемирного статистического конгресса (ВСК). В России ВСК проводился один раз, в Санкт-Петербурге, в 1897 г. Местом для проведения международных конференций, конгрессов может стать столица Республики Башкортостан – г. Уфа, где в 2010 г. прошла Всероссийская научно-практическая конференция, посвященная 175-летию образования службы государственной статистики в Республике Башкортостан. Тогда в работе конференции приняли участие 234 человека из 32 регионов РФ, в их числе 110 сотрудников территориальных органов ФСГС. Были представлены доклады 24 руководителей территориальных органов государственной статистики. Кроме того, в конференции приняли участие 20 докторов наук, 69 кандидатов наук. Башкортостан занимает третье место среди субъектов РФ по количеству объектов предстоящей сельскохозяйственной переписи, что усиливает внимание Росстата к нашей республике. В г. Уфе в последнее время успешно проводятся конгрессы, форумы, конференции с участием правительств стран ШОС и БРИКС, ученых и общественных деятелей.

Н.Т. Рафикова, д-р экон. наук, профессор кафедры бухгалтерского учета, статистики и информационных систем в экономике Башкирского государственного аграрного университета

АННОТАЦИИ И КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

ABSTRACTS AND KEY WORDS

Г. БАГРАТЯН. Мегаэкономика как новая область исследования экономической науки

Развитие глобализации в экономической сфере привело к ситуации, когда сложились общемировые условия равновесия спроса и предложения не только на товары и услуги, но также на ресурсы. Результатом этого стало формирование общемировых кривых спроса и предложения на ресурсы. Автор статьи выдвигает тезис, согласно которому указанные процессы формируют новую предметную область исследования для экономической науки, которую предлагает обозначить как «мегаэкономика».

Ключевые слова: мегаэкономика, равновесие, спрос, предложение, ресурсы, макроэкономика.

G. BAGRATYAN. Mega-economics as a New Branch of Economic Research

Development of globalization in the economic sphere caused the situation when global conditions of supply and demand equilibrium not only for goods and services but also resources were created. As a result, global supply-and-demand curves of resources were formed. The article's author suggested a thesis according to which the considered processes developed a new subject field for economic research and it might be called «mega-economics».

Key words: mega-economics, equilibrium, supply, demand, resources, macro-economics.

Д. ЖУКОВ. Приложение теории самоорганизованной критичности к исследованию социополитических процессов

В статье рассматриваются эвристические возможности теории самоорганизованной критичности для изучения социальных и политических феноменов. В частности, продемонстрировано, что подходы и инструментарий этой теории позволяют сделать обоснованные заключения относительно внутреннего устройства социальных систем, а также отследить их трансформацию.

Ключевые слова: самоорганизованная критичность, фрактал, розовый шум, 1/f-шум, общество, политика.

D. ZHUKOV. Applying Theory of Self-organized Criticality to Study Socio-Political Processes

In the article there were regarded heuristic opportunities of self-organized criticality theory to study social and political phenomena. Particularly, the theory's approaches and tools were demonstrated to make reasonable conclusions concerning internal organization of social systems and chase their transformations.

Key words: self-organized criticality, fractal, pink noise, 1/f-noise, society, politics.

Р. БИКМЕТОВ. Стратегия социально-экономического развития градообразующих предприятий в условиях санкций

В статье доказывается необходимость разработки специальной стратегии социально-экономического развития градообразующих предприятий в условиях санкций. Такая стратегия позволит обеспечить долгосрочное эффективное устойчивое развитие предприятий и связанных с ним городов, агломераций в непростых условиях санкционного давления. Описываются особенности такой стратегии и предлагаются ее конкретные направления.

Ключевые слова: санкции, градообразующее предприятие, стратегия, социально-экономическое развитие, сценарии.

R. BIKMETOV. Strategy of Social-economic Development of City-forming Enterprises Struck by Sanctions

In the article there was justified the necessity of developing a special strategy of social-economic growth of city-forming enterprises struck by sanctions. The strategy would provide long-range effective growth of the enterprises and cities, agglomerations under severe conditions of sanction pressure. Peculiar features of such a strategy were described and its specific directions were suggested.

Key words: sanctions, city-forming enterprises, strategy, social-economic development, scenarios.

Е. ГИЛЯЗЕТДИНОВА, Р. САБИРОВ. Интеграция бизнес-структур как фактор социально-экономического развития Российской Федерации

Статья посвящена исследованию интеграционных процессов в предпринимательской среде и их влияния на социально-экономическое развитие Российской Федерации. Обоснована целесообразность частно-государственного партнерства для развития промышленных кластеров.

Ключевые слова: малое и среднее предпринимательство, бизнес-структуры, интеграция, кластер, кластерные организационные технологии.

E. GILYAZETDINOVA, R. SABIROV. Integration of Business Structures as a Factor of Social and Economic Development of the Russian Federation

The article investigates the integration processes in the business environment and their impact on the socio-economic development of the Russian Federation. The authors also proved practicability of private-state partnership for development of industrial clusters.

Key words: small and medium enterprises, business structures, integration, cluster, clustered organizational technologies.

Р. АГЗАМОВ. Контекст как актив стратегического маркетинга

В статье подчеркивается важность роли контекстов в создании смыслов и значений в конкретных маркетинговых процессах и практиках, составляющих повседневную деятельность предприятий. Утверждается, что контекст может рассматриваться как актив, позволяющий генерировать новые возможности и ресурсы и создавать конкурентные преимущества для предприятий, работающих в условиях рынка.

Ключевые слова: контекст, ориентация на рынок, контекстуальный взгляд на проблему, создание восприятия, маркетинговое управление, контекстуализация.

R. AGZAMOV. Context as Value of Strategic Marketing

In the article there was emphasized the role of contexts in creating the essence and significance in specific marketing processes and practices of enterprises' daily operation. It was maintained that the context might be considered as a value that let generate new possibilities and resources and create competitive advantages for enterprises working in market conditions.

Key words: context, market orientation, contextual look at an issue, perception development, marketing management, contextualization.

П. АВДЕЕВ. Современный подход к пониманию адаптивного управления

В статье раскрываются современные подходы к пониманию адаптивного управления. Проводится анализ понятий: адаптация, адаптивность, гибкость, адаптивное управление, адаптивное развитие. Рассмотрено соотношение понятий «гибкость» и «адаптивность», «адаптивное управление» и «стратегическое управление». Предложено авторское определение понятия «адаптивное управление», а также раскрыта роль адаптивных управленческих практик в стратегическом менеджменте.

Ключевые слова: адаптивное управление, адаптация, адаптивность, устойчивость, гибкость, адаптивные системы.

P. AVDEEV. The Modern Approach to the Understanding of Adaptive Management

In the article there was a described modern approaches to the understanding of adaptive management. The analysis of the concepts: adaptation, adaptability, flexibility, adaptive governance, and adaptive development was made. The paper considers how notions of «flexibility» and «adaptability», «adaptive management» and «strategic management» are connected. Based on the analysis the modern concept of adaptive management is formulated, and using areas for adaptive management and the role of adaptive management in strategic management are identified.

Key words: adaptive management, adaptation, adaptability, resilience, flexibility, adaptive systems.

Р. ГАЛИН. Анализ воспроизводства населения в муниципальных образованиях Башкортостана

В статье обосновывается необходимость анализа демографической ситуации в муниципалитетах. На примере Башкортостана анализируется состояние воспроизводства населения муниципальных округов и городов. Рассмотрены муниципалитеты, характеризующиеся наилучшими и наихудшими демографическими условиями.

Ключевые слова: воспроизводство населения, демографическая ситуация, муниципальные города и округа, естественные и миграционные прирост и убыль.

R. GALIN. Analyzing of Population Reproduction in the Municipal Entities of Bashkortostan

Article explains the necessity of the demographic situation analysis of municipalities. On materials of Bashkortostan the state of population reproduction was analyzed by groups of municipal districts and cities. The municipalities with the best and worst demographic terms were distinguished.

Key words: population reproduction, demographic situation, municipal cities and districts, natural and migration growth and loss.

А. АЛЛАЯРОВА, М. БАКИЕВА, С. КАДЫРОВ. Основные факторы здоровья населения Республики Башкортостан

В статье представлены результаты социологических опросов, проведенных в сентябре 2014 г. в рамках программы комплексного наблюдения условий жизни населения Республики Башкортостан. Приводятся данные опроса, отражающие оценку населением состояния здоровья и медицинского обслуживания. Оценки приведены по населению в целом, по возрастным группам и по городским и сельским поселениям.

Ключевые слова: субъективные оценки, здоровье населения, медицинское обслуживание населения.

A. ALLAYAROVA, M. BAKIEVA, S. KADYROV. Main Factors of Population Health of the Republic of Bashkortostan

In the article there were presented the results of sociological survey conducted in September, 2014 within the program of complex studying of living conditions of the RB population. The survey data of health care and conditions assessment were provided. The assessment was performed for the whole population, age groups, urban and rural settlements.

Key words: subjective assessments, population health, health care of population.

Восточный вектор внешней политики России на современном этапе

(интервью с В.И. Трубниковым)

Интервью с вице-президентом Российского совета по международным делам В.И. Трубниковым посвящено анализу содержания и последствий внешнеполитических процессов 2015 г. для России и мирового сообщества в целом. В их числе – саммиты ШОС и БРИКС в Уфе, интеграция Таджикистана в ЕАЭС, ситуация в Сирии и другие.

Ключевые слова: саммиты, ШОС, БРИКС, Индия, Пакистан, ЕАЭС, Таджикистан, интеграция, Сирия.

Eastern Vector of Russia's Foreign Policy at the Present Stage (Interview with V.I. Trubnikov)

The interview with V. I. Trubnikov, Vice-President of Russian Council of Foreign Affairs, is devoted to analysis of contents and consequences of foreign political processes in 2015 for Russia and the world community as a whole. The discussed issues were the SCO and BRICS summits in Ufa, Tajikistan's integration into Eurasian Economic Union, situation in Syria etc.

Key words: SCO, BRICS, summits, India, Pakistan, EEU, Tajikistan, integration, Syria.

Ю. ДОРОЖКИН, М. САБИТОВ. Политические факторы протестной активности в период электорального цикла 2011–2012 гг. в России

В статье авторы рассматривают политические факторы массовых протестов 2011–2012 гг. в России: специфика политического режима, степень фрагментации политических элит и распределение ресурсов между властью и оппозицией. Анализ указанных параметров позволил сделать вывод, что к началу электорального цикла данные политические факторы значительно эволюционировали, обеспечив создание благоприятных возможностей для роста массовой политической активности.

Ключевые слова: политический режим, массовые протесты, электоральный цикл 2011–2012 гг., политическая система.

Yu. DOROZHKIN, M. SABITOV. Political Factors of Protest Activity during a Period of Election Cycle in 2011–2012 in Russia

In the article authors were considered political factors of mass protests in 2011–2012 in Russia, such as political regime peculiarities, degree of political elites' fragmentation and resources' distribution between the power and opposition. On the basis of analysis it is possible to conclude, that by the election cycle beginning these political factors were significantly evolved and ensured the opportunities' formation for mass political activity.

Key words: political regime, mass protests, election cycle in 2011–2012, political system.

В. РУСАКОВ. Институт уполномоченного органа в сфере государственно-частного партнерства: мировой опыт и российские реалии

В статье исследуются законодательные решения, учитывающие особенности взаимодействия государства и предпринимательства в целях достижения устойчивого социально-экономического

раста. На основе анализа международного опыта работы институтов уполномоченного органа в сфере государственно-частного партнерства предложены практические рекомендации для оптимизации аналогичной деятельности в России и ее регионах.

Ключевые слова: уполномоченный орган, участники соглашения ГЧП, свободные и особые экономические зоны, территории опережающего развития, единая система управления, наблюдательный (экспертный) совет.

V. RUSAKOV. Institute of Authorized Body in Sphere of Public-Private Partnership: International Experience and Russian Reality

In the article there researched legislative solutions to consider peculiarities of relationship between the state and entrepreneurship in order to gain sustained social-economic growth. Based on analysis of the international experience of institutes of authorized body in the sphere of public-private partnership there were suggested practical recommendations for optimization of similar activity in Russia and its regions.

Key words: authorized body, parties of public-private partnership agreement, free trade and special economic zones, territories of priority development, single management system, expert board.

Т. ЗИНУРОВ. Юридические факты в финансовом праве

В статье рассматривается одна из базовых категорий юридической науки – юридические факты. Автор уточняет это понятие и раскрывает логику влияния юридических фактов на возникновение, изменение и прекращение финансовых правоотношений.

Ключевые слова: юридические факты, правоотношение, гипотеза нормы права, событие, действие.

T. ZINUROV. Legal Facts in Financial Law

In the article there was considered one of the basic categories of legal science-legal facts. The author specified this notion and revealed logical impact of legal facts on the origin, changes and rupture of financial legal relations.

Key words: legal facts, legal relations, hypothesis of legal standards, event, action.

Социально-экономическое положение Республики Башкортостан в 2015 году

Приведены показатели, характеризующие социально-экономическое положение Республики Башкортостан в 2015 году: основные макроэкономические индикаторы, показатели развития промышленности, сельского хозяйства, транспорта и связи, финансовой системы и социальной сферы.

Ключевые слова: макроэкономические показатели, социально-экономическое положение региона.

Social-economic Conditions of the Republic Bashkortostan in 2015

The article provides the indices, characterizing social-economic conditions of the Republic Bashkortostan in 2015: basic macroeconomic indicators, indices of development of industry, agriculture, transport and means of communication, financial and social spheres.

Key words: macroeconomic indices, region's social-economic conditions.

Учредители: Башкирская академия государственной службы и управления при
Главе Республики Башкортостан, Академия наук Республики Башкортостан

Редактор А.В. Борисова

Адрес редакции:

450057, г.Уфа, ул.Цюрупы, 6, 1-й подъезд, к.402

Тел. (347) 273-87-32

E-mail: ekonuprav@ufanet.ru

<http://bagsurb.ru/about/journal/>

Подписано в печать 12.02.2016. Усл. печ. л. 10.

Формат 60x84/8. Тираж 500 экз. Заказ № 38.

Отпечатано в издательстве БАГСУ

450022, г.Уфа, ул.Менделеева, 134/2. Тел. (347) 252-21-09

E-mail: izdatbagsu@mail.ru